

Валерий Евстигнеев

ОТРАВЛЕННЫЕ

ЛЮБОВЬЮ

**Думаю, что человек был бы
гораздо лучше, если бы в течение
жизни был достойно вознагражден
и заслуженно наказан.**

***О мужской глупости.
О женском коварстве.***

Феминисткам в подарок:

ОТ АВТОРА

***В моих книжках много чернухи.
Однако не моя вина в том, что жизнь
людей на девяносто процентов
сплошная чернуха.***

ПРАЗДНИКИ

Скоро Новый год. В эти предпраздничные дни Берсентьев всегда вспоминал о родных и близких.

Надо не забыть собрать в большой пакет все грязное белье и снести мамочке — пусть по-стирает.

Отца надо попросить, чтобы пришел и под-красил трубы в ванной.

Сестра второй год грозитя перелицевать костюм. Как придет поздравлять — непременно напомним.

У лучшего друга надо занять деньжат — уж в Новый год не откажет.

Любящей подруге намекнуть, какой подарок мне хочется.

Жене наказать накрыть праздничный стол побогаче.

Да и хорошо бы не забыть хотя бы на словах поздравить всех с праздником.

ОБМАНУТЫЙ СТРАСТЬЮ

Сегодня я скучаю по тебе, как никогда. Ты так мила, так красива, так нежна. На улице льет дождь, тоска, мне тебя сильно не хватает. Все суета сует, если нет любви.

Сейчас я позвоню тебе. Вот я снял трубку, вот набираю знакомый номер. Гудки, гудки, и вот опять я слышу твой мерзкий, отвратительный голос.

И вдруг вспоминаю — мы же в ссоре.

ФОМА НЕВЕРУЮЩИЙ

От серьезных мыслей про день пива Новикова отвлек идущий навстречу сосед по лестничной клетке Сатюков. Желая поделиться доброй новостью, Новиков не удержался и, поздравившись, сообщил: «Слыхал, Данил Данилыч, завтра в городе объявлен день пива. И по этому поводу в пивном баре «Краб» пиво будут наливать бесплатно всем желающим. Правда, только с часу до трех. Пойдешь?» «Что за люди, что за народ такой. Какой же ты наивный, соседушка. Неужели ты веришь в эти сказки, что кто-то, где-то, кому-то будет разливать пиво бесплатно. Нет, брат, чудес на свете не бывает». «Да я тебе говорю, — обиделся Новиков. — Даже в газете пропечатали. На, читай!» И Новиков протянул Сатюкову местную газету. «Ну что ты за человек такой, — сунув газету в карман, продолжал укорять его Сатюков. — Веришь всякой противосто-естественной чепухе, как дитя малое. Они что хочешь пропечатать могут, а жизнь диктует свое. У нее, брат, свои законы — бесплатно пиво разливать дураков нет». «Ну, ты, Данил Данилыч, прямо Фома неверующий». «Да, я такой, и небылицам всяким не верю. И тебе не советую. Так что никуда не ходи, не позорься и времени не теряй».

Про себя Сатюков подумал: «Сегодня же позвоню в редакцию, все уточню, все разузнаю. И даже если там не подтвердят, а будут юлить, специально пораньше приду в пивбар «Краб» с газетой в руках. И пусть попробуют не налить хотя бы кружку!»

БЕСПАРДОНЩИНА

Мужчина в возрасте увидел молодую де-вушку, подошел. «А я вас знаю, хотя вы видите меня первый раз. За мою долгую жизнь у меня было множество девушек,

как две капли воды похожих на вас. И мне кажется, я знаю ваш запах, ваш темперамент, изгибы вашего тела, чего вы любите, чего не любите, занимаясь любовью. Кстати, всем этим девушкам было со мной хорошо».

Девушка фыркнула и, не растерявшись, дала ответ: «Я хоть и молодая, но у меня уже было немало старых пердунов, как две капли воды похожих на вас. Могу вас заверить, мне было только противно».

ЖЕНИХ ЗА ГЛАЗА

После долгой переписки они наконец-то решили — пора встретиться.

«Как быть, как быть? — думала она, — как произвести на него неотразимое впечатление?» Параллельно мучила и другая мысль: «А вдруг живьем он мне не понравится, а вдруг он совсем не такой, каким я себе его представляю? Все равно, даже если он хуже, чем на фотографии и разочарует меня, все равно надо его впечатлить». И она решила действовать: длинные волосы были подстрижены и перекрашены. Брови наполовину выщипаны, на не знающую косметики кожу был наложен слой крема, пудры, румян. Пухлые губы намазаны темно-коричневой помадой и обведены карандашом.

Он пришел с цветами и широкой улыбкой на лице. Когда он подошел ближе и увидел ее лицо, в его глазах появилось недоумение и разочарование — улыбка на его лице погасла.

Она была смущена и в то же время довольна. Он был очень хорош, гораздо лучше, чем на фотографии. Перед ней стоял он — тот, о ком она мечтала всю жизнь.

ПЕРНО — АНИСОВАЯ ВОДКА

Господин Крикалев взошел на ажурный мостик, сделанный в стиле «Ренессанс». На середине моста он остановился и с любопытством рассмотрел золотых рыбок, плавающих внизу, в искусственном водоеме. Сойдя с мостика, Крикалев оказался на веранде престижного ресторана. Ничуть не смутившись роскошного убранства, Крикалев выбрал столик у фонтана с мальчиком пис и, сняв шляпу, уселся в плетеное из невесть какого растения кресло. Пролистав массивное в кожаном переплете меню, Крикалев ничем не выдал удивления от астрономических цен. По-ложив меню рядом со шляпой, он поднял глаза на вышколенного официанта, терпеливо ждущего, когда Крикалев ознакомится с ассортиментом. «А что, голубчик, есть ли у вас «Перно»? Велико-лепно утоляет жажду, особенно если его смешать с содовой». «Миллион извинений, но, к сожалению, «Перно» не держим. Наша карта вин, как и весь ликероводочный ассортимент, состоит в основном из коллекционных напитков». «А жаль. — Крикалев вальяжно потянулся за шляпой. — Придется отобедать в отеле «Палас». Там и кухня лучше, и с выпивкой побогаче».

Р. С. Одинокий пенсионер Крикалев никогда не пил «Перно» и даже не знал, смешивают ли его с содовой. Но иногда в надежде чем-нибудь поживиться, он без дела слонялся по богатым кварталам, где ему очень хотелось хоть на одно мгновение почувствовать себя миллионером.

ТРЕПЛО

«Эта вещь осталась мне от покойного мужа, — объясняла Любовь Федоровна, прижимая к пышной груди сияющий от света ярко горящей лампы массивный мальтийский крест. — Сей шедевр ювелирного искусства

достался моему мужу от его деда, у которого в Кишиневе была своя макаронная фабрика. А вот откуда появился крест у деда моего мужа, сказать не берусь. Знаю, что прадед мужа из очень знатного рода. Погова-ривали, что он был масоном».

Абрам Фраймович, ювелир и антиквар с пятидесятилетним стажем, терпеливо ждал, когда Любовь Федоровна закончит свое повествование и наконец-то даст крест ему в руки. Крест ему был нужен, чтобы на все сто удостовериться в своей правоте. Правота Абрама Фраймовича заключалась в том, что Любовь Федоровна пудрит ему мозги, пытаясь выдать серебряный крест с диамантами за платиновый с бриллиантами.

САМЦЫ И САМКИ

Популяция девушек в наших краях разнообразна и многочисленна. Несмотря на это, мою самочку все время атакуют другие самцы. Я решительно отгоняю других самцов. Это занятие страшно утомляет, занимает много времени, к тому же связано с немалым риском. Принюхиваясь, по запаху, я научился определять, когда у моей самочки течка — значит, спаривания не будет, но эту проблему я решал, бегая к другой самочке, на территорию ее отсутствующего самца, что было тоже очень рискованно, но зов плоти побеждал.

Мне двадцать четыре года, и я по профессии зоолог.

ЕГОР И НАДЯ

Надя, широко разводя руки, изо всех сил старалась показать Егору, какие высокие горы на Тибете. Потом долго объясняла, стараясь показать, какие обширные леса в Амазонии. Закончив тему, она, не делая перерыва, стала доводить до

сознания Егора содержание фильма с субтитрами, который она недавно посмотрела по телику.

Егор без особого интереса смотрел на длинные Надины пальцы, мелькающие у него перед глазами, на ее выразительную мимику и думал: «Какие все-таки бабы болтливые существа».

Между тем, что Надя, что Егор — оба глухонемые.

ЮРОДСТВО КАЗАНОВЫ

«Если бы я видел, что вы счастливы, я бы радовался вашему счастью в стороне, не показываясь вам на глаза. Но я вижу, что вы несчастливы и не могу быть к этому безучастен. Позвольте мне быть вашим другом. И как только в ваших глазах вновь засияет радость, я обещаю исчезнуть, чтобы не мешать вашему счастью». Она не сказала вслух «да», она согласилась поступками.

Через неделю они уже спали в одной постели, а через две для него все стало буднично, однообразно. «Ты счастлива?» — спросил он. «Да, конечно», — ответила она, прижимаясь к нему удовлетворенным телом. Глаза ее сияли счастьем. «Это хорошо, я так рад за тебя, значит, свою миссию я выполнил. Вчера я познакомился с девушкой, она очень несчастна, я обещал ей помочь. Ничего не поделаешь, дорогая — это мой долг».

КАК ПРОЙТИ В БИБЛИОТЕКУ?

Ночь, ливень, ветер, плохое освещение, безлюдно. Мужчина в этом районе впервые. «Кого же спросить? Некого! Ага, вон появилась женщина вдалеке, спрошу у нее». И мужчина чуть ли не бегом кинулся догонять ее.

Женщина оглянулась и заметила спешащего к ней мужчину. Насколько могла, она прибавила шагу. Значительно сократив расстояние, мужчина окликнул женщину. Но она сделала вид, что не слышит, и почти побежала. «Маньяк», — мелькнуло у нее в голове.

Наконец-то мужчина догнал ее. «Простите, вы, — чтобы обратить на себя внимание, мужчина тянет руку и трогает женщину за плечо. — Простите, вы». Женщина, резко повернувшись, пускает мужчине в лицо жгучую струю красного перца из газового баллона.

P. S. Мужчина ослеплен и корчится от боли. А ведь он всего лишь хотел спросить, как найти нужный ему дом, в котором на первом этаже районная библиотека.

БЫЛ БЫ ПОВОД

Последнее время Болдырев, особенно после того, как ему исполнилось шестьдесят, очень сердился на юную подругу свою — даже гневался. От этого в голову лезли дурацкие мысли, иной раз совсем нелепые. «Она думает, жизнь — это сюсюканье, поцелуйчики и возня в постели. Мнит себя жрицей любви, забывая, что на каждого, невзирая на лица, периодически нападает то понос, то золотуха. А у нее в голове только фантазии, лучезарные мечты и любовь».

Болдырев, подхвативший в какой-то забе-галовке диарею, подолгу сидел в сортире и упорно не хотел признаться себе в том, что ворчит на Марину, ища повод придраться к молодой любовнице. Пытаясь настроить себя против нее и побыстрее расстаться. При этом он упорно не хотел признаться себе в том, что он просто слишком стар, чтобы удовлетворять ее сексу-альные потребности.

ДВЕ ЗАПИСКИ

«Милая Клавдия! К сожалению, я сегодня не могу принять вашего предложения — быть вашим гостем. На это есть веская причина. Мне неудобно, даже стыдно об этом сообщать, но вы так настаиваете на этой встрече. Извольте: (надеюсь, это останется между нами) я, кажется, не совсем здоров. Не далее, как вчера, у меня обнаружился один характерный симптом — не исключаю, что это может быть венерическое заболевание. Так что сегодня вечером не ждите. По крайней мере, пока не проверюсь у доктора, и сомнения мои рассеются. Наверное, после этого вы меня не захотите видеть — и это правильно. Я не заслуживаю внимания такой великолепной, такой умной, благородной и порядочной женщины, как вы.

С искренним уважением,

Эдуард».

«Ценю ваше благородство. На такой поступок способен только честный человек. Другой бы заразил, а потом сделал бы вид, что он не при чем. А то и того хуже — разыграл бы из себя жертву. Вы, только вы, с вашей искренностью, с вашим благородством могли поступить как рыцарь, как настоящий мужчина.

Итак, жду вас вечером у себя, как и было договорено (не так уж и часто мой муж уезжает в командировки).

Целую, страстно желающая тебя,

Клава».

Абсолютно психически здоровых людей нет.

Каждый на чем-то маниакально зациклен.

ОБЯЗАТЕЛЬНО ПРИДЕТ

Бовин сидел на остановке и ждал, он нервничал, обеспокоенный опозданием четырнадцатого. К нему подошел мужчина, посмотрел на часы и спросил: «Скажите, а тридцать третий давно приходил?» Бовин, не отрываясь от своих мыслей, рассеянно ответил: «Может быть, может быть,ждемся и тридцать третьего, но четырнадцатый придет обязательно».

Удивленный ответом, мужчина поднял голову и посмотрел на расписание: «Но простите, четырнадцатый здесь не ходит». «Придет, обязательно придет, — уверенно сказал Бовин. — Никуда он не денется».

Подошедшему мужчине было невдомек, что Бовин имеет в виду свое — он ждал не транспорт, а молодого человека, с которым познакомился в Интернете и договорился о встрече. Этот парень будет в его сексуальной практике четырнадцатым по счету.

КАК ЖИТЬ? КАК УМИРАТЬ?

Астафьев никому не задолжал и никому не занимал. Ни с кем не связывался и ни с кем дел не имел. Ни о ком не сплетничал и ни во что не вмешивался. Никого не любил, никого не винил и ни к кому не испытывал чувства ненависти.

Когда Астафьев умер, этого никто не заметил и провожать его никто не пришел.

ВЕЗДЕ МУЖЧИНЫ, ВЕЗДЕ

В отличие от большинства граждан, которые весь год копят, а потом за две недели оставляют все накопленное на курорте — Лариса на курорты выезжает чуть ли не ежемесячно. Денег берет только на дорогу, полупустой

рюкзачок с вещами, а возвращается с чемоданом и полными сумками. На пальчиках появляются новые колечки, в ушах новые сережки, на шее золотая цепочка.

Особого секрета в этом нет — Ларису любят мужчины. Один в Сочи, другой в Сухуми, третий во Флоренции и так далее — мир большой и мужчины живут везде. Их так много, что маме про всех не расскажешь.

Ларисина мама подошла к телефону, звонила междугородка. Бархатный голос с кавказским акцентом спросил Ларису. «А ее нет, она в инсти-туте. Это, наверное, Вахтанг из Тбилиси? Лариса мне о вас много рассказывала, я рада, что она с вами встречается. Вы не волнуйтесь, как только она придет, я передам, что вы звонили». «Это не Вахтанг, — смутился бархатный голос. — Пере-дайте, звонил Ашот. Впрочем, не надо, ничего не передавайте».

Лариса явилась домой веселая, румяная — вечер с Арнольдом удался. Смущаясь, мама рассказала про звонок. «Что ты наделала, мама!» — Лариса сбледнула с лица, закурила, попросила сделать ей кофе. Успокоившись, сказала: «Хорошее дело пропало, богатый был мужик. Ну, да ничего, найдем другого. Не расстраивайся, мама, на мой век богатых мужиков хватит».

О, ЖЕНЩИНЫ!

Чтобы она чувствовала себя необыкновенной личностью, он хвалил ее по любому поводу, развивая в ней культ собственной исключи-тельности. В конце концов, поверив в собственную исключительность и

возомнив о себе невесть что, она бросила его, посчитав, что он недостойн такого сокровища.

Он познакомился с другой девушкой и стал с ней встречаться. Он ругал и критиковал ее по любому поводу — чтобы она не вообразила о себе невесть что. Она злилась, обижалась, комплексовала и, бросив его, ушла к первому, кто ее похвалил за ее исключительность и неповторимость.

Ей очень хотелось славы и богатства.

Он не мог дать ей ни того, ни другого.

ОДНАКО

Он в очередной раз признавался ей в любви. Клялся в верности, уверял, что так, как он, любить ее уже больше никто не будет. Говорил, что его любовь — это бесценный дар, который нельзя сравнивать ни с какими богатствами мира. Что его чувства к ней намного главней и дороже славы и денег. В доказательство своих слов, для примера, он рассказывал о внучке американского миллиардера — владельца отелей «Хилтон». О том, какая она (внучка) несчастна в личной жизни, как мужчины охотятся не за ее красотой и чувствами, а за ее деньгами. О том, как она одинока, как она мечтает о большой, светлой, бескорыстной любви. В конце концов, он спросил любимую: «Неужели ты хочешь быть такой же, как она?» «Да, еще как хочу!» — не задумываясь, выкрикнула любимая.

ОСТОРОЖНО

ЧЕРНУХА

ДУШНЫЕ ДНИ — ДУШНЫЕ НОЧИ

Как и вчера, она не удержалась от соблазна, поела на ночь грибов и обрадовалась гороховым супом. Она знала, чем это грозит, и какие последствия будет иметь. Но не удержалась, поела, насладилась, наелась от брюха и залегла, натянув одеяло до подбородка.

Он же в отличие лег натошак, о сне не было и речи. Из-за кошмара прошлая ночь у него была не из легких — теперь в тишине спальни в деталях вспоминался этот кошмарный сон.

Эскалатор спустился на глубину. Ожидающих поезда было много. Когда подъехал состав, толпа стала еще больше. Подкативший вагон переполнен, но к радости ожидающих народ выплеснулся, выскочили как ошпаренные почти все. Желая занять освободившиеся места, ожидающие, толкая друг друга, ринулись в узкие двери вагона. Каждый желал уехать, задние с невероятной силой давили на передних. Двери закрываются, вагон опять полон. Те, кто ворвался первыми, зажимают носы, жмурят глаза — в вагоне нестерпимая вонь. Попавших в ловушку людей начинает коробить. В вагоне трое бомжей, похоже, что все трое обкакались. Несмотря на тесноту, в радиусе один метр вокруг них вакуум. Но для жгучей вони преград нет. У впечатлительных начался рвотный рефлекс. Сначала вырвало девочку, потом ее папу, затем стошнило мальчика. Вагон заблевал как по цепной реакции. Зажимать рот и нос было бесполезно. Шубы, куртки, дубленки, пальто, стены, двери, окна, полы — все в рвотной массе. Те, кто покультурней, посообразительней, изры-гали содержимое своих желудков в головные уборы. Началась паника, люди шарахались друг от друга, пихались и блевали. Вот это была вонища! Когда состав наконец-то прибыл на станцию, все, до последнего

пассажира с еще большей скоростью и проворностью выскочили из вагона.

Из-под ее одеяла потянулся запахок, залезая в нос, раздражая рецепторы. Воздух в маленькой спальне загустел, насыщаясь бздёхом. Бесполезно дышать ртом, бесполезно обмахиваться газетой — надо спастись. Он встал и, зажимая нос, перебрался на кухню. Дверь в спальню оставил открытой — пусть проветривается.

На кухне светло, на плите чуть теплый горохо-вый суп, в сковородке остатки грибов — соблазнительно. Сняв с плиты кастрюльку, он взял ложку. Вкусно, но теперь взрыв метеоризма неизбежен.

Запахок из спальни проник на кухню, надо ложиться спать, тем более что грибы съедены, кастрюлька с супом пуста.

Прикрыв дверь, он на цыпочках прокрался к кровати и, нырнув под одеяло, затих. Он предвкушал удовольствие от мести, которая неизбежно выползет из-под его одеяла.

ЯРКОЕ СОЛНЦЕ

Поводив языком по сухим губам, Барсуков, не отрывая взгляда от потолка, спустил руку с дивана, нащупал бутылочку с минеральной, стоящей на полу и с жадностью выпил, осушив ее до дна. По радио передавали опостылевшую своими повторениями рекламу. Барсуков поднялся с дивана и направился на веранду, желая вдохнуть свежего воздуха. Проходя мимо орущего приемника, Барсуков, не поворачивая головы в его сторону, заученным движением протянул руку и на ходу выключил звук, безошибочно нажав на нужную кнопку. В квартире воцарилась тишина. Остановившись у телефона, Барсуков подумал: «Может, позвонить

Лариске? Хотя нет, не хочу, в прошлый раз от нее тошнотворно пахло тушеной капустой».

При выходе на веранду, над дверным проемом был приделан стальной турникет. Оказавшись под ним, Барсуков, не подняв головы, подпрыгнул, уцепился за турникет крепкими руками и не-сколько раз подтянулся. Спрыгнув, отцепившись от турникета, Барсуков, не глядя, перешагнул через высокий порожек и вышел на веранду. Ловким движением он открыл щеколду и распахнул окно. Сделав глубокий вдох, он замер в оцепенении. Большие бесцветные глаза его были устремлены прямо на солнечный диск. Впитывая в себя солнечное тепло, Барсуков долго стоял и смотрел на солнце, видя только беспросветную черноту — поскольку был слеп от рождения.

КОМУ ЧТО

Гоша — человек застенчивый, поэтому звезд с неба не хватает. Но руки у Гоши золотые, поэтому деньги у него есть. А там, где деньги, там и женщины. Очередной раз добрые люди познакомили Гошу с девушкой — жгучей брюнеткой. Гоша против девушки ничего не имел, и знакомство затянулось на месяц. Застенчивый Гоша к интимной близости никаких поползновений не делал. И брюнетка решила, что надо самой брать быка за рога.

Однажды, когда она и Гоша сидели на диване, прижавшись друг к другу, и смотрели эротический фильм по телеку, брюнетка обхватила Гошу за шею и потянула его на себя. Гоша аккуратно ее руку со своей шеи снял и, освободившись от объятий, предложил программу на телеке пере-ключить, мотивируя, что по третьей идет футбол. И добавил: «Вопще-то я разврат не люблю и сексом интересуюсь мало».

Гоша хотел сказать что-то еще, но оскорблен-ная

брюнетка резко встала с дивана и, поправив платье, заявила: «А зря, это именно то, чего тебе как мужчине в первую очередь не хватает!» — сказала и ушла.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

На столике у изголовья кровати он замаскировал диктофон, прикрыв его газетой. Он записывал на него все звуки, происходящие во время акта любви со своей девушкой. При этом он говорил ей всякие слова, она отвечала — слышался шепот, стоны, пронзительные крики.

Когда после очередного скандала они расстались, он по вечерам, одев наушники, включал диктофон, слушал, вспоминал, загорался страстью, мысленно возвращаясь к подробностям сокоупления, возбуждаясь при этом даже сильнее, чем во время реальных встреч. Эта иллюзия оказалась для него приемлемой и спасительной — наконец-то он мог любить свою девочку без траты денег, без провожаний и других беспокойств, без ссор и взаимных обид.

*То, что тебе верят, еще не значит,
что ты говоришь правду.*

ПОДСТАВА

1.

Толик попал в онкологию, будучи совсем не готовым к такому удару судьбы. А между тем приговор был суровым — рак печени третьей степени. «Почему я?» — стучало в мозгу ошарашенного Толика. В глубине души он надеялся, что это ошибка, что все еще обойдется. Но, оказавшись в клинике среди себе подобных, осознал —

жизнь зашла в тупик.

Еще вчера Толик снисходительно сочувствовал другу Валерию, который страдал оттого, что у него обнаружили гепатит «С». Со страха, по этому поводу Валерий не на шутку захандрил. Он даже попытался изменить образ жизни. Бросил: пить, курить, портить девок, шляться по злачным местам. Подсел на лекарства, диеты и даже перестал посещать казино — без чего до диагноза считал жизнь скучной рутинной. Именно Толик сумел вытащить его из депрессии. Расшевелил, заставил вернуться к старому образу жизни. Просто вместо алкоголя сок, вместо курева леденец, а девки и казино гепатиту не помеха — живи да радуйся.

Конечно, чего скрывать, у Толика в реанимации Валерия был свой интерес. Какая гульба без Валеры? Он лидер, заводила, с ним интересно и выгодно во всех отношениях. И вот на тебе, доутешался. У самого рак печени. А Валерке-то что, ему и без Толика жизнь — малина.

Толик быстро забыл о радостях жизни — потерял сон, аппетит. Интенсивное лечение выматывало, забирало последние силы. Он пожелтел, осунулся, от химиотерапии вылезли последние волосы. На этом фоне слова Валерия, который неумело пытался обнадежить Толика фразами типа: «Ничего, дружок, скоро поправишься, и опять загуляем вдвоем» казались просто издевкой. Рак — это не гепатит «С». А, значит, Толик не сегодня-завтра сыграет в ящик, а счастливец Валерка останется жить. Пить с телками фрэш и играть в казино.

2.

Страдающий от болей Толик сказал Валерию, что хочет устроить себе маленький праздник, забыть о боли, расслабиться, и попросил друга приобрести для него

наркотики. «Съездишь к цыганам, адресок я тебе назову. Денег с собой возьми побольше, купи на свои, тыщи на две долларов — чтобы больше к ним не ездить. А у меня деньги будут дня через два-три — рассчитаемся. Купи всего, что у них есть и побольше, денег не жалея. Хочу попробовать все — и героин, и кокаин, и все, что предложат».

Ехать к цыганам Валерию очень не хотелось, но отказать умирающему другу он не смог. Закупив товар, как ему заказывали, Валерий приехал к Толику. Тот обрадовался и вручил Валерию пачку баксов: «Здесь пять тысяч. Возьми себе, сколько потратил, остальное сохрани — мало ли что со мной, пропадут». Валерий положил пачку с баксами в карман и на выходе был скручен и уложен на пол лицом вниз сотрудниками милиции из отдела по борьбе с наркобизнесом.

Лежа под капельницей, Толик думал о друге, сидящем на нарах под следствием: «Ну вот, теперь неизвестно, кому из нас хуже».

Но легче от этого ему не стало.

ШАНС

Костя разочаровал Карнаухова циничным предательством. В свое время Карнаухов дал Косте, вставшему на скользкий путь, шанс выбиться в люди, подняться из грязи, благополучно устроить свою жизнь. Костя безотцовщина, мать пьет. Отсидев в детской колонии за кражи, Костя, связавшись с дурной компанией, готовился к преступлениям посерьезней. Карнаухов взял над Костей шефство. Устроил в вечернюю школу, дал возможность честно зарабатывать на хлеб.

Костя учился, работал у Карнаухова на складе, начал встречаться с девушкой. Денег сразу стало не хватать,

девушка требовала внимания и затрат. И Костя не удержался, начал со склада приворовывать. Пришло время, и Костю разоблачили.

Перед Карнауховым дилемма — как быть? что с Костей делать? Ведь он, Карнаухов, обеспечил Костю жильем, работой, деньгами, а, главное, перспективным будущим. Собирался оплачивать его учебу в институте и повышать по служебной лестнице. Взвзвись за старое, неблагодарный разочаровал Карнаухова. Карнаухов думал. Помогла Библия, там сказано: «Возможно кто-то разочаровал тебя, не оправдал твоих ожиданий. Конечно, непросто забыть серьезную обиду, да и не стоит поощрять прощением аморальное поведение. Но нужно перебороть себя и быть готовым еще раз помочь человеку, никогда не теряя надежды на то, что все может измениться к лучшему». И Карнаухов Костю простил, дав ему еще один шанс.

Костя Библию не читал, но все же задумался над своим поступком, как жить и вести себя дальше. Он понимал, что ему дали еще один, может быть последний шанс в его жизни. Ответ Костя нашел быстро — надо быть поумней, похитрей. И если уж красть, то по-крупному и изо всех сил стараться не попасться.

СВИСТОПЛЯСКА СОБЛАЗНОВ

Уже не первый год мать ворчит на Антонину: «Вот увидишь, он на тебе никогда не женится. Он такой видный, такой красивый мужчина, ему еще долго от баб покоя не будет. А твоя красота пройдет, и он тебя бросит». Это мама зудит насчет бессменного Антонининового любовника, с которым она встречается уже третий год. Антонина от упреков матери отмахивается: «Не лезь не в свое дело,

мама. Разберемся как-нибудь сами». Но мама зудит и зудит. С некоторых пор ей очень хочется, чтобы любовник дочери на ней женился.

Однажды, когда Антонины не было дома, мать рылась в вещах дочери. Среди многочисленных фотографий ей попалось фото любовника дочери, на которой тот был совсем голым, да еще и в возбужденном состоянии. Мать долго и внимательно рассматривала фото. Дочери она ничего не сказала — постеснялась, но зудеть стала еще больше и чаще. «Это сколько же времени это безобразие продолжаться будет? Скажи, зачем он живет в общежитии, или у нас с тобой квартира маленькая? Я вот что решила: пусть переезжает жить к нам. Смотришь, скорее до свадьбы дело дойдет».

Когда дочь уходила из дома, мать, незамужняя, в самом соку сорокапятилетняя женщина, шла в комнату дочери, доставала полюбившуюся ей фотографию и с нескрываемой страстью смотрела на нее. И целуя запечатленного на ней мужчину, шептала: «Ну когда же, когда мы будем жить под одной крышей?»

АВТОПИЛОТ

Однажды Катышев якобы уехал в командировку. А сам завис у соседки, в соседнем подъезде дома, в котором жил. На третий день пребывания у любовницы Катышев по ее просьбе, пользуясь темным временем суток, выскочил выбросить мусор. Будучи в подпитии, после помойки он на автопилоте прибежал к собственной двери. С пустым помойным ведром, в трениках и чужих тапках.

Что Катышев, что его жена были одинаково удивлены и расстроены такой неожиданностью. От

упреков в неверности Катышева спасло то, что у его жены в гостях был любовник.

НЕТ ХУДА БЕЗ ДОБРА

Осеннее море штормило четырехбалльными волнами, температура воды была невысокой. По этим причинам редкий купальщик рисковал войти в воду.

Пономарев вышел из общественного туалета и сразу направился к воде, на ходу стягивая через голову майку. Вдохнув глубоко, он, не останавливаясь, поднырнул в набежавшую волну, провожаемый восхищенными взглядами женщин, находящихся на берегу. Он в несколько взмахов оказался между буйком и берегом. Вода обжигала, ветер задувал в уши, морские брызги попадали в рот и глаза. С одной стороны Пономарев проклинал и шторм, и холодную воду, рискуя утонуть или простудиться. С другой наслаждался, когда, приспустив под водой плавки, вправлял пальцами правой руки вылезший из заднего прохода, нестерпимо зудящий, воспалившийся геморрой.

*Настоящее одного может быть
совсем не таким, как настоящее другого
— все зависит от ступени сознания.*

ЗАМОРСКОЕ ЗАВЕДЕНИЕ

НА РУССКИЙ МАНЕР

В приморском городке, где проживал Матюхин, построили «Макдональдс».

Практически с открытия этого заморского заведения Матюхин, желая приобщиться к западной культуре, стал завсегдатаем. Здание было построено с летней площадкой, что позволяло в любое время года сидеть на свежем воздухе и любоваться окрестностями.

Пролетели летние дни, потянулись зимние месяцы. Придя в «Макдональдс», Матюхин купил чай, поставил его на поднос и вышел на пустую летнюю площадку. Сидеть внутри ему не хотелось по нескольким причинам: много народу, запахи не те, а главное, слишком много турецкоподданных и спящих среди них сводниц-сутенерш, так называемых «мамочек». «Мамочки» предлагали туркам местных девчат. Матюхин не хотел видеть всего этого бедлама и был рад посидеть хоть на холоде, зато один. Чтобы не отморозить на металлическом стуле зад и не заработать про-статит, Матюхин шел на хитрость — он клал на стул пластмассовый поднос и садился сверху. Устроившись поудобней, Матюхин достал из сумки купленный в аптеке гематоген и приступил к чаепитию. В этот момент к нему подошла ярко накрашенная женщина неопределенного возраста. Не спросив разрешения, она присела рядом с Матюхиным. «А что это вы один, скучаете здесь один-одинешенек? Может, желаете развлечься? Есть девочки, очень хорошие, на любой вкус и совсем недорого, всего за двести». Матюхин чуть не поперхнулся от возмущения: «Да вы что, с ума сошли, что ли? Идите, идите отсюда, пока я милицию не позвал». «Ах ты, козел! — возмущенно воскликнула накрашенная женщина. Было видно, что она пьяна. — Да ты не знаешь, с кем связался. Это ты сейчас пошкандыбаешь отсюда!» Встав со стула, женщина

добавила несколько смачных ругательств и скрылась за дверью «Макдональдса».

Настроение было испорчено, но Матюхин попробовал уговорить себя вернуться к нормальному расположению духа. Откусив кусочек гематогена, он сделал глоток горячего чая и поперхнулся — перед ним стояла администратор «Макдональдса». Вид у нее был строгий, как у надзирательницы колонии для несовершеннолетних преступников. «Гражданин, — обратилась она к Матюхину, — во-первых, вы сидите на подносе, чего делать нельзя, а во-вторых, приносить с собой продукты тем более нельзя». «Это она, наверное, про гематоген», — подумал Матюхин и попытался оправдаться, сказав, что стулья холодные, и он боится заболеть. А гематоген — это не еда, а лекарство. На что администратор в категоричной форме предложила Матюхину либо встать с подноса и убрать гематоген, либо покинуть заведение, при этом пригрозив вызвать охрану. Опозоренный Матюхин был вынужден сделать, как ему велели. Не зная, что делать с чаем, в растрепанных чувствах он остался стоять у стола. Бандерша, которая специально вышла с каким-то парнем уголовной наружности, чтобы полюбоваться унижением Матюхина, ехидно улыбалась. «Я этого так не оставлю, я буду жаловаться. Развели тут рас-садник!» — заявил Матюхин и, оставив недо-питый чай, удалился.

Он шел по набережной вдоль моря, и в его возмущенном сознании шел бесконечный спор: то с проституткой-«мамкой», то с администратором, то с городской мэрией, то с милицейским начальством. «Устроили из «Макдональдса» публичный дом, — возмущалось его сознание. — И все от этого кормятся. Порядочному человеку чайку попить негде». Но от невеселых мыслей Матюхина оторвали два милиционера. «Здравия желаем. Ваши документы, пожалуйста». В

такой ситуации Матюхин оказался впервые — с милицией он никогда никаких дел не имел. «А в чем собственно дело, товарищи?» — попытался возмутиться Матюхин. «Ни в чем, — спокойно объяснили ему. — Просто проверка документов». «Так у меня ничего ж собой нет», — испугался Матюхин. «А вы знаете, что мы можем вас за это арестовать на десять суток до выяснения вашей личности, да еще оштрафовать на крупную сумму за нарушение закона». «Да что я сделал, в чем дело, товарищи?» — залепетал еще более испуганный Матюхин. «А то, что без документов ходите, чем нарушаете установленные порядки. А может, вы опасный преступник. А может, вы в розыске, откуда нам знать. Ну, так что, будем вызывать машину и оформлять задержание или оплатите штраф на месте». «Сколько?» — спросил подавленный Матюхин. «Двести».

Милиционеры смотрели вслед удаляющемуся Матюхину. Один из них сказал: «Понятливый, козел!» «Все они сразу становятся понятливыми, если на них надавить», — ответил другой.

Матюхин шел вдоль берега моря, не замечая никого и ничего вокруг. В висках стучало, сердце щемило — что это было, как это так, что происходит, что за люди, что за страна?

На улице стемнело. Выйдя на пустынный городской пляж, Матюхин, чтобы прийти в себя после сильного стресса, пошел по пирсу, уходящему в море. В лицо задул сырой, освежающий ветер. Остановившись на самом краю пирса, Матюхин смотрел на набегавшие волны и пытался себя успокоить: «Ну с кем не бывает, просто неудачный день. Все плохое уже позади, теперь все будет хорошо».

Матюхин не заметил, как на пирсе появился парень уголовной наружности, тот самый, из «Макдональдса». Парень бесшумно подошел к Матюхину сзади и, толкнув

его в спину, спихнул в холодное бушующее море.

ОБИДА

В эту встречу он и она даже не ссорились. Погуляли, держась за руки, и пришли к остановке. Ее маршрутка еще не пришла, и они присели. Он всегда сажал ее в маршрутку и только потом уходил — такова трехлетняя традиция. Мыслей было много, а говорить было не о чем. «Хочешь, не жди», — время спустя нарушила она тишину. Он как-то странно посмотрел ей в глаза. В его взгляде было недовольство и раздражение. Не сказав ни слова, он резко встал и быстрым шагом пошел в сторону дома. Он надеялся, она догонит, обнимет и скажет: «Не сердись, это я так, пошутила». Но она не сдвинулась с места. Придя домой, он надеялся, что она позвонит и скажет: «Ну что, успокоился, психуша?» Но она не позвонила. Она обиделась, правда, не очень. Решила ждать первого шага с его стороны. Он тоже ждал. Прошло три мучительных дня, потом неделя, другая, третья.

Встретились они только через год и три месяца, обзаведясь семьями, и то случайно. Столкнулись взглядами в парке — она с мужем, он с женой. Оба выгуливали в колясках своих грудных де-тишек.

РЕЗЮМЕ

Володя рассказывал Андрею о своей новой девушке: «Мы познакомились во время игры в теннис. Фигура у нее — Голливуд, раньше мне такие не попадались. Волосы длинные, чуть вьются. Глаза голубые, ноги стройные, длинные. Грудь третий номер и стоит. Начитанная, знает два языка, учится в университете. Родители тоже в порядке: папа — ректор, мама — врач». «Ну и чего, жениться будешь?» — спросил Андрей. «Да ты чего,

старик, я что, похож на сумасшедшего? Деваха она по всем показателям хорошая, слов нет. Но с другой стороны — крыса еще та».

СКОРО УТРО

Сегодня было объяснение в любви, а также сделано предложение руки и сердца. Оба дали согласие соединить свои судьбы в законном браке — до гробовой доски.

Придя домой немного припозднившись (засиделся в рюмочной), он налил себе стопку водки. Чокнувшись со своим отображением в зеркале, он подумал: «Вот дурашка, она еще не видела меня утром, после серьезной пьянки». Придя домой уставшая, но довольная собой, она, тщательно стирая с лица косметику, думала: «Вот наивный, он еще не видел меня утром без макияжа».

ПО ТУ СТОРОНУ МОРАЛИ

В деревне Малые Лужки церкви не было. Точнее, она стояла, маленькая, кирпичная, белая, до двадцатого года прошлого столетия. Но во время революции и гражданской войны люди ее разорили, сожгли и наполовину разрушили, растащив кирпичи по избам. И вот, пятьдесят лет спустя, в деревне появился молодой священник и решил храм восстановить. Но дело шло медленно — денег нет.

23 сентября местный мужик Степан Лаптев, по непролазной грязи пришел к дому молодого попа и, поклонившись, сказал: «Хочу покаяться. По пьяному делу я жену отмутузил, и от этого у нее выкидыш случился. Теперь по ночам мне младенцы кровавые снятся». Молодой священник уже давно ничему не удивлялся, по местным меркам избить жену до полусмерти — грех

небольшой. Он перекрестил мужика и сказал: «Каяться и молиться надо. А чтобы выпросить прощение и прощенным быть, надо сделать что-нибудь богоугодное. В старину, например, ду-шегубы и лиходеи, раскаявшись, церкви строили и были прощены, а некоторые даже святыми стали». «Я понял, батюшка», — сказал мужик и ушел.

Никому ничего не сказав, мужик из деревни исчез, а 29 сентября опять явился к попу. Пройдя в избу, он стал вытаскивать из-за пазухи пачки денег и выкладывает их на стол. «Вот, батюшка, на строительство церкви, думаю, тута хватит».

Р. С. 26 сентября в уездном городе случилось ЧП. Ударом по голове кирпичом был убит инкассатор. Исчезла крупная сумма денег. Преступник скрылся.

КИНА НЕ БУДЕТ

Ленка особенно не задумывалась, быть ей умницей или нет. Она прекрасно усвоила — что бы она ни сделала, выход, чуть что, у нее всегда есть. Она знала, стоит ей, молодой, красивой, с распущенными волосами, с горящими глазами, предстать перед его строгим взором и не страшась, и не спрашивая, хочет он этого или нет, с ходу присосаться к его губам, обхватив шею левой рукой, а правую положить ниже его пояса — и все уладится. Он подрыгается, почертыхается, вроде бы пытаюсь отстраниться, будет что-то бубнить. Но она, ничего не желая слушать, будет ласкать его, срывая с себя одежду — и куда он денется? Так оно всегда и было, если между ними случались ссоры. Вчера Ленка, не предупредив его, гуляла всю ночь на дне рождения подруги. Провожал ее какой-то парень — было весело.

Токарев ходил из угла в угол, курил. Он вспоминал прожитые с Ленкой годы и анализировал последний

разговор. Когда Ленка появилась, попыталась применить свой коронный трюк — секс с африканской страстью, он грубо оттолкнул ее от себя. Она смотрела на него непонимающими, полными слез глазами и плаксиво спрашивала: «Ну что я такого сделала? Что мне теперь, и подругу с днем рождения поздравить нельзя?»

Глядя на нее, Токарев окончательно и бесповоротно понял — Ленка из тех, кто никогда не сможет усвоить простую, но необходимую для совместной жизни истину: никогда не поступай так, как бы ты не хотела, чтобы поступили с тобой. А, значит, многосерийного кина про любовь с ее участием — не будет.

ПОМОГЛА

У Веры Ефимовны болезнь сердца. К семидесяти годам болезнь проявляла себя особенно сильно. Взрослый единственный сын Веры Ефимовны проживал с ней в одной квартире. Он постоянно уговаривал мать почаще наблюдаться у врачей. Но упрямая Вера Ефимовна врачей боялась, поскольку те настаивали на лечении в стационаре. «Нет, — говорила она сыну, — в больницу не лягу, лучше дома умру». Сын только разводил руками и пил валидол, поскольку сам был сердечник, но ничего с упрямой мамой поделаться не мог.

Время шло, и гром все-таки грянул — у Веры Ефимовны случился инсульт. В результате отнялась правая половина тела — из ходячей больной Вера Ефимовна превратилась в больную, прикованную к кровати. «Ну что, мама, допрыгалась, — упрекал ее сын, — а ведь я тебя преду-преждал! Что мне теперь с тобой делать? У меня у самого здоровье ни к черту, а за тобой уход нужен. Где и за какие шиши я найду для тебя сиделку?» «Ничего-ничего, — думала про себя Вера Ефимовна, — не бойся, сынок, я тебе обузой не стану, помогу тебе, облегчу тебе жизнь». При этом Вера

Ефимовна вспоминала о припрятанном в шкатулочке ядовитом лекарстве.

Задумала и сделала, приняв смертельную дозу. Приехала скорая, потом милиция, потом труповозка. Тело Веры Ефимовны увезли в морг, в отдел судебно-медицинской экспертизы.

Вот тут на осиротевшего пенсионера свалились несчастья не меньшие, чем потеря близкого человека. Местный участковый, который входил в преступное сообщество, состряпал липовое заявление от некоей гражданки, в котором утверждалось, будто бы сын намеренно отравил свою мать. Было заведено уголовное дело, и начались хождения по мукам.

Участковый и иже с ним не упустили своего шанса. В принципе, осиротевший пенсионер был обречен, поскольку в банду входили не уголовники и не рецидивисты. Группировка состояла из нотариуса, начальника ЖЭКа, чиновника из городской управы и начальника местного отдела милиции. Объединял их квартирный вопрос. Банда стряпала фальшивые дарственные и завещания.

Умирая от сердечного приступа в камере предварительного заключения, сын добрым словом вспоминал свою мать — спасибо, мама, помогла!

ФАРТ

В этом относительно небольшом городишке в штате Техас, Гарри проездом. Сейчас он мотается из штата в штат, скрываясь от властей города Нью-Йорка за дерзкое ограбление банкира.

Гарри сидит за барной стойкой в самом популярном местном заведении, потягивает виски и краем уха внимательно подслушивает разговор бармена с каким-то

местным. «Ну так вот, — говорит бармен, — эти два мешка с деньгами довольно оригинально решили прекратить свой спор из-за ранчо. Сегодня в полночь в нашем подвале они будут драться на дуэли — но не оружием, а в карты. Ставка будет, представь себе, десять тысяч долларов — кто выиграет, тот и приобретет это ранчо. По условиям игры в ней может принять участие любой желающий, нужно только иметь с собой наличными десять тысяч. Но в нашем городе таких людей нет, поэтому они будут сражаться вдвоем». Бармен говорил еще что-то, но для Гарри это уже не имело значения. Допив виски, он обмозговывал услышанное — неплохо было бы к его пятнадцати тысячам прибавить еще двадцать и припеваючи зажить где-нибудь в Рио-де-Жанейро. Правда, Гарри никогда не везло в карты, но зато он меткий стрелок, и у него хорошая реакция — именно на это он и сделает свою ставку.

Ближе к полуночи Гарри явился в тот же бар, в руках у него был саквояж. «Я бы хотел принять участие в игре», — без всяких прелюдий заявил Гарри бармену. «Я сейчас», — сказал немного растерявшийся бармен и скрылся за задней дверью. Вернулся он с толстым, лысым господином, хозяином заведения. Из-под обеих подмышек у того торчало по стволу. «Я бы хотел принять участие в игре», — повторил Гарри. «А знаете ли вы наши правила, сэр? На кон ставится сразу десять тысяч наличными. А выигравшая сторона платит заведению тысячу зеленых». «Я в курсе», — ответил Гарри и распахнул саквояж. В нем лежали доллары, упакованные в банковские пачки. — «Можете пересчитать». «Ну что вы, сэр, я вам верю, — залебезил хозяин заведения. — Остается еще одна маленькая деталь: вам придется сдать оружие, если оно у вас есть — таковы правила, сэр». «Конечно, конечно, — ответил Гарри, — это правильно». Он ловким движением извлек из-под полы пиджака кольт и положил его на барную стойку. «Извините, сэр, но я обязан проверить», — еще более

почтительно сказал хозяин и ощупал Гарри с ног до головы. Гарри покорно ждал, подняв руки, в одной руке Гарри крепко держал саквояж, на дне которого под пачками долларов лежала его любимая, безотказная пушка.

«Следуйте за мной, сэр», — хозяин повел Гарри длинными коридорами в потайную комнату, где часто происходили незаконные карточные баталии, и не только. В квадратной комнате без окон стоял большой круглый стол, накрытый зеленым сукном, над ним висел красный абажур. Вокруг стола несколько стульев, на стене часы с боем и больше ничего. За столом сидели два уже немолодых джентльмена, оба пребывали в ожидании, когда часы начнут бить полночь. На середине стола аккуратной пирамидой возвышались двадцать упаковок стодолларовых банкнот. «Джентльмены, — нарушил тишину хозяин заведения, обращаясь к сидящим за столом. — Я привел третьего. Правила игры это позволяют». «Разрешите внести свою долю», — сказал Гарри, подойдя к столу. Расстегнув саквояж, он начал извлекать из него пачки долларов и аккуратной стопкой складывать на стол. Когда рука Гарри нырнула за десятой пачкой, он кончиками пальцев ощутил знакомый холодок от своей пушки. Глаза присутствующих напряженно следили за каждым движением Гарри. «Ну, вот и все», — сказал Гарри и извлек десятую пачку. Не закрывая саквояж, он поставил его с правой стороны от своего стула и сел. В этот момент часы начали бить. «Можете начинать», — сказал хозяин и покинул комнату.

Гарри ждал, когда увлеченные игрой джентльмены немного расслабятся. Но что это? Гарри не верил своим глазам. Такое с ним было впервые — он держал в руках выигрыш. В этот радостный момент Гарри забыл о своей пушке и о том, что собирался пришить двух присутствующих джентльменов. «У меня джек-пот,

господа!» — заявил он и выложил карты на стол. Наступила пауза. Гарри встал, раскрыл свой саквояж пошире и начал смахивать в него пачки долларов. Саквояж был забит до отказа и не хотел закрываться. Гарри распахивал не вошедшие в него пачки по карманам, и, находясь в радостном возбуждении, сказал сидящим в оцепенении мужчинам: «Спасибо за игру, джентльмены!». Подхватив переполненный саквояж, Гарри направился к двери и получил две пули в спину.

«Ну что я говорил, Джек, — сказал один из джентльменов, закуривая сигару, — если вовремя пустить слушок о крупной игре, то обязательно кто-нибудь да клюнет».

ОСТОРОЖНО

ЧЕРНУХА

ВПАВШАЯ В ИСКУШЕНИЕ

Петров встретился с Анютой у кинотеатра. «У меня для тебя подарок, — сказал он и вытащил из сумки старый исцарапанный диктофон. — Там запись о нашей последней встрече. Это тебе на память. Приедешь домой — послушаешь. Кнопка «стоп» не работает, но он сам отключится, когда кассета закончится». «А что там?» — спросила Анюта. «Сюрприз», — ответил Петров и, чмокнув Анюту в щеку, заторопился по срочному делу.

Анюта, дождавшись своего троллейбуса, вошла в него и осталась стоять на задней площадке — свободных мест не было. Вынув из кармана диктофон, Анюта с интересом покрутила его в руках — ее мучило любопытство. Ей было ужасно интересно, что же там записано. Она попыталась угадать: скорей всего Петров записал для нее какую-

нибудь необычную музыку. Хотя нет, а может, это долгожданное признание в любви, с предложением руки и сердца? Наконец-то она этого дождалась, пусть даже через диктофон. Терпеть до приезда домой оказалось выше Анютиных сил. Не в силах побороть любопытство, она нажала на кнопку «плей».

Несмотря на то, что все сидячие места были заняты, в троллейбусе царила тишина. Тишину нарушил голос Петрова: «Ну, давай же, Анюта, давай! Глубже, еще глубже — сделай его большим и крепким. Я тоже хочу целовать твою киску». По троллейбусу отчетливо разнеслись звуки поцелуев и сладострастные стоны.

На какой-то момент Анюта растерялась, не зная, что делать. А после стала давить на кнопку «стоп», но она не срабатывала. В отчаянье Анюта всунула плеер в карман плаща, но оттуда четко был слышен ее вопль во время первого оргазма. Все пассажиры с интересом повернули головы в сторону Анюты. Она не знала, куда себя деть от стыда, прикрыла лицо ладонками и повернулась к салону спиной. Но из ее кармана хорошо слышались голоса ее и Петрова: «Трахай меня, трахай!» — кричала Анюта. «Да, да, — рычал Петров, — хочу, хочу!»

«Безобразие», — проворчала старушка, сидящая под табличкой «места для детей и инвалидов». Она уже не помнила, когда у нее в последний раз было это. Сидящий сбоку от старушки мужчина с пакетом картошки не отреагировал никак. Сексом он уже давно не интересовался. Почему? Он и сам затруднялся ответить. Просто женщины не любили его, а он их. За ним сидела супружеская пара, они женаты уже шестнадцать лет. Родили второго ребенка. Секс друг с другом для них неинтересен. Оба с молчаливого согласия имели связь на стороне. Женщина лет тридцати двух, глядя в окно, делала вид, что услышанное ее не касается. На самом деле страстные крики ее взволновали — между ног стало влажно. Женщина — пуританка, давшая себе клятву еще

в школьные годы: отдаться только законному супругу, а его все нет и нет. Рядом с женщиной сидел тучный мужчина в шляпе, с портфелем на коленях. В сексе он жил двойной жизнью. Имел семью, но его тайной страстью были юноши. Среди профессиональных бумаг в его портфеле лежали фотографии соответствующего содержания. Мужчина ради интереса обернулся на страстные звуки и, увидев смущенную Анюту, подумал — как жаль, что ты не мальчик шестнадцати лет. Дальше сидела неопределенных лет женщина. По виду то ли торговка, то ли спекулянтка. Она мечтала хотя бы во второй половине жизни заполучить своего Алена Делона — красивого, сексуального. Но увы, пока делались деньги, постель приходилось делить с разного рода инспекторами. Следующими, прижавшись друг к другу, сидели парень и девушка. При звуках секса оба покраснели. Они делали это только два раза, при громко орущей музыке и без света.

В троллейбусе было еще много разных людей. Кто-то невольно задумался о себе. Кто-то сравнил и вспомнил, как это было у него. У всех по-разному. Кто-то делал это без желания, по необходимости. Кто-то тайно в извращенной форме. Кто-то страдал импотенцией, кто-то фригидностью. Но всех и каждого это, так или иначе, коснулось.

Под пронзительные крики Анюты, под душещипательные стоны и непристойные реплики Петрова троллейбус наконец-то дополз до остановки. В этот момент у Анюты на записи случился очередной оргазм. Под собственные крики она выскочила из троллейбуса и бросилась бежать под недоуменными взглядами прохожих. Забежав в какой-то подъезд, Анюта прижалась спиной к стене, пытаясь отдышаться. В этот момент в темной тишине глухого подъезда из динамика раздался восторженный крик Петрова: «Мамочки, приплы-ваю! Ой, хочу, люблю тебя, Анютка, люблю! У! У! У!» Эта

кульминация была для Анюты любимым моментом, вершиной блаженства. Запустив руку в трусы, потрогав себя, Анюта испытала сильный оргазм. Присоединив свой вопль к воплям Петрова, тяжело дыша, она слушала любимый голос. «Я опять хочу тебя, киска, — говорил Петров. — Завтра жду в гости». На этом запись обрывалась.

ТАЯЛ СНЕГ

Константинов лежал на спине: сытый, в тепле, в неге. Расслабился и поймал себя на мысли, что очень хочет Анжелику. Он представил себе, как медленно открылась дверь в уютную комнату, где он лежит на широком диване. Из-за косяка двери появилось красивое личико Анжелики — лицо с густыми черными бровями. Узкие плечи, тугая грудь, талия, бедра, длинные ноги. Анжелика, ничего не говоря, на цыпочках проходит на середину комнаты. Нажатием кнопки включает магнитофон и, танцуя под тихую мелодию, начинает медленно раздеваться. Зачарованный Константинов смотрит на это действие и, постепенно возбуждаясь, ждет. Ан-желика уже нагая. Продолжая танцевать, она приближается к лежащему Константинову и нежно прикасается к его ногам. Руки Анжелики поднимаются все выше, выше. Константинов блаженствует, обнимает Анжелику, прижимает к себе, и они сливаются в поцелуе.

Дверь в комнату внезапно распахнулась, ударилась о соседнюю стену. Картина, висевшая над косяком двери, с грохотом упала на пол. Не разувшись, не сняв куртку, шапку, в комнату влетела, ворвалась возбужденная морозом и шумной улицей Анжела. Снег еще не растаял на ее сапогах, плечах и шапке. «Дрыхнешь?» — звонким голосом прокричала она и на полную громкость включила магнитофон. Рок-н-ролл резко ударил по ушам. Запрыгнув

на лежащего, разморенного Константинова сверху и ухватив за лацканы халата, Анжела стала неистово трясти Константинова, приговаривая: «Просыпайся, соня, хватит дрыхнуть, пошли гулять, пошли на свежий воздух». На лицо оглушенного, обал-девшего Константинова падали холодные капли таявшего снега.

ГУМАНИТАРИЙ

Хулиганы выломали входную дверь в подъезде. Теперь дверь сиротливо болталась на одной петле. Входя и выходя из подъезда, жильцы возмущаются необузданными выходками молодежи.

Возмущается, не жалея нецензурных слов, водитель маршрутного такси, живущий на первом этаже. Еще более нецензурной бранью возмущается сантехник, живущий на втором. В своем возмущении не отстает от них и работник ЖЭКа, плотник Петров, живущий на третьем. Тем более что к благоустройству дома он, Петров, приложил непосредственно руки. Петров лично, конечно, не за спасибо, а за приличные деньги, застеклил и облагородил балконы и лоджии. Всем, кроме гуманитария с четвертого этажа — из-за неплатежеспособности последнего.

Жители подъезда еще долго бы возмущались выходкой хулиганов, если бы к плотнику Петрову в дверь не позвонил тот самый гуманитарий — сосед с четвертого этажа, одинокий пенсионер, бывший учитель музыки. Поздоровавшись, он извинился перед Петровым за беспокойство. Тем более что тот явно был оторван от еды. Одетый в майку и спортивные штаны, Петров жевал, на губах его висели крошки. Смущенный сосед протянул Петрову целлофановый пакет: «Это вам». «Что это?» — удивленно спросил Петров. «Сегодня нам, ветеранам войны, в честь победы над фашистской

Германией, оказывали гумани-тарную помощь. Там в пакете водка и вареная колбаса. А я не пью и мяса не ем. Так что это вам в честь праздника». «Ну, спасибо», — не переставая жевать, улыбнулся Петров. «У меня к вам прось-ба, — еще больше смутился пенсионер. — А нельзя ли закрепить дверь в подъезде — вы же специалист». «Можно, если осторожно, — убрав улыбку с лица, ответил Петров. — Если будет свободное время, сделаю». И крепко держа пода-ренный пакет, Петров закрыл перед гуманитарием дверь.

ДЕВУШКИ

После прогулки по парку он пригласил ее к себе домой. «Я к малознакомым молодым людям в гости не хожу», — не без гордости заявила она. «А почему?» — он сделал вид, что удивился. «Потому, что ты будешь приставать», — со зна-нием дела ответила она. «Честное слово, не буду. Никакого секса не будет, я даже пальцем к тебе не прикоснусь — обещаю. Посидим, поболтаем, «фанты» попьем, покажу тебе свои альбомы. Пошли, не пожалеешь. Нельзя же всех парней под одну гребенку мерить». Она дала себя уговорить.

Посидели, поболтали, попили «фанты», по-смотрели альбомы, а после он проводил ее домой. Позже она жаловалась подруге: «Этот парень либо дурак, либо импотент. Представь, я, как и положено, для приличия поломалась немного, ну и конечно, дав себя уговорить, согласилась пойти к нему. Это ж и дураку понятно, зачем — не альбомчики же смотреть. Прикинь, он даже не поцеловал меня ни разу, даже попытки не сделал, чтобы поприставать ко мне. Вот урод, больше он меня к себе уж точно не затащит».

СТРАСТЕЙ ПРИЧУДЫ

Позвоночник уже порядком изношен, поэтому от

долгого сиденья на неудобной скамейке спина онемела. Суставы на ногах крутило — видимо, к дождю. Диоптрии стекол на очках надо опять менять на увеличение — лица проходящих мимо людей нечетки, расплывчаты. А тут еще напасть, лучшее средство (как утверждает реклама) «эспумизан», от вздутия живота и метеоризма, абсолютно не помогает — пукать хочется по-стоянно. Голова раскалывается, видимо, опять поднялось давление — таблетки от гипертонии помогают плохо.

Надо бы встать и пройтись, да сил нет, да и не хочется этого делать просто так. Желательно бы увидеть какую-нибудь понравившуюся про-ходящую мимо молодую, идущую неспешным шагом. Сделать попытку подняться и увязаться за ней, предлагая любовь до гроба.

ЭВРИКА

В ожидании телефонного звонка от любимой Антонов рассуждал: «Какой же я раньше был дурак, позволяя ей быть со мной неласковой, быть неблагодарной, и даже терпел измены с ее стороны. Все ждал чего-то, терпел, страдал и чуть было не остался без любимой, когда она вдруг заявила, что любит другого.

В квартире Антонова раздался телефонный звонок. Из поликлиники звонила та самая любимая девушка Катя. В поликлинике ей делали перевязку и подгоняли под культяпку протез на ампутированную после несчастного случая ногу.

«Ну что, ты собираешься приехать и забрать меня? — обиженным голосом спросила она. — Я уже почти освободилась». «Конечно, любовь моя. Кто же еще, кроме меня, о тебе позаботится. Жди, скоро буду».

Выкатив инвалидную коляску с сидящей в ней Катей на крыльцо поликлиники, боясь, чтобы костылики не разъехались на скользких ступенях, Антонов

скомандовал: «Жди!» Спустившись с крыльца, он распахнул дверь автомобиля и быстро, перепрыгивая через две ступени, опять поднялся на крыльцо. «Не бойся, держи костылики в одной руке, а другой обхвати меня за шею». «Я боюсь», — захныкала она. «Не бойся, я с тобой», — Антонов подхватил Катю на руки и, аккуратно спустив по ступенькам, усадил в машину. — Ну вот, а ты боялась. А теперь домой».

Дома Антонов и Катя после страстного секса нежились в постели. Рядом столик на колесиках с разными напитками и вкусностями — Антонов и Катя миловались. Антонов был на седьмом небе от счастья, машинально возвращаясь к одной и той же мысли: «И зачем я раньше был таким глупым. Вот какая она сейчас хорошая, нежная, послушная, ласковая — не нарадуюсь. И чего я не додумался до этого раньше, надо было уже давно сделать ее инвалидом».

ВИНОВАТЫЙ ЛИ Я?

В нашем подъезде дверь выломана, лифт сломан, лампы и окна разбиты, по углам мочой воняет. Я думал, это бомжи, шпана, хулиганье бесчинствует. Спасибо, умные люди подсказали, что виноваты во всем евреи.

Было дело, то ли с горя, то ли с радости, я напился. Да, видимо, выпил какой-то гадости, да так много, что чуть не помер. Проблевавшись, а после отлеживаясь и оттягиваясь рассолом, я думал: «Как же так? Как такое могло случиться? Кто спаивает русский народ?» И тут вспомнил, что умные люди говорят: «Ну конечно же, ясный перец, это евреи во всем виноваты!»

Пришло время выбирать президента. Я, как законопослушный, пошел на избирательный пункт и отдал свой голос. Спустя время узнал, какая воруга и гадина оказался тот, за кого я голосовал. Вот скажите

мне, как такое могло случиться? Чтобы голову себе не ломать, я решил послушать, что умные люди скажут. Спасибо, надумили — это все евреи виноваты!

Поехал я однажды в Таиланд, от жены оторваться. Выпил пива в жару и немного водки. На улице познакомился с милостивой тайкой — уличной шлюхой. Заплатил ей какие-то гроши и трахнул, проигнорировав презерватив. Теперь я ВИЧ-инфицирован. Ну кто в этом виноват? Ответ вы уже знаете сами.

АНАЛИЗЫ

Они познакомились на вечеринке и весь вечер держались друг друга. Он молодой, свободный, богатый, она чертовски хороша собой. На следующий день они встретились и, к взаимному удовольствию, гуляли до вечера. А вечером, когда наступило время интима, они целовались. Но он, собрав силу воли в кулак, остановился и не дал процессу пойти дальше объятий и поцелуев. «Ты не обижайся, — сказал он ей, — сама понимаешь, время сейчас такое — доверяй, но проверяй. Здоровье не купишь. Поэтому, если хочешь отношений, то не ленись, завтра с утра, нато-щак, пойдешь и сдашь в платной поликлинике все анализы — мазки и кровь. На ВИЧ, на сифилис и гепатит, чтобы я был спокоен». Она не обиделась и сказала: «Хорошо, милый, нет проблем».

На следующий день она доложила ему, что все анализы сдала — результат завтра. Они гуляли, танцевали, целовались. А на следующий день она принесла ему все справки — здорова по всем показателям. К взаимной радости, ночь любви была полна страсти и удовольствия.

Утром она позвонила подруге: «Спасибо, Лариска, что выручила и сдала за меня все анализы. А то, сама понимаешь, с моим диагнозом не видать бы мне этого

парня, как своих ушей».

БУЛЕМИЯ

Миска творога с изюмом, со сметаной, тарелка мюслей, омлет с помидорами и три булочки с теплым молоком. Утром Анята, хотя и знала, что сегодня останется без сытного маминого обеда, решив худеть, позавтракала скромно, отка-завшись от пирожного на десерт.

Облачившись в спортивную одежду, Анята уложила в пакет кое-что из еды, чтобы было что перекусить в обеденные часы, взяв с собой буквально пустяки: два бутерброда с колбасой, два бутерброда с ветчиной, бутерброд с сыром, два банана, мешочек с орехами, зефир и буты-лочку сливок. Уложив пакет в рюкзак, Анята вовремя спохватилась и доложила в пакет кусок маминого пирога. Собравшись, Анята зашла на кухню, где мама стряпала что-то вкусненькое. Схватив с тарелки горячий блинчик, Анята сказала: «Мама, к обеду меня не жди, приду только к ужину, обедайте без меня. Я в бассейн пошла, худеть буду». «Опять целый день натошак, опять целый день голодная, разве так можно, дочка!» — запричитала мама и сунула Аняте в руки пакетик с тремя еще горячими пирожками.

ОСТОРОЖНО

ЧЕРНУХА

МАШЕНЬКА

Туполев зашел в большой супермаркет. Вроде бы ему ничего не надо было, но все же он прошелся по рядам. Равнодушно рассматривая

товар, он со скуки стал нюхать флаконы с одеколоном. В зеркальном отражении Туполев увидел продавщицу: маленького роста, талия как у осы. Личико у продавщицы миленькое, а грудь торчком. Туполев про одеколоны забыл и сделал попытку познакомиться. Если верить бирочке на ее груди, продавщицу звали Ма-шенька. Туполев предложил после работы встретиться, грозился заехать, приглашал в кафе, даже в театр сходить, просил телефончик. Машенька отшучивалась, улыбалась и стреляла глазками в сторону камеры наблюдения. Туполев ушел, но Машеньку не забыл, намереваясь еще вернуться.

Забыл он ее только через два дня, из-за суеты сует, но, проезжая как-то вечером по той же улице, увидев неоновую рекламу магазина — вспомнил. Увы, супермаркет был закрыт, время позднее. Туполев, сбавив скорость, проехал мимо и снова загорелся Машенькой. Проехав немного дальше, у подземного перехода он увидел группу постоянно стоящих здесь шлюх и на тебе, среди них Маша.

Туполев притормозил и поманил Машеньку пальцем. Она подошла, и он велел ей сесть в автомобиль. Она в машину села и, не тратя лишних слов, предложила свой ассортимент: за час в машине от пятидесяти баксов, если домой и на ночь, то сто пятьдесят. «Ну что же ты, Машенька, — Туполев выбрал тон сожаления, — я же тебя уговаривал, приглашал в кафе посидеть, в театр сходить. Пытался ухаживать, а ты нет да нет». «Ты извини, — выбрав печальный тон, ответила Маша, — но мне было нельзя. Нам знакомиться с покупателями начальство запрещает. Я ведь была на работе. Ну, так как, — голос Машеньки стал деловым, — ты заплатишь за час или за ночь?» «Машенька, — вкрадчиво ответил Туполев, — а ведь мое предложение остается в силе. Хочешь, посидим в кафе, хочешь, пойдем на концерт».

«Ты извини, — грустно ответила Маша. — Наш сутенер этого очень не любит. С клиентами отношений иметь нам нельзя. Я ведь сейчас тоже на работе».

На Бога надейся, но...

НЕ СУДИ И НЕ СУДИМ БУДЕШЬ

Иван Петрович усвоил одно золотое правило в жизни — осуждать других можно, но суд вершить, это дело Господа Бога. Ибо Он все видит и сам наказывает людей за грехи, включая и тех, кто берет на себя Его полномочия.

В подростковом возрасте Ивана Петровича жестоко измутил соседский мальчик: и челюсть сломал, и нос. Иван Петрович тогда ужасно страдал и от боли, и от обиды. Из страха он не выдал обидчика, сказав родителям, что упал с крыши сарая. После экзекуции Иван Петрович еще долго страдал от перенесенного шока, хотя и годы прошли, и пути с соседским мальчиком разошлись. Но обида из души не уходила, просила отмщения. Тем более что со временем возможностей отомстить было предостаточно. Можно было и киллера нанять и даже его дочурок пощупать — Иван Петрович при деньгах, имеет большие связи, и с криминалом тоже. Однако Иван Петрович правила «не вершить суд» не нарушил, поскольку из практики знал, насколько оно жизненно важно. Уверен был Иван Петрович, что Боженька соседского мальчика за содеянное все же накажет, а потому из вида его по жизни не упускал.

Соседский мальчик давно уже вырос и по-старел. Вся жизнь он проработал шофером, вырастил двух дочерей, вышел на пенсию и стал вполне благополучным дедушкой — никакой глобальной беды с ним так и не случилось.

Как-то вечером Иван Петрович прогуливался, опираясь на свою металлическую палку. Потянуло заглянуть в тот самый двор, где прошло детство. И кто бы мог подумать, что первым, кого он увидел, был тот самый соседский мальчик (теперь уже старик), безмятежно сидящий на скамейке. Сквозь кустарник Иван Петрович как замороженный, смотрел на ненавистный ему затылок. Сумерки сгущались, кругом никого. О, как страшно нарушать Божье правило, но из всяких правил бывают исключения. Покрепче зажав металлическую палку в руке, Иван Петрович стал подкрадываться к своему обидчику с тыла.

ПРИМАНКА

Поведение с мужчинами у Маруси разное. Маруся поет в варьете под фонограмму. Под огнем юпитеров она делает разные телодвижения, меняет костюмы и смотрится очень даже. Оглядывая зал, Маруся высматривает, есть ли среди гостей одинокие мужчины. Отработав программу, Маруся выходит в зал поплясать топлес — вот тут все и случается. Если кто из мужских особей на Марусю глаз положил, значит, есть шанс расколоть его на шампанское. Если этот мужчина приглянулся Марусе, то у него есть шанс отвезти ее домой и получить телефончик. Если симпатия была взаимной, у обоих был шанс разделить друг с другом постель. В таких случаях у Маруси случался роман. С хождением по кабакам, цветами, африканской страстью и ревностью. Случалось, в Марусю влюблялись юнцы — сыночки богатеньких. С такими Маруся, во избежание неприятностей, разбиралась быстро: раскрутит на бабки, обсо-сет как куриную косточку и бросит. Маруся терпеливо ждет крупную дичь.

Пришел час, и в Марусю влюбился как пылкий Ромео обеспеченный, в возрасте, толстенький, лысеющий мужчина. Пылких чувств к себе от богатого-неженатого Маруся не упустит. Теперь Маруся выйдет замуж и сполна получит все то, что причитается женам, которых мужья, годящиеся им в дедушки, обожают, лелеют, балуют и смотрят на молоденьких жен, как коты на сметану.

СТАРЫЙ ПАРК

Старый парк, как Ноев ковчег, принимал в себя все и всех. Вперемешку росли в этом саду кипарисы, березы и пальмы. Изобилие кустарников, трав, цветов. В воздухе перемешивались запахи листвы, хвои, а в некоторых местах и человеческих испражнений. По парку гуляли-бродили-бегали люди любых сословий и возрастов. Здоровые и больные, влюбленные парочки и одиночки. Оптимисты, пессимисты, вероот-ступники и целомудренные субъекты. Наркоманы, любители выпить и богобоязненные миряне. Праведники и грешники, вырожденцы, пораженцы и филантропы. Всем хватало места в старом парке.

А я в старом парке так никогда и не был.

ПО-ЛЮДСКИ

Иван чувствовал своей холостяцкой задницей, что она, Дуся, хочет, чтобы он женился на ней. Прописал на свою жилплощадь, где она, Дуся, на всем готовом будет хозяйкой. А он вскакивал бы по утрам, как сумасшедший, перекусывал бы на скорую руку и мчался бы добывать на пропитание с раннего утра до позднего вечера, шофера

на маршрутном такси. А она, Дуся, так как делать ничего не умеет, подрабатывала бы за гроши от рассвета до заката где-нибудь продавщицей. После роды, декрет, и о радостях жизни забудь навсегда. Вставать надо еще раньше, работать надо еще больше и всю оставшуюся жизнь корми семейку, да и веди себя, как должно мужу и родителю. Ни того тебе нельзя, ни сего.

Подумал Иван, подумал и решил все-таки на Дусе жениться. Пусть все будет, как у большинства людей. По-другому-то он все равно жить не сможет.

ПОКАЯНИЕ

Опытный Абрам Фраймович увещевал не-покорную дочь свою. Он рисовал довольно мрачную картину, если она вопреки его воле выйдет замуж за соседского парня. «Я ничего не имею против, что молодой человек — русский. Но у него нет даже высшего образования, нет приносящей денег профессии, нет богатых родителей — он бес-перспективен. С ним ты будешь прозябать в нищете, в бескультурии. Любовь пройдет быстро, проблемы останутся. Он начнет пить, будет поднимать на тебя руку. Не порти себе жизнь, Сарочка, ты хорошо образована, прекрасно воспитана, играешь на рояле и знаешь французский. Опомнись, послушай отца».

Но упрямая дочь поступила по-своему. Годы спустя она часто приезжала на еврейское кладбище на могилу отца. Сидела у памятника, смотрела на папино фото, промокала платочком заплаканные глаза и каждый раз повторяла одни и те же слова: «Как же ты был прав, папочка, как же ты был прав».

*Для тех, кто вершит зло
именем Бога.*

СООБЩНИКИ

Алферов стоял на коленях перед образом Спасителя. Обращаясь к иконе, он рвал на себе рубаху, тягал себя за волосы, брызгал слюной от искреннего негодования и причитал: «Почему Ты не остановил меня? Почему не дал знака, не вразумил? Почему я теперь должен страдать, каяться и пребывать в страхе перед содеянным? Ведь Ты же мог, если бы захотел, остановить, вразумить меня!» Алферов протянул к бесстрастному образу руки и прокричал: «Так знай! Нет, я не один виноват в содеянном, но и Ты тоже. Вместе мы теперь в этом деле повязаны!» Обессилев, Алферов упал перед образом и, успокоившись, замер. Проходить по делу с таким сообщником ему было совсем не страшно.

ПОДСКАЖИТЕ, ДРУЗЬЯ

Измученный запорами Эдуард при встрече с друзьями вел себя в своей манере — как лис. Выбрав момент, он, как бы невзначай, забросил удочку ко всем присутствующим: «Интересно, что делать, если по утрам стула нет?» «Я, например, выхожу на балкон покурить, — делится опытом Федор. — После нескольких затяжек мне уже хочется». «А я натошак выпиваю воды из-под крана, — с искренним желанием помочь отреагировал Степан. — Помогает». «Если стула нет, надо сварганить по-быстрому клизмочку, — участливо признался Иван. — И дело с концом».

«Ну, вы молодцы, ребята, как говорится, голь на выдумки хитра. Как хорошо, что у меня с этим никаких проблем. Хожу, как по часам, и делать ничего не надо: ни курить натошак, ни сырую воду пить, ни клизмы ставить».

От желания помочь, посочувствовать у присутствующих и следа не осталось, оно сменилось на чувство неловкости. «Ну вот, опять все в дерьме, а я в белом фраке», — не без удовлетворения отметил про себя Эдуард.

ПАДЕНИЕ АНГЕЛИНЫ

Маленькие щербатые зубы, узкие темно-синего цвета губы не вызывали желания целовать его в рот. Но она знала — именно это ему больше всего нравится. Перебарывая свою брезгливость, она, погладив его по плешивому темечку, положила вторую руку на его сухопарую ляжку и погладила снизу вверх, пытаясь добраться пальцами до его вялого пениса, однако его пивное пузо сильно мешало. Прижавшись к нему щекой, она для начала чмокнула его в щеку, потом в ухо. Набрав в легкие воздуха, дабы не ощущать его зловонного дыхания, она стала целовать его в губы. Он, воспользовавшись моментом, сразу же засунул свой язык в ее рот. Дряблая кожа его покрылась испариной. Он глубоко задышал, всасывая в себя ее язык. Из-за его тучности и неудобного положения она безуспешно пыталась дотянуться до его ширинки. Он засопел, навалился на нее всей своей тяжестью и судорожно начал сдирать с нее трусы.

Сегодня ей, как никогда, нужны были деньги.

МОБИЛЬНАЯ ЖИЗНЬ

«Макдональдс» кишел молодежью. Мимо мальчишек, уткнувшихся в свои мобильники, незамеченными проходили симпатичные девушки. Девочки, прижав к уху трубку мобильного телефона, слушали того, с кем говорили и тоже не обращали никакого внимания на мальчиков, которых вокруг было предостаточно. По углам «Макдональдса» собрались небольшие стайки девчонок. Они громко и беспричинно хихикали и визжали. Каждая периодически смотрела на свой мобильный телефон, явно ожидая каких-нибудь сообщений. Каждой

хотелось, чтобы ей позвонил мальчик. Между тем, мимо девочек, нажимая на кнопки своих мобилок, периодически про-ходили мальчики, на которых девочки, тоже занятые собой, не обращали никакого внимания.

Володя, потерявший терпение ждать звонка от Наташи, решил позвонить ей сам. «Алё, что делаешь? Давай встретимся. А ты где? Как в «Макдональдсе»? Я тоже тут».

Володя и Наташа, продолжая прижимать трубки к уху, осмотрелись вокруг и встретились взглядами.

РОЗОВЫЙ АРОМАТ

Надюше нравится запах роз — это ее любимый аромат. Ухаживая за ней, я ежедневно покупал ей розочку, что существенно подрывало мой скромный бюджет. Однажды мы с Надюшей решили пожить вместе — как говорят, граж-данским браком. Живем по-всякому, бывает по-разному, только в туалет ходим регулярно — я пореже, Надя почаще. Чтобы сделать Надюше приятное, я в первый же день совместного про-живания закупил несколько баллонов освежителя воздуха с запахом розы. Срок годности у этих освежителей двадцать четыре месяца — ровно столько мы с Надей и прожили. Но ни один баллон не пропал, за двадцать четыре месяца мы сумели использовать все.

После бурного расставания прошло полгода, и мы созвонились опять. Решили встретиться и посидеть в кафешке. По дороге я зашел на цве-точный базар и, выложив продавцу приличную сумму, купил для Надюши большой букет пахучих роз. А вот и она. Как же она изменилась за эти полгода — просто совсем другой человек. Я манерно преподнес ей букет двумя руками,

прямо к ее лицу. А она сморщилась вся, отстранила букет рукой и сказала: «Убери, убери и больше никогда не дари мне розы. Меня от этого запаха просто тошнит и крутит живот. Видимо, на запах роз у меня теперь аллергия».

НЕ Я — ТАК ТЫ

Вымотавшись до бессилия от множества навалившихся на нее нерешенных проблем, бизнес-леди велела шоферу отвезти ее в загородный дом.

По дому витал запах благовоний. Из комнаты мужа слышалась ласкающая слух мелодия, исполняемая на арфе, с элементами шума морского прибоя и пением птиц. Войдя в комнату мужа, она застала его за привычным занятием — он медитировал. В этот раз она опять не смогла удержать себя от упреков за его отрешенность от мирских забот. Она упрекала его со студенческих лет, когда они поженились, и им было негде даже заняться любовью. С тех пор, взвалив на свои хрупкие плечи тяжкий груз, решая само-стоятельно финансовые и бытовые проблемы семьи, она все еще не потеряла надежду, что муж подключится к процессу и возьмет на себя хотя бы часть обязанностей и забот. «Ну почему ты ведешь себя как ненормальный, почему не хочешь стать нормальным, как все. Я уже устала ждать и потеряла надежду, что ты избавишься от своих причуд и все-таки станешь нормальным, как все».

Выйдя из позы лотоса и из своих мечтаний, он посмотрел на нее голубыми глазами и невозмутимо сказал: «Ну зачем ты так изводишь себя своей нормальностью? Если я не могу стать нормальным в твоём понимании, расслабься, стань ненормальной ты. Глядишь, все и наладится».

НАПУГАЛА ЕЖА

Гражданин Португалов в здешнем приморском городке житель местный. Пользуясь множеством полезных знакомств, гражданин Португалов много лет (в летний период) посещает лучший в городе (охраняемый солдатами) пляж. Пляж доступен далеко не для всех, так как принадлежит сана-торию Министерства обороны.

В наступившем году старого главврача поме-няли на нового. И Португалов озаботился добычей пропуска на любимый пляж. Для этого Португалов изъясил из своих запасов трехлитровую банку с красным домашним вином, упаковал ее в цел-лофановый пакет и отправился в здание адми-нистрации санатория, в надежде при помощи вина познакомиться с новым главврачом и выпросить у него пропуск на заветный пляж. Однако пообщаться с новым главврачом оказалось делом непростым — пять раз Португалов возвращался домой ни с чем, таская за собой банку с вином. То у нового главврача заседание, то он куда-то отъехал, то просто занят текущими делами. Но упрямый Португалов не сдавался — не ходить же ему на городской пляж, где нету сервиса, многих элементарных удобств и яблоку негде упасть.

Параллельно Португалов искал и другие пути, подходил с коробкой конфет к дородной женщине главбуху. Шоколад она взяла, но сказала, что пропуск — это только главврач. Португалов нашел начальника охраны, пообещал ему вина, тот только руками развел: «Хочу, но никак не могу». Тогда Португалов вышел на директора пляжа. Тот оказался мужичком скользким, бутылку взял, пообещав один-два раза Португалова на пляж провести лично, если тот ему позвонит — «а пропуск, нет, это к главному идти надо».

Одаривая секретаршу главврача букетиками полевых цветов, Португалов терпеливо ждал своего часа в

приемной. И вот, наконец, Португалову повезло. «Вы ко мне?» — спросил проходящий мимо намозолившего глаза гражданина в пакете в руке вновь назначенный. «Так точно, к вам». «Ну, зайдите, только времени у меня в обрез». Войдя в кабинет, Португалов сразу водрузил банку с вином на стол. «Это вам, домашнее вино. Лучшего вы нигде не найдете». Португалов старался изо всех сил понравиться новому начальнику. Он источал комплименты чистоте и порядку, царящим в санатории и, ссылаясь на то, что всю жизнь, сызмальства, ходит на санаторный пляж, чуть не на коленях умолял нового хозяина выписать ему пропуск. «Вы, уважаемый, вино заберите, я не пью и подарков не принимаю. А насчет пропуска, так и быть, раз уж вы так просите, то в виде исключения я разрешу вам посещать пляж. Подойдите к главному бухгалтеру, оплатите посещение пляжа. С квитанцией подойдите в службу режима — вам выпишут пропуск. Потом поставите подпись у директора пляжа и оставите пропуск у моего секретаря. Будет время, я подпишу».

Португалов еще несколько дней бегал по вышеуказанным начальникам. И вот, наконец, пропуск, который раньше доставался ему без всяких проблем совершенно бесплатно или за банку вина, а теперь за немалые деньги и нервы, лежал у него в кармане. Провести лето на хорошем пляже было Португалову гарантировано. Конец мая был прохладным, и Португалов, положив пропуск в шкатулку с документами, ждал, когда море нагреется.

Приезжающая каждый год погостить в конце мая теща Португалова тоже не любила городской пляж, предпочитала втихаря, без спроса, пока Португалов на работе, взять из шкатулочки пропуск и нежиться под весенним солнцем на прекрасно оснащенном и оборудованном пляже военного санатория. Так же она сделала и на этот раз. Показывая охране пропуск, она

легко прошла все заслоны и попала на охраняемый, как военный объект, пляж. Теща Португалова пожелала устроиться на одном из новеньких, завезенных в этом году лежаков с матрасом и махровым полотенцем впридачу. Но, к ее удивлению, эта услуга была платной. Деньги также взимались за шезлонг, горячий душ, зонтик от солнца и даже за посещение туалета. «Безобразия, — возмущалась теща Португалова, — сколько лет сюда хожу, никогда такого не было. Сразу видно, что жулики взяли власть». На шум пришел директор пляжа и вежливо потребовал у гражданочки какой-нибудь документ. Теща Португалова стала возмущаться еще больше, но, в конце концов, была вынуждена предъявить пропуск. Директор пляжа пропуск у нее изъял и позвонил начальнику режима, объяснив ситуацию, что неизвестная гражданка незаконно, по чужому пропуску, проникла на территорию пляжа. Режимник позвонил главврачу и доложил об инциденте. Тот приказал пропуск изъять и передать его секретарю. Разъяренная теща Португалова, можно сказать, ворвалась в кабинет главврача: шумела, плакала, клялась, грозилась. Но ничего не помогло. Тогда она цинично заявила: «Да подавитесь вы своим пропуском и поганым пляжем. Я буду жаловаться на вас во все инстанции, вплоть до президента!» — сказала и хлопнула дверью.

Главврач, глядя на закрывшуюся за ней дверь, лишней раз убедившись, что ни одно доброе дело не остается безнаказанным, медленно, в мелкие клочья рвал пропуск Португалова и приговаривал: «Жалуйся хоть Папе римскому. Напугала ежа голой жопой».

НА КРУГИ СВОЯ

Дружили две семьи. Дружба не омрачалась ничем и продолжалась много лет. В семье Гундаревых рос мальчик, в другой — девочка Наташа. Родители обеих семей, глядя, как их дети играют, мечтали: когда дети вырастут, то поженятся. Разговоры об этом шли при каждой встрече, детей называли не иначе, как жених и невеста. Родители сделали все возможное, годами внушая детям, что они должны быть неразлучны и со временем сумели своего добиться. Юноше и девушке казалось, что они созданы друг для друга и уже давно являются одной семьей. Поэтому, когда время пришло, молодых без проблем поженили. Родители были счастливы, обеспечив детей всем необходимым для семейной жизни.

Время шло своим чередом, но однажды молодой Гундарев увлекся (с кем не бывает) продавщицей обувного магазина. Сам Гундарев — человек во всех отношениях успешный: материально обеспечен, не обижен внешними данными, понимал, жена ему ровня по всем параметрам. Но мысль, что их в свое время свели и поженили (скрестили, как породистых собак) дружившие друг с другом родители, обижала, задевая самолюбие. Когда молодые нашли повод поссориться, то пришли к выводу, что каждый хочет устроить свою жизнь по-своему. Поэтому втайне от родных, без скандала и взаимных упреков, они разошлись, оставаясь друзьями. Гундарев от жены съехал.

Итак, свободный от брачных оков Гундарев, и трех месяцев не прожив холостяком, влюбился в продавщицу маленького магазинчика, торгующего обувью. Смуглая девушка со сросшимися на пере-носице бровями, с еле заметными усиками на верхней губе, была полной противоположностью его рыжеватой жене. Отец продавщицы, пьющий безработный, поколачивал ее мать (тоже про-давщицу), брат сидел в тюрьме за разбой. У

девушки за плечами школа и неудачная первая любовь с таксистом, который цинично ей изменял с уличными шлюхами, чем разбил ее сердце. Девушка замкнулась в себе, потеряла интерес к мужчинам и доверие к людям.

Желая познакомиться поближе с неразго-ворчивой продавщицей, Гундарев шесть раз приезжал в магазин, надеясь заинтересовать неприступную своей персоной. В результате он приобрел пять пар ненужных ему ботинок и ничего не добился. Гундарев, зарабатывая деньги на бирже, имел множество хобби: писал акварелью, сочинял стихи, катался на горных лыжах и плавал с аквалангом. Многие светские развлечения, включая драматический театр, балет, выставки были предложены продавщице для совместного времяпровождения — безрезультатно. На седьмом посещении магазина Гундареву, наконец, повезло. Случайно в разговоре с продавщицей он выяснил, что в цирк она, может быть, пошла бы, чтобы иметь представление. На следующий день Гундарев привез в магазин билеты. Сводив девушку в цирк, предложил ресторан, бар, дискотеку, просто покататься по городу — она отказалась. «Если хочешь, пригласи меня к себе домой», — неожиданно предложила она.

Ни жена, ни любовницы, ни проститутки, ни случайные девушки не вызывали у Гундарева такую страсть и желание, как продавщица. Ее волосатые, не знавшие бритвы ноги, губы, не знавшие помады и ногти, не знавшие лака возбуждали Гундарева сильнее «Виагры». Ее стеснительность и искусственная фригидность вызывали у него обратную реакцию — это его заводило.

Они встречались уже около года, и каждый раз был для Гундарева как первый. Ему приходилось уговаривать ее, чтобы встретиться, уговаривать, чтобы пошла с ним куда-нибудь, а после умолять, чтобы хоть ненадолго заехала к нему в гости. С тем же трудом он навязывал ей

подарки, пытаюсь расположить ее к себе, предлагал совместный отпуск — ей ничего не хотелось. Работа и к маме домой, помочь по хозяйству и перед сном посмотреть телевизор — все! Еще несколько месяцев такой жизни, и Гундарев стал раздражаться. Она не прочла ни одного стихотворения, написанного им. Акварели, которые он ей подарил, как выяснилось, лежат на шкафу. Ей неинтересно катание на лыжах, плавание под водой. В сексе тоже никакого прогресса — лежит как бревно, натянув одеяло сверху. Гундарев злился и на себя, и на продавщицу, в голову лезли разные мысли. Иногда он понимал, что она ему не пара, иногда напротив, думал — может, жениться на ней, может, завести ребенка, может, тогда? Но Гундарев ничего предпринять не успел, продавщица неожиданно вышла замуж за экспедитора с их работы. Парня, приехавшего в Москву по лимиту, она привела в мамину квартиру и прописала его. Все! Гундарев опять свободен. Конечно же, он какое-то время страдал, страдая — пил и ездил по Москве нетрезвый, играл в казино. Но время лечит.

В гостях у друга Гундарева познакомили с Полиной — ухоженной голубоглазой блондинкой. Она окончила филологический факультет МГУ и писала диссертацию. Гундарев понравился ей сразу, и внешне, и внутренним содержанием. А когда в разговоре она узнала, что Гундарев катается на горных лыжах, то, если не влюбилась, то посчитала встречу с ним подарком судьбы, поскольку сама еже годно выезжала на горнолыжные курорты. И еще она мечтала когда-нибудь с кем-нибудь поплавать с аквалангом. Полина, не стесняясь, звонила Гундареву каждый день. Предложения от нее сыпались как из рога изобилия: то она достала билеты в театр, то приглашала его на выставку. То вдруг загорелась

напечатать его стихи (которые прочла от корки до корки) в новомодном журнале и устроить выставку его акварелей. Гундареву такое внимание красивой девушки льстило, и он на контакт шел, но азарта и радости при этом почему-то не испытывал.

Каждый миллиметр Полининого тела был ухожен. В постели она была изобретательней Клеопатры, впрочем, как и в повседневной жизни — инициатива всегда была в ее руках. Гундареву скучать было некогда, но он скучал. Где-то через год, желая узаконить отношения, Полина начала устраивать Гундареву сцены: «Хочу семьи, хочу ребенка». Гундарев заскучал еще больше. Ничего не шевельнулось у него в душе, когда Полина после очередных упреков сказала: «Все, хватит! Я выхожу замуж за твоего компаньона». В результате у Гундарева остался неприятный осадок, и не потому, что его бросили, а потому, что его друг и компаньон тайно, за его спиной, флиртовал с Полиной. Да и она в этой ситуации далеко не ангел.

Однажды, припарковав машину при входе в супермаркет, Гундарев лицом к лицу столкнулся со своей женой Наташей. «Ну, как ты?» «А как ты?» — решили посидеть за чашечкой кофе. Выяснилось, и она, и он, притом, что в жизни не случилось никаких несчастий и катаклизмов — оба несчастливы. «Мой приходящий бойфренд, к которому я так и не смогла привыкнуть, — рассказывала Наташа, — завел роман с молодой продавщицей. В основном время проводит с ней, а у меня появляется, когда ему что-нибудь надо и врет, что работы много. Вот и сейчас увез ее на отдых в Египет и вроде как она беременна, почти на сносях. Но, честно говоря, мне все это абсолютно безразлично. Я даже рада, что он перестал доставать меня своей любовью и ревностью к

тебе. Я рада, что он переключился на продавщицу».

Гундарев смотрел на близкое, родное лицо жены и чувствовал, как будто после долгого отсутствия вернулся домой, где ему рады, где все ему близко, понятно и дорого. «Ну, если ты сейчас одна и свободна, хочешь, я опять перееду к тебе, заживем, как раньше. Я тоже один и свободен». После минутного молчания Наташа сказала: «А что, неплохая мысль. Честно говоря, я и сама этого очень хотела. Вот наши старики-то обрадуются».

УМЕРЛА МАМА

Похоронная процессия, состоящая из двух автобусов, миновав ворота, въехала на терри-торию кладбища. Погода стояла сырая, и желающих проводить покойную в последний путь оказалось немного. В основном это были женщины с места работы покойной.

Егор, с двух сторон (хотя в этом не было никакой необходимости) поддерживаемый двумя незнакомыми женщинами, стоял возле свежескопанной могилы и смотрел на чужих ему людей, распорядившихся траурным обрядом. Кто-то сказал о покойнице несколько добрых слов, кто-то из слабонервных всхлипнул. Гроб накрыли крышкой и прибили ее гвоздями. В кладбищенской тишине удары молотка резали ухо. Гроб опустили в могилу, и Егору было велено бросить на крышку горсть земли. Сделав все, что от него просили, Егор отошел в сторону и наблюдал, как все присутствующие, выстроившись в очередь, проходили мимо ямы и бросали в ее глубь землю. Все расходы, все заботы и хлопоты о погребении на себя взяла организация, где мама Егора про-работала последние годы. Егор никого не знал из присутствующих, потому ему было очень неловко, но, с другой стороны, очень хотелось обратиться к кому-нибудь с просьбой о помощи.

Наблюдая за происходящим, семнадцатилетний Егор думал лишь о том, будет ли удобно попросить кого-нибудь из этих сорока и пятидесятилетних женщин, чтобы они помогли ему распродать мамины вещи: шубу, платья, обувь и прочее, по-тому что золотые мамины украшения он и без их помощи продаст скупщикам на рынке. Так что на карманные расходы пока хватит с лихвой.

КАКИЕ СТРАННЫЕ МУЖЧИНЫ

Сегодня Катя надела вызывающе короткую юбку и не надела бюстгальтер под майку, обтягивающую ее стройную фигуру. Катя надеялась — может быть сегодня кто-нибудь из мужского пола подойдет познакомиться с ней.

Во время прогулки по бульвару Катю все время преследовала одна и та же мысль: «Какие все-таки странные эти мужчины — не стесняясь, пожирают ее глазами, глазают, явно раздевая ее, в каждом взгляде любопытство, похоть и желание. Нет, чтобы подойти, заговорить, познакомиться, пригласить куда-нибудь девушку. Так ведь нет, с опаской держатся подальше, на расстоянии, будто она прокаженная». Для Кати все это непонятно, обидно и странно.

Катя недовольно, с силой дернула за длинный поводок, чтобы сдержать пыл все время рвущейся куда-то, устрашающего вида, мощной и агрессивной собаки бойцовой породы.

МСТИТЕЛЬНАЯ СТАРУШКА

В мозгу старушки, которой перевалило за восемьдесят пять, произошли какие-то возрастные изменения, и она стала чудить. Вы-ражалось это во множестве мелких

причуд. Особенно доминировала одна: старушке стало маниакально казаться, что ее сыночек (тучный, болезненный пенсионер) ворует ее носильные вещи. Старушка хорошо помнила, как всего двадцать лет назад она положила свой купальник в нижний ящик стенного шкафа, а теперь его там нет. Старушка перерыла в своей комнате все — нету, пропал купальник. А сын упирается, говорит, что не брал. Но старушка рассуждает логично: «Не брал, не брал, а кто ж тогда?» Живут-то они с сыном вдвоем и взять-то больше некому. «Ай-яй-яй-яй, позор-то какой, обворовывать родную маму», — укоряет старушка сына. А ведь у нее не только купальник пропал, где ее бусы, в которых она выходила замуж, куда делись ее туфельки на каблучках, бесследно исчезла соломенная шляпка, и куда девается мясо из кастрюльки с борщом? Старушка плачет, устраивает сыну сцены, стыдит, укоряет, взывает к его совести и со слезами на глазах впредь просит гадостей ей не делать.

Пенсионер, страдающий одышкой, с недоумением смотрит на старушку-мать и крутит пальцем у виска — «совсем ты с ума сошла, маман, если не можешь понять, что твоё барахло сто лет никому не нужно. А что касается гадостей, так уж сколько ты мне их в жизни сделала — сосчитать невозможно. И как ты теперь не старайся, хуже прежних гадостей ты придумать уже не сможешь, даже если очень захочешь». Последние слова отложились в памяти старушки и не давали покоя всю ночь. «Он думает, что я пусто место и теперь уже ничего не могу — как бы ни так».

Когда сыночек, опираясь на клюшку, ушел в магазин, старушка вошла в его комнату и открыла ларец, где лежали документы и ценные бумаги. Покопавшись в них, она изъехала из ларца документы о приватизированной на ее имя квартире и свое завещание сыну. Прошаркав на кухню, она поднесла бумаги к включенной газовой горелке. Спустив обуглившиеся листы в унитаз,

довольная собой, старушка проворчала: «А ты говоришь, что я уже ни на что не способна».

ДОМИНИРУЮЩИЕ ЧУВСТВА

Первую половину жизни Баталов проживал, часто меняя свою точку зрения. Изменения касались, в основном, образа и смысла жизни. Ему было даже интересно, что же, в конечном итоге, победит в его сущности — добро или зло? В какой-то день он прозрел и понял, что никто. Потому что добро и зло составляют в нем одно целое — они неразделимы. Однако в его силах отдать чему-то предпочтение — Баталов выбрал добро. Он уверовал в Бога, отказался от множества вредных привычек и по мере возможности дистанцировался от общества, в котором жил. Теперь в жизни Баталова главным занятием стало самосовершенствование, а доминирующим чувством любовь.

Самосовершенствуя дух и плоть при помощи здорового образа жизни, изучения философии, психологии и других гуманитарных наук, Баталов все-таки испытывал дискомфорт оттого, что ниша, предназначенная для любви, оставалась заполненной не до конца. Баталов любил Бога, любил природу, любил себя и любил еще много чего — но с конкретным человеком были проблемы. Это продолжалось до тех пор, пока Баталов не познакомился с Катей.

Катя — девушка ничем не выдающаяся, но у нее есть большое преимущество перед многими другими — она не испорчена во многих от-ношениях: наивна, скромна, не пользуется кос-метикой, не курит, не красит волосы, не пьет пива и не сквернословит. Но не имеет жизненных ориен-тиров. Отчетливо понимая, что в наше время

встретить девушку с такими достоинствами большая редкость, Баталов ухватился за знакомство с Катей и стал всячески развивать его, хотя внешне она ему и не нравилась. «Главное, что появилось поле, на котором можно сеять зерна добра, а когда появятся всходы, придет и любовь, — рассуждал Баталов, — ибо достижение любой цели — это продукт правильно организованной деятельности».

Катя работала рядовым бухгалтером в маленьком женском коллективе и звезд с неба не хватала. Одинокий, непьющий, имеющий крышу над головой, Баталов в роли ухажера и даже жениха устраивал ее, хотя и был жутким занудой. Пытаясь приблизить Катю к мудростям философии, чтобы она могла отделять добро от зла и сделать из нее единомышленницу, Баталов ежедневно встречал ее после работы и вел с ней заумные беседы. К примеру, он утверждал, что главнее та любовь, которая заставляет не срывать цветы, а выращивать их. Или внушал, что личностный рост нужен хотя бы потому, что вкус высшего всегда лучше, чем вкус низшего. Таким образом, он пытался бороться с темными сторонами ее души, часто прибегая к помощи афоризмов, цитат и мудрых мыслей. А вместо цветов он дарил Кате произведения Ф. М. Достоевского.

Эти разговоры Кате были малоинтересны. Ей хотелось посплетничать о рабочих буднях, о звездах эстрады, поболтать ни о чем, обсудить кого-то или что-то. Дома Катя пыталась прочесть «Преступление и наказание», но ей было неинтересно. Хотелось на дискотеку или посмотреть американские мультики. Но, не желая сердить Баталова, Катя старалась: была послушна, терпелива и делала вид, что умнеет.

Чтобы заставить Катю думать о нем, Баталов настоял на том, чтобы Катя поставила на своем рабочем столе его

фотографию и в рабочее время обязательно связывалась с ним по телефону — сказать, что соскучилась.

Так прошел год. Однажды у Кати на работе произошло мало кем замеченное событие. Главбух, отправив старого водителя на пенсию, взяла на работу нового — молодого, неженатого. Катя и шофер сразу проявили друг к другу интерес. Водитель пригласил Катю на дискотеку, а после привел ее к себе в сарай, где они до утра пугали мышей скрипевшими под ними досками.

В понедельник Катя спрятала портрет Бата-лова в стол, как всегда позвонила ему, но на этот раз соврала, что у нее тяжело заболела бабушка, и какое-то время она будет за ней ухаживать, и встречаться они не смогут. А еще главбух запретила говорить по телефону о нерабочих делах — так что звонить она тоже не сможет. Баталов, который к Кате привык, огорчился, но вынужден был принять временную разлуку.

Больше месяца Катя миловалась с новым водителем, пока не поняла, что беременна. Первым об этом узнал шофер. Первым и последним, поскольку на следующий день он уволился и встреч с Катей больше не искал. Решив втайне сделать аборт и скрыть беременность от всех, огорченная Катя вдруг вспомнила слова Баталова: «Тому, кто идет на поводу худших качеств своей души не поможет смена партнеров». Катя достала из стола фотографию Баталова, протерла ее салфеткой и, водрузив на прежнее место, решила ему позвонить.

Не видя Катю последний месяц, Баталов сначала почувствовал, потом понял, что на так старательно удобряемом им поле проросли сорняки. В какой-то момент ему стало обидно и горько. Пришлось призвать на помощь всю мудрость философии, чтобы банально не

напиться в кабаке и не снять проститутку. К счастью, обошлось.

Баталов снял трубку: «А вот и я, — сказала Катя. — Прости, что надолго пропала. Я страшно соскучилась и сейчас смотрю на твою фотографию». «Ты не представляешь, как я рад, что ты позволила, — ответил Баталов. — Ты не представляешь, как я ждал от тебя звонка в надежде, что ты все-таки начнешь понимать, что хорошо, что плохо — значит все, что между нами было, было не зря. А еще я хотел сказать спасибо тебе, благо-даря тебе я понял: искать новую женщину гораздо интересней, чем встречаться с девушкой, которая тебе не пара. На прощание скажу: «Если у тебя что-то не получается, значит, ты что-то не так делаешь. Значит, что-то надо менять»».

СЫР В МЫШЕЛОВКЕ

Мышка принюхивалась, поднимая мордочку вверх. Круп в кладовке хватало, и зубки было обо что поточить. Но новый запах манил — пахло сыром.

Панкратов, как всегда, вышел покурить на лестничную клетку. Стоя у мусоропровода, он, достав из кармана женские трусики, нюхал их и закатывал от удовольствия глаза.

С ведром мусора вышла соседка. Ее стройную фигуру обтягивал коротенький халатик. Были ли под ним трусики? Панкратов схватил соседку за руку, другую запустил под халат. Прижимая податливое тело к себе, он, тяжело дыша, целовал шею, глаза, грудь. Он уже овладел ею, стоя сзади, когда она вдруг отстранилась, повернулась к нему и сказала: «Сегодня хочу по-другому. Встань на ступеньку повыше».

В коробке хранились ленты из нарезанного поролона, для шпатлевки оконных щелей. В этом уютном теплом

гнезде копошились лысые мышата. Сытый животик мышки-матери был заполнен разной вкуснятиной. Но запах сыра манил.

Зазвонил телефон. Панкратов взял трубку. «Мой ушел, приходи». «Кто это?» — спросила из спальни жена. «Ошиблись номером», — ответил Панкратов. В кладовой раздался щелчок и писк. «Посмотри, что там, в кладовке», — попросила жена. Панкратов приоткрыл дверцу и заглянул. Мышкины лапки еще дергались, удар мышеловки перебил ей позвоночник. «Наконец-то попалась, дурочка, — констатировал Панкратов. — Я пойду выброшу мышь и заодно покурю.

Ни Панкратов, ни хозяйка соседской квартиры не услышали, как открылась входная дверь. Перед тем, как получить смертельный удар в спину, Панкратов успел услышать слова мужа соседки: «Наконец-то попались!»

ГРУСТНЫЕ МЕТАМОРФОЗЫ

В этот предпраздничный день у Ларисы постепенно стало меняться устоявшееся мнение об особях мужского пола, что почти все мужчины — козлы.

Лариса вышла из дома с утра пораньше — дел невпроворот. И на тебе, забыла дома мобильник. В городе спохватилась, когда ей срочно надо было позвонить, а нет! Тут и подвернулся мужчина — добрая душа. Лариса спросила его, где бы тут поблизости телефонную карточку купить, по-звонить срочно надо. А он всунул ей в руки свою мобилу: «Возьмите, — говорит, — звоните, раз уж вам так приспичило». Как не крути, а попадаются же и среди козлов джентльмены.

Делая покупки к завтрашнему мужскому празднику — Дню защитника Отечества, Лариса столкнулась с очень приятным юношей-продавцом. Он уделил ей внимание,

помог подобрать подарки: и для бабушки, и для папы, и для брата, и для сослуживцев. Ну слов нет, какой внимательный и обходительный молодой человек. Хочешь не хочешь, а к козлам такого юношу не отнесешь.

Из-за праздничной суеты Лариса немного припозднилась, устала, вымоталась и еле втиснулась в переполненную маршрутку с неподъемным пакетом в руках. В душной маршрутке нашелся симпатичный молодой человек, который любезно уступил Ларисе место — пустячок, а приятно. Видимо, насчет козлов она, наверное, была не права.

Вечер сумрачный, пасмурный. Фонари горят тускло, через один. Лариса с трудом вылезла из тесного маршрутного такси — спасибо, какой-то пожилой мужчина подал руку и помог с неподъемным пакетом. Нет, козлами мужчин называть никак нельзя.

Лариса свернула в знакомый проулок, в одной руке — дамская сумочка с повседневными женскими принадлежностями, в другой — громадный пакет с купленными к мужскому празднику подарками. Лариса прошла еще метров сто и вдруг на тебе, пакет не выдержал тяжести и порвался. Ладно бы, оторвалась ручка, как оно чаще всего и бывает, так ведь нет — пакет разорвался снизу по шву. Все его содержимое вывалилось и оказалось на мокром асфальте. Лариса, присев на корточки, стала собирать вещи в кучу, пытаясь сообразить, как же быть дальше. Вокруг ни души, другого пакета у нее нет, хоть в подол собирай. От беспомощности и обиды Лариса чуть не заплакала, как вдруг услышала за спиной мужской голос: «Не расстраивайтесь, девушка, разрешите вам помочь». Перед Ларисой стоял непонятно откуда взявшийся парень. В руках парень держал большой целлофановый пакет. «Складывайте, — предложил он, распахнув пакет двумя руками. — В него все поместится, еще и для сумочки место останется». «Вот спасибо, вы мой

спаситель, что бы я без вас делала», — выражала скороговоркой безмерную благодарность Лариса, без устали поднимая с земли покупки и складывая их в пакет. «Ну вот, кажется все, большое вам спасибо». Молодой человек, толком рассмотреть которого из-за темноты она так и не смогла, продолжая крепко держать пакет двумя руками, предложил: «Кладите и сумку сверху, места хватит, я помогу вам донести». «Да нет, сумка легкая», — отказалась Лариса. «Ну, как хочешь», — буркнул парень и, резко развернувшись, бро-сился бежать в темноту, унося пакет с покупками. Лариса еще не вышла из оцепенения, а парень уже исчез, так же внезапно, как и появился. «Вот козел», — прошептала пришедшая в себя Лариса.

Прижимая к груди чудом спасенную сумочку, Лариса, как никогда убежденная в том, что все мужчины козлы, быстрым шагом направилась к дому.

ИЗВРАЩЕНИЕ УДАЧИ

Семидесятилетний Петр Демидович как обычно приземлил свой тощий зад на скамеечку, где уже восседал его закадычный знакомый. Старики покряхтели, повздыхали, жалуясь на болячки и дороговизну лекарств, после чего Петр Деми-дович, как всегда, завел свои бредни о том, как всю жизнь хотелось ему найти мешок с деньгами. Покряхтев, старички разошлись.

Неделю спустя, Петр Демидович, проклиная больную поясницу и все на свете, наклонился, чтобы завязать развязавшийся шнурок и боковым зрением увидел под скамейкой брезентовый мешок. Подойдя и воровато оглянувшись, Петр Демидович вытащил и с трудом поднял непомерную тяжесть. Руки его задрожали, сердце забилось, он понял, что мечта жизни сбылась. Обернув мешок плащом, Петр Демидович, опираясь на палку, рванул к ближайшему дому и, войдя в подъезд, черты-

хаясь, извлек увесистую пачку денег.

Это были аккуратные банковские упаковки, состоящие из сторублевых купюр, имевших хождение до денежной реформы 1992 года.

ЧТО ТАК, ЧТО ЭТАК

Слишком крупные пуговицы на плаще, купленном в сэконд-хенде не расстегивались, застегивая в петлях. Молнию на брюках от слишком резкого рывка заело. Переминаясь с ноги на ногу, чтобы хоть как-то облегчить страдания, Петрухин стоял у писсуара единственного в городе бесплатного туалета, до которого он с трудом добежал, сильно рискуя обмочиться. Ну вот, наконец, после физических мук и психологических страданий его мужская гордость и достоинство, наконец, на свободе. Петрухин облегчился мощной струей, но безумной радости, как это бывало раньше в подобных ситуациях, не испытал. Резкая режущая боль в канале во время мочеиспускания мешала насладиться процессом. Опираясь на жизненный опыт, Петрухин понимал и ничуть не сомневался, что это результат какого-то венерического заболевания. След от гнойной капли на белых трусах еще одно тому подтверждение.

Единственное, в чем Петрухин почти не сомневался, опираясь на тот же жизненный опыт, это в том, что пригласи он в тот вечер в гости другую девчонку из тех двух поддатых, возвращавшихся с дискотеки — конечный результат был бы такой же, а может, и того хуже.

МЫ ЖЕ ДРУЗЬЯ

Молодые люди закурили, пауза затянулась. Один из них разорвал ее словами: «Ты меня по-знакомил с

любимой, ну, а что тебе оставалось? Мы же друзья. А она взяла и влюбилась в меня, такое в жизни бывает — но мы же друзья. А пото-му у нас есть два пути. Я могу больше не пока-зывать вам на глаза, избегать встреч и даже уехать. Хотя мне будет очень тяжело — мы же друзья. К тому же и здесь есть свои подводные камни. Психика девушек устроена так, что, будучи натурами романтическими, они любят фанта-зировать и идеализировать. В своих мечтах, воспоминаниях, она сотворит из меня кумира, будет грезить мной и будет любить еще сильнее. Ни тебе, ни мне это не надо — мы же друзья. Есть второй путь — пусть все будет как есть, мы по-прежнему будем гулять вдвоем, общаться, ну, в общем, жить, как жили. Но я в корне изменю свое поведение, чтобы ей разонравиться. Стану наглым, самоуверенным, лживым, ну, и тому подобное, в общем, плохим мальчиком. Мы же друзья. Ты на моем фоне, наоборот, постарайся быть еще лучше и добрее, чем ты есть. Ясное дело, девушка должна меня возненавидеть и любить только тебя. Какой вариант больше подходит, выбирать тебе — мы же друзья».

Время спуска.

Молодые люди закурили, пауза затянулась. Один из них разорвал ее словами: «Ну что теперь поделаешь, друг. Ты же знаешь, что я этого не хотел. Сопrotивлялся, как мог, и исправно разыг-рывал роль плохого парня, но она просто изнаси-ловала меня — каюсь, прости, мы же все же друзья. В данном случае мы с тобой не учли немаловажное обстоятельство: почему-то жен-щинам нравятся наглецы, негодяи и подлецы гораздо больше, чем праведники. Теперь она говорит, что беременна и требует, чтобы я на ней женился. Но как я могу? Мы же друзья. Больше я не буду стоять у вас на пути, я срочно уезжаю в США. Поэтому займи мне денег, сколько сможешь — мы же друзья».

ДУРЕХА

С годами Матюхин возомнил, что наконец-то он поумнел. Но с другой стороны было обидно и горько, потому что Матюхину казалось, что было уже поздно — жизнь прожита. Что теперь толку, что он научился разбираться в женщинах и в людях вообще. Что толку в том, что он теперь знает, что можно, а что нет, что хорошо, а что плохо, что вредно, а что полезно — жизнь прожита. Но не уносить же с собой на тот свет столь полезные знания и опыт. Надо бы ими с кем-то поделиться. Свои дети слишком взрослые, их мнение уже ломом не перешибешь. И решил Матюхин щедро одарить пришедшим с годами опытом какую-нибудь не испорченную пороками, молодую дуре-ху. Стать ее учителем, наставником, одним словом гуру — да и, пожалуй, не только.

Мысль Матюхину понравилась, и он начал ее осуществлять. Для начала Матюхин пошел в аптеку. Нет, не как всегда за желудочным и пече-ночным. Нет, на этот раз Матюхин купил настойку женьшеня, таблетки для мужской силы (про-изводство — Вьетнам) и всемирно известную Виагру.

Заманить дуреху-молодую в двухкомнатную квартиру, где Матюхин проживал один, было легко. Для этого Матюхин повесил возле женского общежития медучилища объявление: «Комната для студентки — задаром». И ему позвонили. Побеседовав с тремя претендентками, Матюхин остановил свой выбор на Ксюше — разбитной, кровь с молоком, рыжеволосой деревенской девчонке. Денег за еду и проживание он обещал с нее не брать. «Будешь вести хозяйство и слушать мои наставления по жизненно важным вопросам. Гарантирую, если поймешь суть моих нравоучений и возьмешь за основу — станешь счастливой». Ксюша стать счастливой согласилась. В первый же день она перемыла полы и приготовила борщ.

А вечером Матюхин усадил ее на диван и прочитал первое наставление.

«Большинство девушек, в бытовой суете, — начал он, — забывают о главном: про любовь, про нежность и ласку, получая эти жизненно важные состояния и чувства, как правило, только спонтанно. Представился случай — переспала с парнем и до свидания. Это неправильно. Потому у большинства девушек чувство неудовлетворенности, неосуществленных желаний и одиночества. Оттуда у них комплексы и депрессии. Как быть? Надо иметь постоянного партнера, взрослого, опытного, умного, и прочее, и так далее (конечно же, Матюхин имел в виду себя). Надо поставить на первое место общение с человеком, который заботится о тебе, учит хорошему и делает подарки. И выкинуть из головы бесшабашных молодых парней — от них один вред и болезни. Насчет подружек: не с ними тебе жить, не им тебя кормить, не с ними тебе постель делить — а, стало быть, держись от них по-дальше».

Ежедневные лекции принесли свои плоды. Уже на третий вечер своего пребывания в квартире Матюхина, рыжеволосая дуреха делила постель с хозяином уютной квартиры. Ксюша хорошо училась, хорошо вела хозяйство, хорошо удовлетворяла Матюхина и со вниманием выслушивала все, что он говорит.

На каникулы, праздники Ксюша уезжала в свое родное село и грелась в объятиях местного парня, в котором видела будущего мужа и отца своих детишек.

Забеременев, Ксюша не спешила ставить Матюхина в известность. Сказала только тогда, когда скрывать было уже невозможно. Матюхин был рад и, идя навстречу пожеланиям будущей мамы, с Ксюшей расписался и прописал ее к себе. Благополучно родив мальчика, Ксюша настояла на том, чтобы Матюхин купил ей шубу и

нанял нянечку для младенца. Закончив учебу, Ксюша, благодаря знакомым Матюхина, устроилась работать на хлебное место и, став самостоятельной, подала на развод. Вскоре в квартире Матюхина был прописан тот самый парень из села, как оказалось, отец ребенка.

Сделав жизнь и пребывание Матюхина в квартире адом, Ксюша предложила ему приобрести комнату и съехать: «А то хуже будет». Поскольку последнее время жизнь пенсионера Матюхина и без того медом не казалась — он съехал. Переехав в комнату без удобств, у Матюхина опять появилось время поразмышлять: так поумнел ли он с годами или нет? Стал ли разбираться в женщинах? Усвоил ли, что можно, чего нельзя, что хорошо, что плохо? И способен ли он учиться этим премудростям других? Осматривая убогую комнатенку, получалось, что нет. А с другой стороны дураку Ксюшу Матюхин ведь не обманул — слушая его наставления, она сумела-таки стать счастливой, как он когда-то ей и обещал.

КОНСЕРВЫ

Матерому рецидивисту Копченому уже за пятьдесят. Дождаться последнего звонка по последнему сроку у него едва ли получится — не доживет. Рассчитывать на амнистию или досрочное освобождение тем более не приходится. Надо подаваться в бег. Готовился Копченый не спеша, взвешивая все за и против, собирая при этом информацию о дорогах, о ближайших населенных пунктах, и как незамеченным дойти до большой станции, ну и, конечно, сушил сухари, а заодно приглядывал себе и напарника — одному в тайге боязно, да и сгинуть проще.

Остановил Копченый свой выбор на молодом, крепком, впервые получившем срок парне по кличке Стрючок. У Стрючка хоть и первая ходка, но срок большой, а потому Стрючку тоже есть полный резон из зоны на волю валить.

Проведя со Стрючком не одну доверительную беседу, Копченый все крепче убеждался в правильности выбора. Стрючок из тех благородных блатных-романтиков, которые, если что, товарища на себе тащить будут и поделятся последним сухарем. Но для Копченого это не единственное достоинство Стрючка — весит он много, не меньше девяноста килограммов. А, значит, когда закончатся сухари, у Копченого будет вдоволь свежего человеческого мяса. Одним словом, Стрючок для Копченого — ходячие консервы.

Наступила весна, к побегу все было готово. Выбрав удобный момент, Стрючок и Копченый сделали ноги — то есть подались в бега. Две недели шли по необозримой тайге, не разжигая костров, питаюсь сухарями и молодыми побегами. А когда вышли к большой реке, Копченый понял, что осталось только смастерить плот и можно порадовать себя забытым вкусом сладкого человеческого мяса.

В выбранной беглецами ложбинке Копченый хлопотал, разводя первый после побега костерок, чтобы обрадоваться кипятком. В это время Стрючок самодельным топориком, в сторонке, заготавливал материал для будущего плота.

Вода в оловянной кружке закипела, Копченый, завернув ее в портянку, сидя на корточках, с блаженством прихлебывал кипяток. Так и не теряя блаженного состояния, душа Копченого отлетела прямо в ад, поскольку тихо подошедший к нему сзади Стрючок одним мощным ударом расколол голову Копченого на две половины. Теперь, с таким запасом мяса, шансов обрести свободу у Стрючка будет намного больше.

ЛЮБОВЬ-МОРКОВЬ

Пал Палыч на спасательной станции начальник. Дело спасения утопающих — сами знаете, чье дело. Поэтому судьбы купающихся Пал Палычу были глубоко безразличны. Тем более что зарплата у Пал Палыча — но не будем о грустном. Спасибо курортному сезону, хоть какие-то деньжата при-липают. От сдачи в аренду лодок, надувных матрацев, лежаков, зонтов и прочего. Пал Палычу, не имеющему ни жены, ни детей, несмотря на солидный возраст едва хватало сводить концы с концами.

Пацаны-спасатели Пал Палыча слушались и уважали за то, что он не учил их жизни и ничего не требовал.

Однажды, в конце бархатного сезона, когда море любило поволноваться, и купание было связано с риском, Пал Палыч собрал подчиненных, что бывало крайне редко. Дав команду вывесить таблички во избежание претензий со стороны утопающих: «Шторм — спасение не гарантируем», он строго-настрого наказал внимательнейшим образом присматривать за фигуристой дамой бальзаковского возраста, присутствующей на пляже. Даму он всем велел рассмотреть в бинокли, подзорные трубы и запомнить, как следует. «Держаться с ней рядом, не терять ее из вида, особенно, когда она находится в воде. Глаз не сводить, головой отвеча-ете», — такими словами Пал Палыч закончил свои наставления.

Спасатели, расходясь по своим местам, обсуждали необычный приказ начальника. «Ну, наконец-то, Пал Палыч влюбился». «Неужто же-нится наш закоренелый холостяк?» Приказ Пал Палыча исполнялся с большим удовольствием и даже рвением. Даме бесплатно был предложен шезлонг и пляжный зонтик. А когда дама по-собачьи плыла к буйку, рядом с ней дежурила спасательная лодка.

К вечеру, после того, как дамочка под неусыпным взором молодых спасателей покинула пляж, Пал Палычу было доложено, что его симпатия, пассия и зазноба, целая и невреди-мая, направилась домой. При этих словах, пьющий пиво Пал Палыч даже поперхнулся и, перестав жевать воблу, с удивлением вытара-щил глаза на доложившего. «Какая, к черту, симпатия, какая зазноба? Эта баба, будь она трижды проклята — соседка моя, задолжала мне триста гривен, а отдавать не спешит. Слу-чись с ней что — пропадут мои денежки».

ЖИР СОБАЧИЙ

Многочисленное семейство Жмуркиных прожи-вало в двух комнатах большой коммунальной квартиры. Члены семейства то периодически са-дились в тюрьму, то лечились в психушке — всему виной страсть к зеленому змию.

Часть домочадцев болела туберкулезом, при-несенным на свободу из мест не столь отдаленных. Добрые люди из соседней пивной посоветовали семье Жмуркиных лечиться либо медвежьим, либо барсучьим жиром, гарантируя полное изле-чение. Но где таких зверушек взять? Медведями даже на птичьем рынке не торгуют. Решили лечиться жиром собачьим. Для этого у тощей дворовой суки, родившей под лестницей двух щенков, изъяли самого мордастого и стали его кормить.

Каждый из членов семьи нес домой для ще-ночка, что мог — кто надкусанный плавленный сырок, кто недоеденный кусочек колбаски, часто лишая себя удовольствия как следует закусить. Из квартиры щеночка не выпускали, отчего воздух в коммуналке стал еще

смерднее. Это вызвало недовольство соседей, хотя и не мешало им же подкармливать песика.

Щенок рос и жирел на глазах, обещая тем самым рассчитывать минимум на трехлитровую банку жира. Члены семейства с удовольствием ощупывали его, радовались и даже надеялись на меховую шапку из шкуры.

Прошло время, дворняга выросла, превратившись в крупную ожиревшую собаку. Стал вопрос: кто, где и как псинку заколет, освежает тушку, ну, и все такое прочее. Вдруг выяснилось — все жильцы коммуналки, а также члены семейства, несмотря на судимости, среди которых была и 105-я статья — убийство, собачку прирезать отказывались. Кто наотрез, кто, ссылаясь на какие-то причины. Песик был любим всеми. Злодея нашли на стороне, договорились с ним на первое мая, рассчитывая, что все уйдут на праздничную демонстрацию трудящихся, и в ржавой ванной никто сидеть не будет.

Первое мая для проживающих в коммуналке традиционно — день суетный, поскольку в этот день пить за солидарность начинали с утра. По-этому народ бесконечно входил, выходил еще засветло. Все бегали то за водкой, то за пивом — в дверь без конца тарабанили и звонили. Одним словом, в этой праздничной суете кто-то (кто, до сих пор выясняют) оставил входную дверь нараспашку.

Приговоренный к смерти пес в этот день, то ли чую тяжесть доли, то ли из любопытства, никем не замеченный, тяжело переставляя толстые лапы, вышел на лестничную клетку. Спустился по лестнице и вышел на улицу. Пес потянул но-сом — воздух свободы пьянил.

Р. С. С того дня никто из жильцов коммуналки песика больше не видел. Странное совпадение — после первого мая из города бесследно исчез

злодей-бомж, давший согласие на экзекуцию.

ВСЕ ЗА КАПУСТОЙ

Юрик и Тимоха созвонились. «У тебя «капуста» есть?» «А у тебя?» Выяснилось, и у того, и у другого в карманах пусто. Решили встретиться и разжиться «капустой», то есть деньгами. На этот раз корефаны не залезли в чужую квартиру, не угнали автомобиль, а просто в темном подъезде, пригрозив ножичком, сняли с гражданочки золо-тые украшения. Забрали кошелек и прихватили норковую шапку.

Сбагрив награбленное, дружки решили гуль-нуть в ресторане. Наевшись и напившись от пуза, дружбаны пожелали продолжения банкета — к примеру, в баньке, с женским полом. Ночная сауна — это не проблема, в районе их несколько, а вот где девочек взять? — это вопрос. Тем более что «капусты» после сегодняшних разносолов осталось не так уж много, по крайней мере, чтобы оплатить дорогих проституток, явно не хватит.

Решили позвонить старой, проверенной по-друге, по прозвищу «попилуха», тридцатилетней матери-одиночке. Все лучше, чем ничего. Ничуть не смущаясь того, что время час ночи, дружбаны набрали нужный номер. Трубку долго не брали. «Видимо, спит», — предположил Тимоха. «Ничего страшного, буди. Все равно звонить больше некому», — распорядился Юрик. Наконец трубку сняли. «Алё», — раздался сонный голос десяти-летнего мальчика. «Ты это, извини, пацан. Маму разбуди, скажи, по важному делу». «А ее нет, — ответил мальчик. — Они с тетей Нюрой капусту добывать ушли».

КАФЕ «ПЧЕЛКА»

Молочные коктейли, кофе «гляссе», пирож-ные,

мороженое, горячий шоколад, и все по доступным ценам. Баринов любил посидеть в кафе «Пчелка». С открытой веранды ему часто приходилось наблюдать душещипательные сцены, когда молодые мамы, бабушки или няни проходили мимо кафе, держа за руку разнополых детишек. Разумеется, все дети когда-то уже побывали в замечательном кафе. Естественно, у каждого из них остались прекрасные воспоминания о вкусностях, которыми их потчевали в «Пчелке». Дети просто не могли пройти мимо, они останавливались и, тыча пальцами в сторону кафе, требовали угощений, не желая ничего слушать и считаться с проблемами взрослых. Мамаши, бабушки, дедушки, няни тянули впадавших в истерику детишек прочь, что-то объясняя и обещая прийти в кафе в следующий раз. Но дети категорически слышать ничего не хотели, заливаясь слезами, ревели и упирались руками и ногами.

Баринов, посасывая из трубочки шоколадный коктейль, сочувственно, с пониманием взирал на несчастных детей и всегда был на их стороне. «Бедные, бедные дети, я представляю, как им хочется сладенького», — сочувствовал он и с наслаждением съедал крем-брюле.

Когда пятидесятилетний Баринов надумал жениться на сорокапятилетней даме, то, конечно же, он в процессе ухаживания стал приглашать ее в любимое кафе. Теперь уже с дамой, без пяти минут законной супругой, Баринов с тем же наслаждением съедал какой-нибудь десерт, запивая коктейлем. Однако его спутница с каждым днем все больше и больше огорчала и даже пугала его своей неумеренной страстью к объемистым кускам торта и прочим сладостям. Уже через три недели их совместных посиделок в «Пчелке», Баринов начал замечать: и без того не

худая невеста толстеет прямо на глазах. «Это безобразие надо прекратить», — решил Баринов и попробовал ограничить ее аппетиты одним пирожным и чаем. Но куда там! Невеста обиделась не на шутку и не скрывала своего разочарования в Баринове. «А вы, оказывается, скупердьяй», — съязвила она, попытавшись уличить его в скупости. Тогда ради спасения будущего семейного счастья Баринов решил от посещения любимого кафе отказаться.

Выйдя на очередную прогулку с невестой, Баринов, вместо того, чтобы привычно свернуть на дорогу к кафе «Пчелка», попытался пойти другим путем. Но бдительная невеста, узнав, в чем дело, крепко взяла его под ручки и направила на верный путь — то есть в сторону кафе. Там, у входа, между ними произошла бурная сцена, где имело место перетягивание друг друга руками, и с истерикой с ее стороны. В результате им пришлось расстаться навсегда.

Теперь, как и раньше, сидя в кафе один, Баринов, наслаждаясь коктейлем, видя детишек, которые устраивали акты неповиновения сопровождавшим их взрослым, сочувствовал уже не детям — симпатии его были уже на стороне тех, кто страдал от их капризов и непонимания.

ОСТОРОЖНО

ЧЕРНУХА

СЕРДЦЕ ПЕТРА

Это началось еще в детстве. Однажды, когда Петя, голодный, уставший, пришел из школы, входная дверь дома, в котором он жил с мамой, была заперта, и ключа под ковриком не оказалось. Петя заглянул в замочную

скважину и увидел, что ключ торчит изнутри. Он постучал, но ему не открыли. Петя очень испугался за маму — что с ней? Рискуя сломать себе шею, Петя полез на крышу, чтобы попробовать попасть вовнутрь через маленькое окошечко кухни, которое находилось высоко над землей с другой стороны дома. Окошечко было открыто, и Петя влез вовнутрь, ободрав руки и ноги в кровь. В комнате мамы он застал странную картину: какой-то незнакомый ему дядя и мама, ничего не видя и не слыша, совершали половой акт в извращенной форме. Петя, как вкопанный, стоял и смотрел на этот процесс, пока его не заметили. Его маленькое сердце защемило. Впервые в жизни Петя почувствовал, что мама его предала.

Когда Петя учился в старших классах, Петина мама, получив путевку, уехала на минеральные воды. В соседнем доме жила девушка, в которую Петя был очень влюблен. Узнав, что Петина мама в отъезде, девушка, когда Петя шел в школу, преградила ему дорогу и попросила его дать ей ключ от дома, пообещав, что когда он из школы придет, она будет его ждать — не стоять же ей на улице. От счастья Петр был на седьмом небе. Ключ дал, но в школе смог высидеть только один урок. Придя домой намного раньше, он, ничего не подозревая, потянул дверь на себя, но она была заперта. Петя подкрался к окну, заглянул и в глубине своей комнаты увидел, как его любовь, на его кровати совокупляется с каким-то парнем. Сердце Петра дало трещину. Впервые в жизни он почувствовал боль оттого, что его предала любимая.

Когда Петру исполнилось двадцать, он уже год как встречался с девушкой и хотел на ней жениться. Из Америки приехал его дядя и остановился в гостинице «Интурист». Он пригласил Петра и его невесту в ресторан, потом в стриптиз-клуб. На следующий день катал на яхте, устроил пикник и оказывал всяческие

знаки внимания невесте Петра. Ей это нравилось, как и сам дядя. Но Петр не ревновал, потому что дядя нравился всем. Однако на следующий день Петр заподозрил неладное, когда его невеста заявила, что вечером никуда не пойдет — она вдруг заболела. И дядя сказал, что будет чем-то очень занят. Гонимый ревностью, Петя пришел в «Интурист». В портье сказали, что его дядя в номере. Петя подошел к его двери, но стучать не стал, слышимость была хорошая, и он четко слышал голос своей невесты и дяди. Из-за двери раздавались крики и стоны, какие могла издавать только его невеста во время оргазма. Петр сел у двери и стал ждать. К счастью или нет, но к двери номера подкатили тележку с фруктами и шампанским. Официант постучал, дверь открыли, и вслед за официантом в номер вошел Петр. Его невеста лежала в дядиной постели, завернувшись в простыню. На сердце Петра появилась еще одна трещина. Впервые в жизни Петр почувствовал, что значит быть преданным невестой.

Но Петр все-таки женился, правда, совсем на другой. То была женщина старше его, уже побывавшая замужем. Она уверяла Петра, что ни гулянки, ни хождения налево ей не нужны. Она, как и он, уже обожглась на измене и хочет только любви, благополучия и семейного счастья. Того же хотелось и Петру. Он безбедно прожил с этой женщиной несколько лет и был доволен. Она была хорошей женой и приносила в дом денег намного больше, чем зарабатывал Петр. Однажды, когда Петр со своим другом парились в сауне, банщик предложил им девушек на час. Петр отказался, а его друг у банщика спросил, можно ли заказать пусть немолодую, но более-менее надежную, у которой есть муж и, желательно, дети, чтобы не поймать какой-нибудь заразы. Банщик сказал, что несколько порядочных женщин иногда за умеренную плату, на час, приезжают прямо с работы, отпросившись под каким-нибудь предлогом у начальства. Такую женщину друг Петра и заказал. Когда в сауну приехала жена Петра, они оба были в шоке, удивлены и

напуганы. Пытаясь выкрутиться, жена упрекала Петра, что вот, где и как он проводит свободное время. А потом, устроив истерику, кричала: «А что он думает, на какие шиши она подарила ему машину и многое другое». С тяжелым сердцем Петр развелся, впервые в жизни познав, что значит быть преданным женой.

Время спустя Петр женился на совсем молодой девушке — девственнице и беспреданнице. Она была кротка как овечка и беспрекословно выполняла его волю. Петр был счастлив с ней целых четыре года. Однажды, уехав на выходные на рыбалку, они с другом прилично выпили и завели разговор о женщинах. Друг жаловался на жену, что она ему изменяет, утверждая, что это в порядке вещей, и что преданных, верных женщин в природе не бывает. Петр стал активно возражать, главным аргументом выставляя свою молодую жену. Выпив еще, друг его, обозлившись на дурость и наивность Петра, признался, что уже давно периодически потрачивает его тихоню-женушку. «Врешь», — кричал Петр и лез драться на крепкого друга. «Давай на спор, на тысячу баксов, — предложил друг. — Мы сейчас возвращаемся в город, я ей звоню, и она меня к себе запускает, через полчаса можешь заходить, по-любоваться».

Рыбаки на день раньше вернулись в город, и его друг позвонил жене Петра: «Привет, дорогая, а я на рыбалку с Петром не поехал. Сама знаешь, почему — соскучился. Я сейчас приду, готовься». Ноги Петра подкосились, он, чтобы не упасть, сел на корточки и схватился за сердце. Так он потерял тысячу долларов, жену и лучшего друга.

В дальнейшем по жизни Петр уже не искал в женщинах ни преданности, ни верности. Он решил, что человеческие пороки можно поворачивать себе во благо так же, как и человеческие достоинства.

На этот раз он женился на профессиональной проститутке, у которой брат — тоже проститут-гомосексуалист. К тому же у нее уже достаточно подросла дочь, чтобы и ее можно было использовать в секс-бизнесе. И Петр использовал всех членов новой семьи, открыв для состоятельных господ элитный бордель.

Теперь сердце Петра бьется то радостно, то ровно, когда он смотрит на своих новых родных и близких.

КОНЕЦ СОМНЕНИЯМ

Уже вторые сутки, как Алферова не беспокоят бушевавшие в его душе страсти. Ни ревность к любимой женщине, ни ненависть к сопернику. Ни страх потерять хорошо оплачиваемую работу. Ни терзает беспокойство за собственное здоровье из-за сильных болей в груди. Освободился Алферов и от сомнений в правильности выбора жизненного пути.

Прошли уже вторые сутки, как Алферов внезапно умер от разрыва сердца.

СОАВТОРЫ

В воздухе витал густой рыбный запах — на кухне варилась уха. «Как думаешь? — спросил женоподобный юноша, ежедневно ведущий дневник. — Как лучше? В комнате аппетитно попаривалось рыбкой или как-нибудь по-другому?» «Зря бумагу мучишь, — презрительно ухмыльнулся лысеющий мужчина, сидящий напротив. — Напиши просто — тошнотворно воняло тухлятиной». Взяв со стола бутылку, он, запрокинув голову, стал пить из нее пиво. Женоподобный юноша с обидой в голосе возразил: «Тебе бы только гадостей побольше, мужлан.

Не зря именно «Лука Мудищев» — твое любимое произведение». Мужчина, не отрываясь, допил содержимое бутылки до дна, громко икнул и парировал: «Как бы там ни было, зато я этого не скрываю, честно предпочитая «Мудищева» «Онегину». Плевать я хотел на «Ромео и Джульетту» и на всякую другую лирику. Главное для меня — называть вещи своими именами». От выпитого пива мужчина расслабился и, желая смягчить свою категоричность, уже более мягким тоном добавил: «Ну прости, дорогуша, ты же знаешь, как я не люблю сантименты. И вообще, ненаглядный мой, хватит писать. Иди, голуба моя, присядь рядом, приласкать тебя хочу, при-голубить».

ВЫСШИЕ СИЛЫ

Болдырев без всякого удовольствия вспомнил о Фоменко. Без удовольствия, потому что должен был ему денег. Очень неохотно решил позвонить. Набрал номер, попал не туда. Может, потому что вместо пятерки набирал шестерку. Набрал снова, опять попал не туда. Два раза палец срывался с диска. После очередного набора номер был занят. Из собственного жизненного опыта Болдырев знал, если какое-то дело не пошло, не осуществляется по не зависящим, загадочным причинам — то лучше затею оставить, поскольку высшие силы против. Поэтому Болдырев Фоменко решил не звонить.

С совершенно другим настроением Болдырев начал набирать номер телефона Комарова, который должен был денег ему. Два раза Болдырев попадал не туда, на третий раз номер был занят. В Болдыреве вдруг вспыхнул протест и несогласие с разного рода предрассудками. В данном случае он решил проявить упрямство и не

сдаваться. Не дозвонившись Комарову, Болдырев решительно направился в сторону его дома. Нужного номера трамвая Болдырева так и не дождался — не хватило терпения. Болдырев перешел на троллейбусную остановку, но подъехавший троллейбус был так переполнен, что Болдырев не смог в него втиснуться. Решил идти пешком. В пути его настиг дождь — зонта не было. Болдырев стал на обочину, надеясь поймать такси. Машины проносились, обдавая и без того мокрого Болдырева мелкими брызгами. Болдырев чувствовал, что высшие силы против его затеи, но он решил идти до конца. Две машины удалось остановить. Шофер одной сказал, что ему не в ту сторону. Водитель другой заломил такую цену, что Болдырев отказался. В глубине души Болдырев понимал — высшие силы настаивают на своем и против его затеи. Но упрямство и гордость подстегивали к действию. Вдалеке показался долго-жданый трамвайчик, до ближайшей остановки метров сто. Расценив появление трамвая как удачу, отбросив дурные предчувствия, позабыв о высших силах, Болдырев, сломя голову, побежал на-встречу судьбе. Мокрый асфальт, скрип тормозов — до остановки Болдырев добежать так и не смог.

КОНЕЦ ТЕРПЕНИЮ

На свидание с Любой Горин пришел чуть по-раньше. Отстояв в ожидании на холодном ветру двадцать минут, Горин, переминаясь с ноги на ногу, в очередной раз посмотрел на часы. Неуважительное отношение любимой к нему уже давно перешло все дозволенные границы. Ладно бы ее постоянные опоздания, так ведь она еще и недостаточно ласкова с ним, и ведет она себя совсем не так, как бы ему хотелось. Упряма, эгоистична, характер — не сахар. Горин попрыгал на одном месте, скорее не для того, чтобы согреться, а чтобы отвлечься

от грустных мыслей. Еще раз посмотрев на часы, он вдруг осознал, что на этот раз добром все не кончится. Если через десять минут она не придет, он, Горин, больше терпеть не сможет и напишет себе в штаны.

Нас губят слабые стороны души.

ПОРОЧНАЯ ЛЮБОВЬ

20 сентября, 20 час. 30 мин., кафе «Волна».

За чашечкой кафе зашел разговор, и Алена, молодая миловидная женщина двадцати шести лет, уже не в первый раз пожаловалась Евсе-еву, молодящемуся мужчине сорока пяти лет, на домашние проблемы. Алена и Евсеев встре-чаются пять лет и знают друг о друге, казалось бы, все. «Так вот, — жаловалась Алена, — теперь, после того, как брат женился и привел в квартиру беременную жену, мама зудит еще больше и чаще. Говорит, что ты никогда на мне не женишься, молодость, красота пройдут, ты меня бросишь, и я никому не буду нужна. Я маму понимаю, она ссорится с отцом почти каждый день и спит у меня в комнате на раскладушке. Ей хочется побыстрее выдать меня замуж, занять мою комнату или отдать ее брату с бере-менной женой. Она спит и видит, как будет приезжать в гости, подолгу жить у меня, внуков нянчить. А сейчас хоть домой не приходи — и зудит, и зудит». «Я ее не сужу, — ответил Евсеев, — твою маму можно понять, у нее свои интересы. Но что поделаешь, ты же знаешь, что я тоже, после того, как развелся, живу с мамой. Она теперь ни о каких невестках и слышать

не желает. Мы встречаемся, видимся почти каждый вечер, любим друг друга. Меня лично в наших отношениях все устраивает. Терпи, Алена, все уладится, наше положение не так уж и плохо. Дома ты почти не бываешь, ты — то со мной, то на работе. Уже пять лет нам хорошо вдвоем, и кто бы что бы не говорил, надеюсь, что хорошо будет и дальше».

21 сентября, 20 час. 30 мин., кафе «Волна».

Алена и Евсеев пьют в кафешке молочные коктейли. Неожиданно появляется близкий приятель Евсеева, Олег — моложавый мужчина сорока двух лет. С ним его приятель-однокурсник, приехал к Олегу погостить из Москвы. Олег представил Алене и Евсееву новенького: «Алеша, хороший, добрый парень, детский тренер. Недавно разошелся с женой, приехал развеяться. Евсеев и Олег делали вместе бизнес и, немного дистанцировавшись от Алены и Алеши, заговорили о делах. Между делом Евсеев заказал шампанское, закуски. Выпили за знакомство, и Олег с Евсеевым опять углубились в свои разговоры по бизнесу. Алена и Алеша понравились друг другу сразу, с первого взгляда, а когда стали разговаривать, симпатия усилилась. В процессе Алеша даже несколько раз пригласил Алену на медленный танец. Несколько часов пролетели быстро, настало время расставаться. Евсеев заплатил за стол, а Алеша доложил, что завтра уезжает. «Ну что ж, счастливого вам пути», — сказал Евсеев. Алеша, пожимая Алене руку, на мгновение задержал ее ладонь в своей и немного сжал. Посмотрел ей в глаза: «Может, когда и увидимся, — сказал он. — До свидания».

23 сентября, 20 час. 30 мин., кафе «Волна».

Евсеев и Алена пили чай, ели пирожные. В кафешке появился Олег: «Привет, привет, вот, проводил Алешу, теперь скучаю, вдвоем было веселей. Ну, а как вы?» Мужчины опять заговорили о делах, Алена скучала. Вдруг Евсеев положил руку на живот: «Ой, кажется меня прихватило. Ребята, я в сортир». Олег и Алена остались за столом вдвоем. «Ты Алешу-то пом-нишь?» — спросил Олег Алену. Конечно, помню», — ответила она. «Хороший парень, я его с ин-ститута знаю. С женой только не повезло, женился на ветреной красотке. Она мало того, что всю жизнь изменяла ему, так еще, вдобавок, коварно предала. Уехала с ребенком в Америку по приглашению, да там и осталась. А ты знаешь, Алеша мне уже два раза звонил, все о тебе выспрашивал, похоже, влюбился. Так вот, Алена, только между нами, прошу тебя, чтобы Евсееву ни-ни. А то, сама понимаешь, в каком я окажусь положении. В общем, Алеша просит твой номер телефона, рабочий или домашний. Хочет позво-нить тебе, кажется, собирается в Москву тебя пригласить. Ну, так что? Если нет, то про этот разговор забыли». «Ну почему же, — ответила Алена, — пусть позвонит. Запиши номер». «Гово-ри, говори, я и так запомню, а то Евсеев из сор-тира идет».

Алеша звонил Алене по два раза в день. Они говорили о многом, но в то же время ни о чем. Но оба с нетерпением ждали следующего разго-вора. Как-то Алеша спросил Алену насчет от-пуска. Дают ли ей его и в каких числах. Алена ответила, что дают, и назвала число — с пер-вого октября.

29 сентября, 20 час. 30 мин., кафе «Волна».

Евсеев и Алена пьют капучино. «Ну что у тебя с отпуском?» — спросил Евсеев. — «Нам с зам. главбуха на две недели выделили путевку в санаторий «Ессентуки», — ответила Алена. — Послезавтра уезжаю. Попью водички, нервы подлечу, а, главное, отдохну от маминых нападков. «Смотри там, не балуй», — сказал Евсеев и, шутливо погрозив Алене пальцем, рассмеялся.

13 октября, 19 час. 30 мин., кафе «Волна».

За столиком, на котором стоит почти опорожненная бутылка коньяка, полусидя-полулежа, непохожий на себя от тайского загара, сидел вдрызг пьяный Евсеев. В кафе вошел такой же загоревший Олег. Присел рядом, с тревогой и сочувствием спросил, что случилось. «Случилось, случилось, — замотал головой Евсеев. — Алена из Москвы звонила час назад. Выходит замуж за дружка твоего, за этого долбаного Алешу. Просит простить и не держать зла. Все, приехали». «Ну, брат, извини, — сказал Олег, — ты сам все это затеял». А про себя подумал — ну и Алешка, ну и хитрец!

22 сентября, 20 час. 30 мин., кафе «Волна».

Двадцать дней тому назад.

За столом в ожидании прихода Алены два старых приятеля — Евсеев и Олег. «Ну что, Евсеев, — спросил Олег, — мы с тобой неплохо заработали за последнее время, надо бы раз-веяться. Поехали в Таиланд. Твоя Алена, как всегда, наверное, в санаторий рванет — нервы лечить, а мы в это

время дней на десять в Таиланд». — В общем-то, можно. Развеемся, конечно, нужно. Тем более, Алена совсем достала меня своей мамой, только об этом и говорит. И еще вот что: не понравилось мне, как она повела себя с твоим институтским дружкой, с Алешей этим — прямо сама на себя была не похожа. Да и он тоже хорош гусь, поел-попил и даже для приличия не предложил расплатиться, и Алену танцевать таскал, ни разу не спросив у меня разрешения — сразу видно, профессиональный халявщик. Давай так, только между нами, ко-нечно. Ты Алене скажи, так, мол, и так, Алеша влюбился и хочет перезваниваться с ней. Хочу посмотреть на ее реакцию — как она себя по-ведет. И дружку своему прямо сейчас позвони в Москву, спроси, не хочет ли он по телефону пообщаться с Аленой. Вот мы и посмотрим, кто из себя что представляет». «Дело твое, — сказал Олег и по мобильному соединился с Москвой. — Привет, Алеша, как жизнь? Алену вспоминаешь? Я сразу понял, что ты влюбился. Ну хочешь, я попрошу у нее для тебя телефон. Пообщаетесь. Ну давай, завтра перезвоню». «Вот видишь, какой у тебя непорядочный дружок, — сказал Евсеев и посмотрел на часы. На них было 20.30. — Сейчас Алена придет. Приходи сюда в это же время завтра и действуй согласно плана, когда я отлучусь в сортир».

13 октября, 20 час. 30 мин., кафе «Волна».

Олегу было жалко Евсеева, он, как мог, уте-шал его, но из головы не выходила мысль: «Ну и Алешка, ну и конспиратор! А ведь мне по теле-фону доложил, что с Аленой у него не получится. Якобы она ему сказала, что несмотря ни на что, она все-таки любит Евсеева».

ЗАДЕТЫЙ ЗА ЖИВОЕ

Пономарев шел по темной улице, думая о чем-то светлом. У разбитого фонаря из переулка вышли трое и преградили ему дорогу. «Мужик, угости сигаретами, поделись деньгами, дай куртку поносить и оставь часы на память», — заявил крепыш небольшого роста, тот, что стоял посередине. Пономарев понял: ловить ему здесь нечего. Лучше отдать, что требуют, чем стать калеккой. Он обреченно достал бумажник и, надеясь усюветить грабителей, попросил разрешения оставить себе хотя бы документы. Получив разрешение, Пономарев снял зам-шевый пиджак и с печальным вздохом отдал его тому, кто стоял посередине. Достав из кармана брюк едва начатую пачку «Мальборо», передал ее стоящему справа. Из другого кармана брюк достал зажигалку, инкрустированную красивым орнаментом, и протянул ее стоящему слева. Дрожащими руками Пономарев начал рас-стегивать часы, застежка которых никак не поддавалась. В это время тот, что стоял по-середине, нащупав в кармане отобранной у Пономарева куртки мобильный телефон, сразу подобрел и то ли добродушно, то ли с издевкой сказал: «Ладно, мужик, я вижу, ты парень башковитый. Часы можешь оставить себе, такая дешевка нам не нужна». «Дешевка, — сам от себя того не ожидая, сказал Пономарев. — Да это лучшая на сегодняшней день модель, ручная сборка, Швейцария». «Такой китайской Швей-царии у нас на блошином рынке за пятак дают большой пучок». Стоящие по бокам громилы заржали. «Оставь себе свое тикающее фуфло и дуй отсюда», — нагло заявил тот, что стоял посередине. «Фуфло!» — искренне возмүтившись, выкрикнул Пономарев, обиженный до глубины души. Кровь ударила ему в голову, и он что есть силы ткнул нахалу пальцами в глаза. Ногой он молниеносно нанес удар в пах стоящему

справа. А тот, что стоял слева, от неожиданности и испуга остолбенел, вытаращив на Пономарева удивленные глазища. Пономарев, не долго думая, воткнул в эти глазища пальцы левой руки. Яростно пиная ногами корчившегося от боли коротышку, Пономарев уже не в силах остановиться, избивая грабителей, приговаривал: «Я фуфла не ношу, это ручная сборка, Швейцария».

БЛИНЧИКИ

Предприимчивые люди построили кафе-стекляшку. Здание получилось прозрачное, как хрустальный дворец. Катерина была очень довольна, что ей предстоит работать в этом современном заведении. Ее уже обучают на курсах. Она будет прямо на глазах посетителей жарить блины. Перед Катей большая плита, никаких сковородок. Льем тесто на горячий железный круг, переворачиваем, в серединку кладем начинку, чего клиент пожелает. При помощи стальной лопатки складываем блин в конверт — готово. — Следующий!

Народ в новую кафешку повалил сразу. Огромное разнообразие блюд, но блинчики — самые дешевые из них. Возле Катюши всегда очередь, с раннего утра до позднего вечера. Катя работает как автомат, по сторонам смотреть некогда, на клиентов тоже. Блины требуют постоянного внимания. — Следующий! И так день за днем. Платят, как и обещали, хорошо, жаловаться грех, а вот с выходными — только один день в неделю. В этот единственный день Катя пытается выспаться. По ночам ей снится один и тот же кошмар. Она — заводная игрушка. Из спины у нее торчит огромный ключ. По утрам бригадир поворачивает его несколько раз до упора. Внутри у Кати

все трещит и напрягается. Двери кафе открываются, и голодная толпа летит прямо на нее. Катя — робот. — Следующий, следующий...

Выходной Катя проводит в постели. Глаза красные, ноги гудят, руки болят — хочется только лежать. Ни подружки, ни дискотек, ни мальчиков. В мыслях только блины. «Вам с чем — с медом, сметаной, вареньем? Следующий!» Катя возненавидела стеклянное кафе, плиту с двумя железными кругами, жидкое тесто, а особенно вид и запах жареных блинов.

Однажды, когда Катя, закончив смену, шла домой, к ней подошел молодой человек. Предложил познакомиться. «Спасибо, не надо», — даже не посмотрев на парня, ответила Катя. Спустя два дня парень опять преградил ей дорогу. «Ну, а проводить-то вас можно?» «Провожай, если охота», — равнодушно сказала Катя. Всю дорогу до Катиного дома парень не закрывал рот. Рассказывал про себя, о компьютерном клубе, куда он ходит. Теперь молодой человек каждый день провожал Катю домой, они даже целовались.

Блины Катя стала ненавидеть пуще прежнего. Теперь она ждала окончания смены, а время почему-то стало идти медленней. Плюс, когда она, стоя у плиты, вдруг начинала думать о парне, проклятые блины то подгорали, то она заправляла их не тем, чем заказывали. «Вот, блин, — ругалась Катя и вслух, и про себя. — Извините, а вам с чем? — Следующий».

Однажды молодой человек пригласил Катю к себе. «Посидим, поужинаем, а если захочешь, останешься. Ведь завтра у тебя выходной». Катя чуть поломалась и сказала — да. Дома у парня было тепло и уютно. Катя выпила вина, съела яблоко и после жарких объятий млела у парня на плече. Наконец-то Катя забыла о блинах, обрела покой и счастье. Парень ласкал Катин слух приятным разговором, может, даже признанием. «Аведь я тебя давно приметил, с первого дня, как открылась кафешка. И приходил туда только ради тебя, ну и блинов поесть. Я их очень люблю и могу съесть много. Сяду,

бывало, за столик напротив тебя и люблюсь, как ловко и быстро ты блинчики жарить. Красота, глаз не оторвешь. Вот, думаю, мне бы такую способную девушку. У меня к тебе просьба, пойдешь на кухню, там все есть: и мука, и молоко, и яйца, и плита у меня тоже электрическая. Пожарь, пожалуйста, блинчиков, уж очень я их люблю».

МИСТИК

После ночного дождя день выдался солнечный и светлый. Данила Данилович отложил в сторону свою настольную книгу — о сверхчеловеках и решил подышать свежим воздухом. Но, даже прогуливаясь по парку культуры и отдыха Данилу Даниловича не покидали мысли о тех, кто, благодаря медитации и дыхательным упражнениям, обретая седьмое тело, умеют видеть будущее на столетие вперед. О Гудини, умевшем дышать под водой как рыба. О болгарке Ванде, которая знала про всех все. О колдуне Лонго, который оживлял мертвецов. О гипнотизере Кашпировском, который оперирует больных на расстоянии. О Копперфилде, который умеет летать как муха. И, конечно, о Нострадамусе, который давным-давно предсказал все. Может быть, даже эту прогулку Данилы Даниловича по парку.

Жаль, очень жаль, что Данила Данилович не обладал даром предвидения. А то он обязательно избежал бы встречи с идущим ему навстречу, не очень почитаемым им соседом. И правда, о чем говорить с человеком, который не верил и в Бога, ни в черта, ни в Ноев ковчег, ни в умеющих ходить по воде. Ни в инопланетян, ни в чудовище, обитающее в озере Лох-Несс и даже в снежного человека.

ЖЕСТОКАЯ ИГРА

Пятидесятилетний Фролов в очередной раз поссорился со своей семидесятипятилетней мамой. На этот раз причина для ссоры была серьезной.

Намедни Фролов попросил маму вдеть ему резинку в трусы. А в результате воз и поныне там — оказалось, что трусы как лежали без резинки, так и лежат. Фролов высказал маме свое недовольство, что переросло в скандал. Наговорив друг другу гадостей, ни к трусам, ни к резинке отношения не имеющим, сын и мать разошлись по своим комнатам. Возбужденный скандалом Фролов сосал таблетку валидола и вспоминал бесконечную череду обид из прошлого. Не в первый раз Фролов приходил к выводу, что мать испортила ему жизнь. Заранее убедившись, что его мучительницы там нет, Фролов прошел на кухню. Не притронувшись к кастрюльке с рисовой молочной кашей, при-готовленной специально для него, он попил чаю с хлебом и пошел спать. Проворочавшись от разных мыслей всю ночь, Фролов принял решение — с некоторых пор, матери у него больше нет.

Утром, встретившись на кухне, мать с сыном холодно поздоровались. «Ты чего вчера кашу не стал есть?» — спросила старушка. «Спасибо вам, Вера Ефимовна, за заботу, но мне и хлеба вполне хватило». — «Ну, а чего хочешь на обед?» «Не волнуйтесь, Вера Ефимовна, ничего не надо, обойдусь как-нибудь», — в голосе Фролова явно прослеживалось язвительное ехидство. «Так ты что, теперь со мной на Вы и по отчеству?» — удивилась маман. «Да, Вера Ефимовна, теперь мы просто соседи по квартире».

Так в семье Фроловых началась коммунальная жизнь. Сын теперь то питался в столовке, то пере-бивался бутербродами с чаем. Мать почти все время проводила у себя в комнате, уткнувшись в телевизор. Она перестала

просить сына, чтобы он купил то, что надо, а также перестала стирать и готовить. Старушка звонила своей подруге, чтобы та приносила ей все необходимое.

Жизнь в квартире замерла, стала скучной, мрачной. В ванной — нестиранное белье, кругом пыль, полы немыты. Фролов похудел и осунулся. Однажды утром, выйдя из своей комнаты, он застал свою маму возле пустого холодильника, принимающую сердечные капли. «Мама, — сказал он, — хватит тебе дурака валять, а то придумала какую-то дурацкую игру в чужих людей. Посмотри на себя, исхудала вся. Хватит уже дурака валять. Сделай мне, пожалуйста, каши рисовой, молочной и составь список, что надо купить. Да, чуть не забыл, и трусов чистых у меня уже не осталось».

СЛОВА И МЫСЛИ

Они сидели молча и смотрели на лунную дорожку. Каждый думал о своем. Он размышлял: «Какая она все-таки примитивная. Хотя, впрочем, откуда дровишкам взяться. Образование — так себе, происхождение тем более. Глупа, упряма, эгоистична, склонна к истерикам. Ни культуры, ни знаний, ни эрудиции. Да и во внешности, и в сексе изъянов хоть отбавляй.

Не отрывая глаз от серебристой глади воды, она думала о нем: «Какой же он все-таки козел. Если б не я, всю жизнь проходил бы в вонючих носках, грязных трусах и несвежей рубашке. А заносчивый какой — ну просто пуп земли, само-мнение на грани помешательства. А на самом деле так себе по всем параметрам. Зарабатывает мало, скуп, грубый. В постели — были у меня мужики и получше, да и писун мог быть чуть побольше — одним словом, посредственность во всем, а самомнения хоть отбавляй».

Он полез в карман брюк за сигаретами и задел ее локтем. Она остановила его движением руки: «Обними меня, что-то я стала замерзать». — «Что же ты раньше не сказала, — отозвался он. — Я бы на тебя пиджачок накинул. Ведь ты же знаешь, мне для тебя ничего не жалко». Обняв ее за плечи, он продолжил: «Ведь ты у меня — самая умная, самая красивая, и вообще — самая-самая». Согреваясь от объятий, она стала гладить его по руке: «Нет, нет, это ты у меня — самый умный и красивый, самый добрый, сексуальный, отзывчивый, благородный и еще много, много, много всего».

ДОБЕРМАН БЕЗ РОДОСЛОВНОЙ

Семья Курносовых небольшая — жена да муж. Однажды, делая закупки на овощном рынке, супруги, среди гор картофеля и капусты, увидели в корзине из-под салата крошечного щеночка. Малыш лежал, положив голову на передние лапки и дремал, не обращая внимания на окружающую его суету. Супруги Курносовы склонились над корзиной и на некоторое время забыли, зачем пришли, долго умиляясь щеночку.

Это заметила дородная женщина, видимо, хозяйка содержимого корзины. Подойдя к очарованным супругам, она спросила: «Что, нравится? Так покупайте, дешево отдам. Он только один из помета и выжил, остальные родились мертвыми. Конечно, никаких бумаг, родословной и прочее у меня на него нет, и прививок никаких ему не делали. Но за то дешево — десять долларов, и он ваш». Попроси женщина namного больше, Курно-совы бы заплатили, не торгуясь, потому что супруги, оба сразу, сердцем приросли к вялому, лежащему на дне корзины комочку.

Получив десять баксов, дородная женщина не

скрывала своего удовлетворения проведенной сделкой, про себя полагая, что успела продать не жильца, а потенциальную дохлятину.

Осчастливленные супруги Курносовы направили свой автомобиль не домой, а прямехонько в ветлечебницу. Находясь у новой мамы за пазухой, щенок не издал ни звука, по-прежнему отка-зываясь и от докторской колбаски и от молока. В лечебнице с ним долго возились, сделали уколы, взяли анализы, прописали кучу лекарств и вита-мины. «Ничего гарантировать не могу, — сказал прослезившейся Курносовой ветеринар. — У малыша врожденная патология, и он очень слаб. Но будем надеяться на лучшее. Если что — звоните мне прямо домой, не стесняйтесь», — сказал доктор, приняв от Курносова стодолларовую купюру.

Этой ночью и двумя последующими супруги Курносовы почти не спали. Вставая по очереди, они склонялись над беспомощно распластавшимся щенком и, поглаживая его одним пальцем, говорили разные ласковые слова.

Шли дни, недели, месяцы, щеночек понемногу окреп, но рос очень медленно. Жизнь в семье Курносовых изменилась в лучшую сторону. Супруга теперь, как в дни медового месяца, тянуло домой, а располневшая хозяйка чаще стала выходить из дома, чтобы погулять с новым членом семьи. Все разговоры в доме были только о нем: чем кормить, сколько выгуливать, когда купать и прочее, и так далее. У Курносовых иногда бывали гости — многие смотрели то на супругов, то на собаку, не скрывая сочувствия, деликатно высказывали мысль о том, что очень опасно покупать животных неизвестно где, неизвестно у кого, да еще и за бросовую цену. Зато пес со всеми гостями был одинаково ласков и ненавязчив — в результате все уходило полностью и целиком очарованные собакой.

Доберман прожил в счастье в осчастливленной семье Курносовых восемь лет, принося своим присутствием только радость. Ни разу никого не укусил, не облаял, ничего не испортил из вещей, не расцарапал и не погрыз ни одного из предметов в доме, ни разу не нагадил в неположенном месте. Был тих, ласков, спокоен и нежен. Ангел, а не собака!

На восьмом году жизни домашний доктор, тот самый ветеринар, сделал доберману сложную операцию на сердце, но, увы, чуда не случилось — пес умер. Курносовы были безутешны, но жить надо, и супруги решили приобрести точно такого же песика, с той лишь разницей, что по настоянию доктора и по совету друзей и знакомых собачку было решено покупать в питомнике, где специалисты тщательно прослеживают родословную каждой особи.

Приехавших в Загорск, где находится один из лучших собачьих питомников, супругов Курно-совых уже ждали. Их долго водили по питомнику, больше напоминающему пятизвездочный отель. Рассказывали о достоинствах обитателей вольеров. Показывали фотографии, на которых изображены увешанные медалями родоначальники многих собачьих династий. И, наконец, рассказав о достоинствах дедушек, бабушек, папы и мамы, к супругам на шелковой красной подушке принесли щенка добермана, с виду очень похожего на усопшего любимца, с той лишь разницей, что этот малыш был очень активным. Вцепившись еще не окрепшей челюстью в край шелковой подушки, он пытался ее разорвать, мотая головой из стороны в сторону.

«Мы гарантируем вам хорошую, с прекрасной родословной, здоровую, породистую собаку. По-этому и цены у нас, сами понимаете». Заплатив тысячу евро, Курносовы поехали домой.

Уже в машине щенок описал шубу новой ма-мочке. Разорвал розовую подушку (подарок от фирмы), разбросав по салону вату. В подъезде звонко облаял вахтершу и всего за месяц превратил ухоженную квартиру в разоренное жилище. Погрыз обувь, исцарапал всю мебель, бесконечно писал на дорогие ковры. Рос щенок как Илья Муромец в сказке — не по дням, а по часам, со временем превратившись в крупного, рослого, длинноногого, размером почти с жеребенка, добермана. Хозяин после работы домой возвращаться не спешил, поскольку, как только открывал входную дверь, доберман с разбегу наскакивал на него, валил с ног и лизал лицо хозяина, не спрашивая, хочет то этого или нет. Хозяйка дома поправилась пуще прежнего, поскольку на прогулку добермана выводил молодой человек, специально для этого нанятый, предварительно надев на собаку намордник и специальный ошейник с железными шипами — пес мог покусать и облаять кого угодно. Хозяйка справиться с ним уже не могла, к тому же во время прогулки доберман перепачкал все ее вещи, имея привычку, стоя на задних лапах, передние положить на плечи хозяйки. Гости к Курносовым ходить перестали и не без основания, боясь быть укушенными обладателем безукоризненной ро-дословной.

Курносовы, хоть и привязались к новой собаке, но жили воспоминаниями о предыдущем, тщедушном, вислоухом, без самой захудалой родословной, любимце. И приговаривали: «Ангел был, а не собака!»

ШАПКА-НЕВИДИМКА

Катя — студентка, учится в институте культуры. Катя — красавица и комсомольский активист. Ухажеров у Кати

много — люди разные. Есть среди них и пенсионеры, и пионеры. Но провожать себя до дома, точнее, до подъезда, Катя разрешает, как правило, солидным мужчинам и только в холодное время года, когда на улице тьма непроглядная.

На крыльце, возле подъезда, в качестве подарка, провожающий всегда получает от Кати разрешение на страстный поцелуй в губы.

Сегодня Катю попросился проводить домой гражданин Михалев — зам. директора большого универмага. Стоя на крыльце перед входной дверью в подъезд, где Катя проживает, комсомолка-красавица крепко взяла провожающего за каракулевый воротничок пальто и, глядя ему в глаза, сказала: «Спасибо вам за прекрасный вечер, Петр Петрович. Даже и не знаю, как и чем вас отблагодарить. Впрочем, если хотите, поцелуйте меня в губы». Кто ж откажется? И Петр Петрович присосался к Кате как пиявка — не оторвешь. Засунул свой язык ей в рот, дышит как загнанный конь, сердце забилось чаще, под кальсонами случилась испарина. Руки Петра Петровича машинально пытаются расстегнуть на Кате пальто. И Катя туда же: обхватила шею Петра Петровича мертвой хваткой и постанывает от удовольствия. Дорогущая норковая шапка Петра Петровича от Катиных объятий падает с его головы и катится в темноту. Петр Петрович не обращает внимания на такой пустяк. Затяжной поцелуй закончен. «Ну все, хватит, я больше не хочу», — Катя решительно вырывается из мужских объятий. Катя поправляет пальто: «Наденьте шапку, простудитесь. — Одной рукой Катя уже держится за ручку двери. — Ну, я пошла». Петр Петрович озирается вокруг: «Ну и темень здесь у вас, — шапки нигде не видно. Наверное, скатилась с высокого крыльца и лежит где-нибудь рядом», — думает он. «Ну, я пошла, а то дома будут ругаться». «Спокойной ночи», — говорит Петр Петрович, хочет сказать еще что-то, но Кати

уже нет.

Р. С. Сегодня, как и несколько предыдущих дней, Катя возвращается домой одна. Взойдя на крыльцо, она громко спросила: «Володя, ты здесь?» — «Здесь я, здесь», — из-под крыльца вылез мальчишка лет тринадцати — Катин сосед. Он стряхнул с куртки грязь. «Ну что же ты, Катька, женихов не приводишь? Или тебе деньги уже не нужны?» «Мне деньги нужны. Только вот прово-жать меня в последнее время лезут одни студенты в вязаных шапочках. Я что, виновата, если в последние дни нет ни одного ухажера в дорогой шапке?»

ЭКСТАЗИ

Быть лейтенантом милиции молодой симпатичной девушке, ох, как нелегко и непросто. Тем более, когда служить выпало в опергруппе. Час-тые, чуть ли не ежедневные задержания, обыски, слежка, допросы, изъятие вещественных доказательств, погони, засады и бессонные ночи. Ни на личную жизнь, ни на развлечения времени нет, а девушке уже двадцать пять, и она не замужем. Конечно, выходные и краткосрочные отпуска бывают, но все свободное время уходит на поддержание хозяйства. Молодая лейтенант по имени Татьяна живет за городом, в деревянном доме с огородом и прочим подсобным хозяйством. Танина мама тоже работает сутками, хоть и не так напряженно, но все равно — ни сил, ни времени на ведение хозяйства не хватает. Поэтому выбранная дочерью беспокойная профессия опера Танину маму не устраивает, и она все время пилит дочь, что та от недостатка времени совсем перестала заниматься хозяйством. Из-за этого пришлось продать корову, а после и другую крупную живность — остались куры да кролики. Но главное для мамы — огород, он кормит

и снабжает витаминами. Однако его надо вскапывать, пропалывать, поливать, выдергивать сорняки. Ну, и конечно высаживать то картофель, то зелень, то редиску, то клубнику, да и много еще чего.

Татьяне маму очень жалко и очень перед ней стыдно, но она так устает и не высыпается, что ей просто не до чего. Даже на дискотеку с подругой сходить некогда, хотя очень хочется.

Кстати о дискотеке: как-то опера из ее группы вели одного наркодилера, который из Польши привозил таблетки экстази и распространял их на самых популярных дискотеках. Татьяна участвовала в его задержании и изъятии у него и его подельников «таблеток для танцев». Татьяне объяснили, если принять такую таблетку, будешь, не уставая, веселиться и танцевать до утра. Татьяна из любопытства одну таблетку оставила себе. Мало ли, может и у нее все-таки найдется время посетить новомодную дискотеку и оторваться по полной программе.

И вот такой день, кажется, настал. Татьяне дали два отгула, которые пришлись на день рождения ее лучшей подруги по институту. Девушки созвонились и договорились провести вместе вечер и ночь на самой лучшей дискотеке города.

В это утро Танина мама, уходя на дежурство, опять ворчала: «Огород не прополот, грядки заросли, кроличьи клетки грязные, крыжовник не собран, варенье не сварено», — и так далее, и тому подобное. Татьяна, не желая ссориться с мамой, молчала, боясь даже заикнуться про дискотеку. Дождавшись, когда мама уйдет, Татьяна разложила на кровати весь свой гардероб. Достала всю имеющуюся косметику и стала готовиться к

вечеру. Нагрела воды — вымыла голову, накрутилась на бигуди. Покрыла лаком ногти, побрила ноги, тушью удлинила ресницы, подвела глаза, использовала крем, карандаш, пудру, румяна, блески, самую яркую губную помаду и стала примерять наряды. Собравшись, нафуфыренная Татьяна стояла перед зеркалом трюмо и любовалась собой — на дискотеке все ахнут. Облегающее платье на ляпочках с голой спиной, черные чулки, туфли на высоком каблуке, цепочки, браслеты, осталось только надушиться. Ковыряясь в сумочке, она вдруг наткнулась на припрятанную для такого случая таблетку. Подойдя к чайнику, Татьяна положила таблетку в рот и запила водой прямо из носика.

До отхода последней электрички время еще есть. Надо хотя бы в комнате прибраться, а то мама за такой кавардак со свету сживет. Татьяна стала собирать разбросанные вещи, решила даже подмести. После, увидев гору грязной посуды, принялась ее мыть. Увлечшись уборкой, ей вдруг нестерпимо захотелось протереть пыль, помыть полы, и вообще привести дом в порядок.

Потеряв счет времени, Татьяна с огромным подъемом и удовольствием, не снимая с себя свое лучшее платье, принялась за генеральную уборку. Когда дом изнутри уже блестел, Татьяна вышла во двор, забыв снять туфли на высоком каблуке. Легко подхватив одной рукой лопату, другой тяпку, Татьяна начала то перекапывать картофельное поле, то окучивать грядки. При свете луны, закончив работу на огороде, ярко накрашенная красавица начала ведрами таскать воду из колодца, пока до краев не наполнила резервную бочку. Но и этого ей показалось мало, и она принялась рубить дрова, делая запасы на

зиму. Покончив с дровами, девушка решила покрасить забор и калитку, не забыв про курятник и кроличьи клетки. Рассвет Татьяна встретила за стиркой белья.

Утром, вернувшись с дежурства, удивленная мама смотрела на преобразившийся дом: сверкающие вымытые окна, выкрашенный забор, вскопанный огород, сложенные друг на друга вязанки дров и вычищенные кроличьи клетки. Во дворе на длинных веревках сушилось выстиранное белье.

«Какая же у меня замечательная дочь, — подумала мама. — А я, дура старая, совсем запилила ребенка, девочке даже на дискотеку сходить некогда».

ДЕМБЕЛЯ

Сержант Прокопенко строг, но справедлив. Отвечая за склад с провиантом, он доверял его охрану только солдатикам, которые еще и года не прослужили. Все старослужащие в его глазах, все, как один: воры, пройдохи и хитрецы. А потому доверять им охрану продуктов никак нельзя. То ухитряются подобрать ключи к амбару с продуктами, то выкопают подкоп, то заменят мешок с продуктами (с сахаром или крупой) мешком с песочком из реки. Да и много других у старослужащих хитростей есть. На посту то спят, то водку пьют, играют в карты, а то и просто в самоволку уйти могут. Поэтому охранять прод-склад Прокопенко доверял только недавно призванным салагам. Но деды, так в армии называют тех, кому до дембеля всего-ничего, опять придумали, как до складских припасов добраться.

Темным вечером, когда на дворе свирепствовал трескучий мороз, Прокопенко, сидя у себя в жарко натопленной каптерке, пил чай с баранками. Дверь со скрипом отворилась, в облаке пара в каптерку вошел весь

покрытый инеем, скрюченный от мороза солдат. Это был недавно призванный узбек, который должен был стоять у дверей продсклада. Из носа узбека, из обеих ноздрей, торчало по сосульке. «Не могу я больше на ветру стоять — умру, начальник, — с сильным акцентом, стуча зубами, сказал солдат. — И нос, и щеки отморозил уже. Разрешите погреться, а то помирать буду». При этих словах обе сосульки, подтаяв, выпали из носа узбека. Сержанту жуть как жалко стало солдатика — ведь они у себя в Ташкенте и снега-то в глаза не видели. «Ну ладно, заходи, обогрейся. Сейчас чаем тебя напою». Целых полчаса добро-сердечный Прокопенко отпаивал горячим чаем заочневшего узбека.

Этого времени старослужащим хватило, чтобы отмычкой открыть замок и поживиться на складе разным провиантом, зная, что на этот раз Прокопенко шума поднимать не будет — сам виноват. Где это видано, да и по уставу не положено, чтобы с часовым, который на посту стоять должен, чай в каптерке распивать.

ПРОКЛЯТЬЕ ДЕДА

АННУШКА

Вид из окна комнаты Аннушки унылый: мокрые крыши, серые тона — с утра идет дождь. Семейство состоит из двух женщин и двух мужчин — все дома. Мать, которая не любит отца и отказывает ему в близости. Отец, который любит рыбалку и ворчит по любому поводу. Старший брат, который любит только себя и деньги. И страдающая от эгоизма близких и своего собственного — Аннушка.

Аннушка жила в предчувствии, что семью и каждого из ее членов в будущем не ждало ничего хорошего. Бесконечные болезни матери, нарас-

тающая раздражительность отца, прогрессирующая отчужденность брата — все это рано или поздно должно было вылиться во что-то очень плохое. Плюс скучная, бесперспективная, отнимающая практически все время работа радости в жизни не прибавляла. Тяжелое, давящее одиночество в окружении родных и близких, казалось, не окончится никогда.

Аннушка помнит день, когда она сделала неприятное для себя открытие. В сравнении с другими девочками, ее ровесницами, у нее совсем нет груди. Случилось это в школе, когда мальчишка, который ей нравился, обозвал ее «плоско-донкой». Она заплакала и спряталась в туалете. Умывшись, Аннушка посмотрела на себя в зеркало. И правда: худая, высокая, с плоской грудью, с вытянутым лицом и длинным носом. Почему же раньше она этого не замечала? Теперь понятно, почему красивые мальчики даже не смотрят в ее сторону. С этого дня Аннушка замкнулась в себе и практически перестала смотреться в зеркало, потеряв надежду стать счастливой.

Теперь она поняла и поверила в то, что говорила мама про бабушку Варвару, и о проклятье, которое послал на их семью покойный дед. Этой семейной истории Аннушка никогда раньше не придавала значения. И только теперь, в свои пятнадцать лет, она в подробностях вспомнила и осмыслила мамин рассказ. Теперь ей стали понятны ее беспокойство и переживания. Аннушке вдруг стало ясно — проклятье деда не обошло никого и до сих пор действует на всех членов ее семьи.

Эта история произошла давно, в глухих местах, откуда родом были ее дед и бабушка. Аннушки еще не было на свете. Дед был потомственный знахарь, поговаривали, что при помощи заговоров он мог влиять на судьбу и здоровье всего живого.

КОЛДУН

Мужчина, чей возраст было трудно определить из-за густой лохматой бороды, ходил по избе, увешанной разными травами, мешочками, в которых хранились только ему известные сна-добья, и приговаривал: «Ну, это мы еще поглядим, любезная Варвара!»

Степан Хабулов, недавно схоронив отца, передавшего ему тайну целебных и ядовитых трав, решил жениться на девушке из зажиточной семьи, но получил отказ. Смешав клевер, сено с какими-то травами, Хабулов смахнул все это в мешок и, взяв в руки отцовский посох, направился в сторону пастбища.

Спустя два дня к избе Хабулова подъехала повозка, за кучера был отец Варвары. «Милости просим, — встретил его на крыльце облаченный в красную шелковую рубаху Хабулов. — А я вас ждал. Знал, что вы сегодня меня навестите». Отец Варвары мог воочию убедиться, что Хабулов не врет. Обычно свободно бегающие волкодавы были привязаны, а в пропахшей травами избе был накрыт стол на двоих. Войдя в избу, отец Варвары машинально хотел перекреститься, но вместо иконы в углу висели олени рога. «Садитесь, Петр Елизарович, откушайте, чего природа нам дала, — пригласил гостя за стол Хабулов. — Выпейте настоечки благотворной». «Я к тебе по делу, Степан», — севший за стол отец Варвары с подозрением покосился на угощение. Посреди стола стояло большое блюдо с лежащим на нем целиком запеченным зайцем и множество незнакомых Петру Елизаровичу закусок. Особое отвращение вызывали обжаренные на свином сале ящерицы и засоленные лягушачьи лапки. «Выпейте настоечки, Петр Елизарович, почувствуете себя моложе на десять лет, а жена ваша наутро вам спасибо скажет», — Хабулов налил из графина, в котором плавала заспиртованная гадюка, в стопку, стоящую напротив Петра Елизаровича, какую-то ядовитого цвета жидкость.

«Нет, нет», — отмахнулся напуганный Петр Елизарович и, неожиданно перейдя на вы, добавил: «Я к вам по делу — скотина у нас неожиданно заболела, коровки перестали доиться». «Да, Петр Ели-зарович, понимаю, дело это серьезное, — медленно и невозмутимо ответил Хабулов. — Коровы ваши погибнуть могут, а то, смотришь, и на лошадей, и на свиней болезнь перекинется — так и разориться можно. Да и человек от хворей разных гарантий никаких не имеет». Хабулов взял рюмку, которая нетронутой стояла напротив Петра Елизаровича, выпил ее до дна и, выловив из миски лягушачью лапку, отправил ее в рот. На крепкого, властного Петра Елизаровича вдруг навалился какой-то животный страх. Покрывшись испариной, он весь съежился и не своим голосом сказал: «Вы давеча за Варварой изволили свататься. Так вот, мы с женой посоветовались и решили — присылайте сватов». «А зачем нам сваты? — жестким голосом ответил Хабулов. — Вечером вместе с приданным сам привезешь ее ко мне». И уже другим, более мягким тоном добавил: «Вот вам, Петр Елизарович, мешочек с порошочком целебным, посыпьте им хлебушек и с собственных рук заболевшим коровкам скормите. Думаю, что теперь они молока будут давать еще больше, чем раньше».

АННУШКА

Принять приговор судьбы, обреченно мириться с безнадежностью, быть несчастной Аннушка больше не хотела. Она решила бороться, чтобы изменить саму себя, а вместе с этим изменить свою жизнь. Подробно составив план действий, Аннушка вознамерилась совершить маленькую личную революцию. Первое — на сто восемьдесят градусов поменять философию жизни. Бороться со стереотипами, и никаких подружек. Изменить свою внешность, походку и гардероб. Тянуться к тем, кто умнее, образованнее, богаче и находится на

более высокой ступеньке общества. Читать только то, что может принести пользу, например, Кар-неги. Телепередачи смотреть выборочно, отдавая предпочтение научно-познавательным програм-мам, чтобы хотя бы поверхностно разбираться в науке, искусстве, религии и политике. Посещать выставки, организованный зал, бассейн, шейпинг. И ни-каких комплексов.

Через три месяца Аннушка осуществила часть задуманного, а через два года и все остальное. После успешного окончания школы она выбрала вуз в большом городе. Уехала с твердым наме-рением в родительский дом больше не возвра-щаться, приезжать только в гости и только на белом коне.

КОЛДУН

Так Варвара стала женой нелюбимого ею Степана Хабулова. Мужа она боялась, его вида, голоса и самого его присутствия. Особенно было страшно, когда он, приходя с болота, приносил с собой змей, пиявок, жаб и, рассадив их в стек-лянные емкости, выставлял на подоконник. Поэтому, если смотреть из комнаты на окно, то на фоне голубого неба можно было видеть мно-жество шевелящихся тварей и гадов.

Скоро Варвара забеременела, в срок родила девочку, чем Хабулов был очень недоволен — он мечтал передать свои секреты именно сыну. Разродившись девочкой, Варвара после никак не могла забеременеть, чем приводела Хабулова в ярость. Наевшись мухоморов, напившись каких-то настоек, муж, как шаман, впал в транс, сопровождаемый галлюцинациями. В такие вечера Варвара, забрав ребенка из люльки, либо пря-талась на сеновале, либо, оседлав кобылу, уезжа-ла с дочкой к родителям, за что была не раз бита мужем. В родном доме Варвара плакала и просила родичей не отдавать ее и дочурку Хабулову. Но отец и мать только разводили

руками: «Терпеть надо», — говорил отец. «Бог терпел и нам велел», — вторила ему мать. По их глазам было видно, как сильно они боятся Варвариного мужа. Единственный, кто Хабулова совсем не боялся, так это младший Варварин брат. За последний год он заметно подрос и окреп — жених, да и только. И когда Хабулов в очередной раз приехал забирать Варвару, брат за нее вступился, за что получил от Хабулова увесистый удар кулаком в лицо. Обидевшись, сбитый с ног юноша вскочил на ноги, схватил оглоблю и ударил ею Хабулова по хребту. Хабулов дико заорал, да так громко, что его слышали на другом конце деревни. Сбежался народ. Хабулов катался по земле и слал страшные проклятия на весь Варварин род. Брат Варвары, испугавшись содеянного, бежал, не разбирая дороги, на болото, надеясь спрятаться и отси-деться.

От удара по спине оглоблей у Хабулова, види-мо, повредился позвоночник — на ноги он встать не смог. Его попытались занести в дом, но он категорически отказался. «Проклинаю ваш дом и вас всех до седьмого колена», — были его послед-ние слова, обращенные к семье Варвары. Мужики погрузили его на телегу и свезли домой, в избу, стоящую на отшибе, на границе леса и непро-ходимого болота.

АННУШКА

Теперь похорошевшая, уверенная в себе Аннушка сама выбирала себе мальчиков и мужчин. Секс стал для нее как занятие спортом. Когда-то стремление стать красивой и быть востребованной было пределом ее мечтаний. Но, добившись цели, она сердцем чувствовала, что не стала счастливой. Красота и независимость сослужили ей плохую службу — мужчинам она стала нужна только в качестве забавы, впрочем, как и они ей. В итоге она одна и нет на свете человека, который

искренне любил бы ее.

К двадцати пяти Аннушка уже по-другому смотрела на свое будущее. Ей хотелось влюбиться, хотелось замуж, хотелось ребенка, хотелось семью и обыкновенного женского счастья. Поиски любви и мужа закончились для Аннушки двумя неудачными браками. Первым законным мужем Аннушки стал красавец-футболист — с ним она прожила недолго. Вторым был пятидесятилетний ректор университета, где Аннушка училась — с ним она прожила и того меньше. Ни в первом, ни во втором случае ни семьи, ни ребенка, ни женского счастья не получилось. После окончания университета Аннушка подала на развод и вернулась к родителям — на белом коне не получилось. В результате она приехала с тем же, с чем уезжала — с несбыточной мечтой о личном счастье.

КОЛДУН

Оставив дочурку родителям, Варвара на следующий день, ранним утром, сама приехала в избу к Хабулову. Выполнив все обязанности по хозяйству, прибрал за больным и накормив его, к вечеру на кобыле Варвара вернулась домой — в течение всего дня муж не произнес ни единого слова.

Сбежавший на болота брат Варвары домой не вернулся, ни вечером, ни на следующий день. Искали его всей деревней, но молодца и след простыл. Всем стало ясно, парня засосало трясиной — проклятия Хабулова начали действовать. Между тем, Варвара приезжала к нему каждый день и даже стала оставаться на ночь, поскольку здоровье Хабулова становилось все хуже. Неподвижность, которая сковала ноги Хабулова, поднималась все выше. Теперь он с трудом шевелил только левой рукой, к тому же начал слепнуть и плохо слышать. Однажды ночью Хабулов громко застонал. Варвара с лампой в руках подошла к нему, осветив лицо мужа. Полу-слепые глаза Хабулова горели, в них

отражался свет лампы. «Проклинаю!» — прохрипел Хабулов, скрюченные пальцы его левой руки потянулись к Варваре, тело его вытянулось и застыло. Боясь оставаться наедине с покойником, Варвара, дрожа от страха, попыталась оседлать кобылу. Но кобыла как взбесилась, она громко ржала, безумно вращала глазами, вставала на дыбы. Покормив кобылу с руки и погладив, Варвара, ласково разговаривая с ней, все-таки оседлала ее. Тело кобылы покрылось испариной и мелко дрожало.

Проезжая мимо болота, Варвара слышала множество странных звуков, видела в глубине болота сотни мерцающих точек. В какой-то момент ей почудилось, будто бы ее звал, прося о помощи, сгинувший брат. «Сюда, сюда», — зазывал он с болота.

Семья Варвары заплатила кладбищенскому сторожу, и тот схоронил колдуна за оградой кладбища. На похороны Степана Хабулова никто не пришел.

Ровно через год после этих трагических событий в тех краях случилась небывалая засуха, неурожай и, в результате, массовый падеж скота. Однажды ночью дом Варвариных родителей запылал с трех сторон. Кто-то говорил, что это поджог — месть односельчан за неурожайный год. Но большинство были уверены — это проклятье колдуна.

АННУШКА

Вид из окна комнаты Аннушки унылый, мокрые крыши, серые тона — с утра идет дождь.

Мать скандалит с отцом, скандал переходит в драку. Аннушка уже не хочет вмешиваться, как делала это раньше. Она запирается у себя в комнате, надевает наушники и до боли в ушах включает громкость. Поздно вечером с работы придет брат, обеспокоит всех, гремя на кухне кастрюлями. И выскажет первому, кто попадется

ему на глаза, свое неудовольствие. Что жрать опять в доме нечего, а то, что есть, невозможно жрать. После чего откроет свою комнату, ключи от которой есть только у него, и уляжется спать, чтобы с утра опять уйти на целый день.

Аннушка, спасаясь от домашней склоки, не снимая наушников, рассматривает небольшой альбом с черно-белыми семейными фотокарточками. Вот молодая красивая бабушка с Аннушкиной мамой на руках. Вот фотокарточка мамы, она в форме школы-интерната. На голове у нее берет со значком «Трудовые резервы». В интернате мама познакомилась с папой — вот они уже вместе у заводской проходной. А вот они уже втроем — мама, папа и ее старший брат. Следующей была фотография Аннушки. Она идет в первый класс. Белый фартучек, белый воротничок на коричневой форме. Чулочки, сандалии, в одной руке портфель, в другой букетик ромашек. Волосики расчесаны на пробор, по бокам две косички, с белыми бантами на каждой. Шейка тоненькая, ножки тоненькие, один чулочек чуть сполз, глаза испуганные. Несмотря на папин и мамин наказ, улыбнуться она так и не смогла.

Не сумела Аннушка улыбнуться и сейчас, рассматривая себя первоклашкой. Даже сквозь музыку в наушниках она слышала звон бьющейся посуды — это мама и папа выясняют отношения. Похоже, что проклятие действует и поныне.

КОЛДУН

Отца Варвары, спасавшего от огня добро, придавило горячей балкой, и он задохнулся в дыму. Мать от пережитого тронулась умом, и ее свезли в город, в лечебницу. Варвара с дочкой на руках тоже подалась в город, к тетке по матери. Родственники приняли Варвару и дитя с большой опаской и неохотой. Они были уже

наслышаны о проклятье колдуна и тех страшных событиях, которые за этим последовали.

Скоро Варвара поняла, что у тетки ей не жить, и вынуждена была снимать угол у чужих людей. Работала прачкой, уборщицей, прислугой и, в конце концов, стала гулящей. От плохой жизни заболела чахоткой и к тридцати годам умерла, оставив дочь сиротой. Тетка отказалась принять девочку в семью и определила ее в школу-интернат.

Однако от проклятья тетку это не спасло. Однажды у какого-то мужика она купила грибы, не отварив, пожарила на сковородке и подала на стол. Четверо из членов семьи, включая саму тетку, отравились насмерть.

АННУШКА

Прошло время, у Аннушкиной мамы обнаружилось онкологическое заболевание. Ее положили на операцию, но было уже поздно. Отец начал выпивать, перестал следить за собой и ворчал уже на Аннушку. После смерти матери брат совсем перестал давать деньги на продукты. Поставил у себя в комнате холодильник. Приходя вечером, ни с кем не разговаривая, с пакетом в руках проходил к себе в комнату.

Предприятие, на котором Аннушка работала, обанкротилось, и его закрыли, людей уволили, выплатив пособие за три месяца.

Денег в семье стало не хватать. Отец напивался все чаще, пропивая пенсию, стал приворовывать — тащить из дома. Однажды, когда ни брата, ни Аннушки не было дома, отец, сломав замок в комнату сына, после долгих поисков нашел и украл деньги, которыми брат дорожил как скупой рыцарь, после чего отец исчез. Обнаружив пропажу и впад в буйство, брат с пеной у рта кричал, что

убьет отца при встрече.

Тело отца нашли в воде. Официальная версия — в нетрезвом виде утонул на рыбалке. О неофициальной Аннушка боялась даже подумать. На брата надели смирительную рубашку и увезли в психиатрическую лечебницу. Так Аннушка осталась в квартире одна.

Может, это злая ирония судьбы, а может, не было счастья, да несчастье помогло — но последние дни Аннушка счастлива, как никогда. Она по-настоящему влюблена и, кажется, тоже любима. Случилось наконец-то то, о чем она мечтала все годы. Он — взрослый, умный, опытный и надежный. Аннушка испытывает трепет, когда он обнимает ее за хрупкие плечи. Он ласков и обходителен. Ему для нее ничего не жалко, он щедр и дарит ей подарки.

Они вместе уже третий месяц — это как солнце вышло из облаков, озарив все светом и согревающим теплом. Аннушка летает от счастья.

Он приехал недавно откуда-то с севера. Он говорит, что хороший программист, живет у друга, о своем прошлом ни говорить, ни вспоминать не хочет. Учит Аннушку тому же. «В прошлом нас уже нет, — говорит он, — будем жить будущим. Кстати, о будущем, мне предлагают хорошую работу за рубежом. Условие одно — я должен быть женат. Пойдешь за меня?» — он обнял Аннушку за плечи, она затрепетала в его объятиях: «Конечно, да!» Он все хотел и умел делать быстро, они расписались, Аннушка прописала его в большую пустующую квартиру — он подарил ей кольцо с бриллиантом. «Жаль будет оставлять такие хоромы, когда уедем. Если квартиру

продать, то можно получить немалые деньги. Потом добавить и купить домик на берегу океана, где-нибудь на Майами-Бич. Может, так и сделаем, дорогая?» — «А как же брат, он ведь тоже здесь прописан?» «Поручи это мне, брата тво-его мы не обидим, мы купим для него однокомнатную квартиру и будем помогать ему деньгами». «Хорошо, милый, делай, как находишь нужным, я полностью тебе доверяю», — Аннушка крепко прижалась к любимому человеку.

У третьего Аннушкиного мужа удивительный дар — договариваться с людьми и решать любые бытовые проблемы. Он быстро оформил все бумаги на приватизированную квартиру. Заручился всеми справками, выписками и прочее. Нашел и показал Аннушке однокомнатную квартиру для брата, которую собирался купить. И так же быстро нашел покупателей на большую Аннушкину квартиру, где она, кроме последних дней, никогда не была счастлива. Сделка состоялась, все бумаги подпи-саны, деньги получены. Новые хозяева дали Аннушке три дня, чтобы она забрала из квартиры все, что находит нужным. Аннушка решила, что возьмет с собой в новую жизнь только вещи, которые подарил ей любимый — все остальное пусть останется в прошлом.

КОЛДУН

Вид из окна комнаты Аннушки унылый, мокрые крыши, серые тона — с утра идет дождь. С шестого этажа виден мокрый от дождя асфальт — он притягивает как магнит. Аннушка, в очередной раз просмотрев старые фотокарточки из семейного альбома, стоит у окна и смотрит на ярко освещенную витрину новой аптеки. В аптечной витрине, на деревянном пьедестале, стоит большая стек-лянная емкость, в которой плавают пиявки. Их множество, они колышутся наподобие водорослей, присосавшись к стеклу сосуда, создавая живой ковер.

Все эти три дня Аннушка просидела в квартире одна — любимый исчез с документами и деньгами. Где его искать, Аннушка не знала. Обзвонив больницы и морги, она вдруг поняла, что ничего о нем не знает. В милиции ей сказали: «Пишите заявление, вас просто обманули, проще говоря, кинули». А в ювелирной мастерской сказали, что подаренное ей кольцо — хорошая подделка.

Аннушка, прижав альбом к груди, настежь распахнула окно. Стоя на подоконнике, она отчетливо слышала мужской голос, который монотонно повторял одно и то же: «Сюда, сюда». Аннушка знала — это голос ее деда. «Прокли-наю!» — крикнула Аннушка и полетела навстре-чу своей судьбе.

ОСТОРОЖНО

ЧЕРНУХА

ПЕРВАЯ ПОРНУХА

В восьмидесятых годах прошлого тысячелетия в СССР были выпущены отечественные видеомагнитофоны, достать которые было не менее сложно, чем приобрести к нему видео-кассеты с фильмами разлагающегося Запада. Но токарю четвертого разряда завода АЗЛК, двадцатичетырехлетнему Авдюшко, крупно повезло. Благодаря определенному стечению обстоятельств и разного рода совпадениям, видеомагнитофон «Электроника» с одной-единственной к нему кассетой, за тройную цену от первоначальной, оказался все-таки у него.

Притащив приобретение в общагу, где у удар-ника

коммунистического труда Авдюшко была, в отличие от других, своя отдельная комната, он, завернув драгоценный кусок металла в отрез брезента, спрятал его под кроватью.

Вечерами, тщательно заперев дверь, Авдюшко доставал из-под кровати драгоценное приобретение и подключал к черно-белому теле-визору. После чего с замиранием сердца запускал одну-единственную кассету, которая досталась ему через десятые руки не без риска оказаться за решеткой. Поговаривали, будто первый хозяин этой кассеты и видика под следствием за просмотр и пропаганду порнографии. Эта кассета была не с мультиком, не с кинокомедией, не с кино про любовь и даже не с фильмом ужасов — это была порнуха. Такого кино в те времена в Советском Союзе не видел почти никто, тем более рабочие завода ленинского комсомола.

Выключив для конспирации звук, Авдюшко, не отрываясь, смотрел на экран, где женщины, внешне как две капли воды напоминающие кого-нибудь из повседневной жизни, вытворяли такое, что не могло даже привидеться во снах и самых смелых фантазиях. А когда на экране доходило до момента, где кудрявая, грудастая блондинка, как будто сестра-двойняшка заводского секретаря профсоюзов, неприступной в о всех отношениях Клавдии Ивановны, чей портрет бессменно висит на городской доске почета, ртом удовлетворяла крупного негра, то в этом месте Авдюшко всегда не мог удержаться, и у него происходил обильный выброс спермы.

Теперь Авдюшко, закончив смену, не спешил в клуб на репетицию в драмкружок. Также он перестал быть завсегдаем шахматного клуба. Теперь у Авдюшко другие интересы — каждый вечер его

ждала встреча с разными (на любой вкус), развратными, похотливыми, выставляющими напоказ свою наготу и низменные пороки, женщинами. С ними Авдюшко было гораздо интересней, чем с закомплексованными моралистками, окружающими его в повседневности.

Первое время, обеспокоенные внезапной замкнутостью, друзья и знакомые Авдюшко стучали к нему в наглухо запертую дверь, приглашали, кто в бассейн, кто на каток, но Авдюшко отвечал одинаково всем: «Готовлюсь к поступлению в институт, не мешайте!», чем заслужил светлую зависть и уважение со стороны мужской части знакомых и завоевал множество горячих ком-сомольских девичьих сердец. Тем более что такого проникновенного, раздевающего взгляда, который появился у Авдюшко, у других парней не было.

Но однажды случилось непредвиденное. Накрутив внутри себя на невидимые валики пленку видеокассеты, агрегат сломался. Обходя многочисленные ателье по ремонту бытовой теле-радиоаппаратуры, Авдюшко столкнулся с неприятным фактом. Специалистов по ремонту таких еще неизвестных массовому потребителю предметов, как видеомагнитофоны, пока еще просто нет. Что делать? Авдюшко был близок к отчаянию. Но, как всегда, помог счастливый случай. В пивной, куда, отработав смену, Авдюшко стал заглядывать, пытаясь отвлечься от грустных мыслей, за разделанной воблой и третьей кружкой жигулевского он разговорился с парнем своих лет — пожаловался ему на свою проблему. «Ерунда, — сказал парень, — если не надо менять детали, которых нигде днем с огнем, а только подрегулировать механику, то я за это дело могу взяться».

Этим молодым человеком оказался Степан Белобородько, закончивший в свое время радио-техникум

и работающий на заводе «Фотон». Договорились встретиться в этой же пивной на следующий день. Авдюшко не спал всю ночь — думал, можно ли довериться новому знакомому. «Электроника» — вещь дорогая, дефицитная, не обманет ли и как отнесется к тому, что там порно? Не донесет ли, дело-то уголовное? Думал, думал и решил — надо попробовать, выхода все равно нет. А без полюбившегося видео не жизнь, а тоска зеленая.

Степан Белобородько — электрик завода «Фотон». Снимает комнату у одинокой старушки недалеко от завода. Имеет невесту по имени Нюра, работающую на том же заводе, проживающую в женском общежитии. Оба копят деньги на кооперативную квартиру. С молчаливого согласия старухи один раз в неделю Нюра приходит к Белобородько в гости.

На следующий день Авдюшко притащил в пивнушку «Электронику», завернутую в тот самый брезент. Новые знакомые выпили по кружечке пива (угощал Авдюшко), и Авдюшко был вынужден поставить Белобородько в известность, что в магнитофоне застряла не просто кассета, а самая что ни на есть порнуха. «А мне все равно, что порнуха, что новости дня, — соврал Белобородько, потому как порнухи никогда не видел. — Мое дело аппарат починить и получить за это деньги».

Не желая расставаться с видеомагнитофоном в пивной, Авдюшко для успокоения души проводил Белобородько до подъезда дома, где тот проживал и, передавая из рук в руки «Электронике», сказал: «Ты уж постарайся, а я заплачу, сколько скажешь». Договорившись встретиться через несколько дней, новые знакомые расстались.

Притащив тяжелую бандуру под названием «Электроника» в свою комнату, Белобородько решил не

откладывая дела в долгий ящик. Сделав свет поярче, с легким волнением он открутил четыре винта и снял с видеомэгнофона мас-сивную крышку. К приятному удивлению Бело-бородько, дело с починкой видеомэгнофона оказалось для него не столь уж сложным. Осво-бодив намотавшуюся на валик пленку, он вернул ее в кассету. Немного подумав, он окунул ватку в спирт, протер там, где ему показалось необхо-димым и с чувством исполненного долга привин-тил крышку на место. Теперь надо было убедиться, что видеомэгнофон в порядке. Для этого Бе-лобородько постучал в дверь комнаты своей хозяйки и, гарантируя, что завтра с него полкило шоколадных конфет, попросил у нее напрокат телевизор, чтобы якобы посмотреть футбольный матч между ЦСКА и «Динамо». Таким образом, через какое-то время Белобородько был уже прикован к экрану телевизора. И, не веря своим глазам, с замиранием сердца наблюдал за сексу-альными сценами, которые в свое время так сильно пленили воображение Авдюшко.

Этой удивительной ночью Белобородько, обес-силенный от онанизма, три раза выключал аппара-туру и ложился спать. Но от возбуждения заснуть не мог и опять включал видео и телевизор, чтобы насладиться невиданным ранее зрелищем.

Утром невыспавшийся Белобородько вернул хозяйке телевизор. Завернул, запрятал под кро-вать видик и, может быть, впервые за трудовую жизнь без всякого желания ушел на родной завод. С трудом дождавшись окончания смены, Бело-бородько поспешил в кассу сбербанка и, предъя-вив сберегательную книжку, на которой хранились неприкасаемые деньги на квартиру, снял с книжки крупную сумму. После чего Белобородько поспе-шил в центральный универмаг, где не без труда, с переплатой, приобрел редкий по тем временам широкоэкранный телевизор. Отвезя на попутке телевизор

домой, он сильно удивил свою хозяйку — потому как был очень скуп на расходы. «Это мне на заводе профсоюз со скидкой выделил, — пояснил Белобородько, — вот я и приобрел, тем более что сейчас проходит чемпионат по футболу. Сегодня, к примеру, «Железнодорожник» обязательно должен вырвать очко у «Шахтера». Не просить же у вас каждый день телевизор. Кстати, вот ваши шоколадные конфеты».

Затащив в комнату телевизор, закрыв на щеколду дверь, Белобородько, даже не умывшись, начал готовить аппаратуру к работе.

Вторая ночь с видео стала для Белобородько не менее, даже более эротичной, чем первая. Утром на завод он шел, уже пошатываясь от слабости, а после обеда, ссылаясь на недомогание, попросил у бригадира отгул. На шесть вечера у него свидание с Нюрой. За все время их знакомства Белобородько впервые пришел на него без всякой охоты. Посидев с Нюрой полчаса на скамейке, он сказал, что домой пригласить ее не может, ссылаясь на то самое недомогание. Зато, когда Белобородько очутился у себя в комнате, силы сразу вернулись, сердце радостно забило в предвкушении удивительных зрелищ и удовольствий.

Настал день, и Белобородько, как и было договорено, явился в пивную, где его с нетерпением ждал Авдюшко. «В общем, дело такое, — не моргнув глазом, соврал Белобородько. — Сломалась очень важная деталь, очень дефицитная, ремонту она не подлежит, а без нее видик функционировать не будет. Надо доставать новую. Но ты не расстраивайся, я уже договорился кое с кем, и мне обещали выточить на заводском станке точно такую же. Так что давай через недельку на этом же месте».

Прошла неделя, они опять встретились. Бело-бородько сказал Авдюшко, что токарь, кому он отдал деталь,

заболел, и надо подождать еще неделю, от силы две.

Оставшись без видика, Авдюшко затосковал, зачастил в пивную. Ни в драмкружок, ни в шах-матный клуб он не вернулся. Его стали видеть в компании парней, которых он раньше не уважал и избегал. У этой компашки, кроме выпивки и песен под гитару возле стен женской общаги, других интересов не было. Когда с того дня, как видеомагнитофон перекочевал к Белобородько, прошло более двух месяцев, а заветной детали так и не предвиделось, запивший горькую Авдюшко в принципе уже потерял вспыхнувший когда-то интерес к порнухе. По пьяной лавочке, он с новыми друзьями ошивался возле женского общежития, ища утешения в незамысловатых женских ласках, на которые были щедры Нюрки да Машки. А потому, когда во время очередной встречи, Белобородько предложил ему сломанный видик продать, тот с удовольствием согласился, и довольные друг другом Авдюшко и Белобородько разошлись, чтобы уже не встретиться никогда.

Р. С. Прошли слухи, будто бы Белобородько оставшиеся деньги, которые копил на квартиру, пустил в оборот, скупая и перепродавая кассеты для видео (в основном порнографического содержания), за что и был привлечен к уголовной ответственности и осужден на срок с конфискацией имущества.

Авдюшко, несмотря на то, что пристрастился к спиртному и ударником коммунистического труда быть перестал, встретил-таки свою вторую половинку по имени Нюра. Женился, стал отцом. Теперь они с Нюрой проживают в общежитии для семейных, в ожидании, когда заводская профсоюзная организация, возглавляемая все той же неприступной Клавдией Ивановной, в порядке общей очереди выделит им квартиру.

13 НОЯБРЯ

Анатолий Тимофеевич — любящий муж, заботливый отец и хороший глава семейства. Пять-десять лет тому он женился по пылкой роман-тической любви на Антонине, а ныне Антонине Юрьевне. Анатолий Тимофеевич пронес через все годы совместной жизни самые нежные чувства к любимой и любящей жене.

Супруги вырастили хороших детей, оба вышли на пенсию и проживали теперь вдвоем, иногда выезжая погостить, а иногда принимая у себя де-тей и внуков.

Антонина Юрьевна, в отличие от Анатолия Тимофеевича, часто хворала и после очередного обследования ее положили в клинику, где выявили опухоль, требующую немедленного удаления. Операция предстояла сложная и была назначена на тринадцатое ноября. Узнав об этом, суеверная Антонина Юрьевна, принимая огромное количество лекарств от многих недугов, добавила к ним всевозможные успокоительные и сердечные средства.

Анатолий Тимофеевич, когда узнал, что супру-гу будут оперировать — весь с лица сошел. Каж-дый день он приезжал к ней в клинику с сумкой, полной ее любимых вкусностей. Гладил ее по руке, утешал, как мог. «Все будет хорошо, — говорил он, — все обойдется. Я уже говорил с хирургом, просил перенести операцию на другое число. Зна-ешь, что он сказал? Для меня, говорит, число тринадцать самое счастливое, а потому считайте, что вам наоборот — крупно повезло».

Всю ночь накануне тринадцатого ноября Анатолий Тимофеевич глаз не сомкнул. Опериро-вать Антонину Юрьевну должны были в восемь утра. Родственников в такое время в клинику еще не пускали. Но Анатолий

Тимофеевич с неизменной хозяйственной сумкой, с куриным бульоном в термосе, уже в семь утра, переминаясь с ноги на ногу, топтался у закрытых дверей высотного здания клиники.

В половине девятого, когда операция уже началась, доброе сердце вахтерши тети Клары дрогнуло. Пожалев озябшего Анатолия Тимофеевича, она впустила его, выдала халат, а на ноги бахилы, проводила к служебному лифту и проинструктировала, где, на каком этаже, ему тихохонько надо сидеть и ждать результата, после чего вернулась на свой вахтерский пост.

Никогда не страдавший от суеверий и пред-рассудков, Анатолий Тимофеевич зашел в про-сторный, размером с маленькую комнату, служеб-ный лифт. И робея, с необъяснимым для него ужасом, нажал кнопку тринадцатого этажа. В этот момент его и настиг смертельный апоплексический удар.

СОУЧАСТНИКИ

«Это ж надо, я своим глазам не верю. Неужели это ты? Вот так встреча! Кто бы мог подумать, ведь столько лет прошло. Садись в машину, старина, я тебя подвезу. Ты просто не пред-ставляешь, как я рад нашей встрече. Ведь я часто вспоминал и тебя, и Гарри, и Джека, и те лихие времена, когда мы были неразлучной компанией. Недавно я посетил Балтимор и увиделся с Гарри. После съездил в Детройт и разыскал там Джека. И вот теперь ты. Ты не представляешь, как мне приятно, дружище».

Машина резко свернула в темный проулок и остановилась. Через минуту раздался пистолетный выстрел. Вытолкнув обмякшее тело, сидящий за рулем, не включая габаритов, уехал, раство-рившись в ночном городе.

Уж теперь-то он будет на все сто процентов уверен в том, что никто не узнает, как двадцать лет тому назад они изнасиловали и убили бед-няжку Кэт.

ОСТОРОЖНО

ЧЕРНУХА

БАНК СПЕРМЫ

Мама говорит, надо жениться хотя бы для того, чтобы иметь детей.

Жениться — меня коробит от этой мысли. Мама настояла, чтобы я сдал свою сперму на хранение в банк спермы. К счастью, больше от меня ничего не требуется. Мама говорит, что сама найдет суррогатную мать, все оплатит и будет возиться с внуком. Это мама притащила меня сюда, в эту дурацкую клинику по планированию семьи. Я чувствую, как на меня пялится весь медперсонал. Мне дают какую-то дурацкую стеклянную колбу. Предлагают пройти в дурацкую комнату и она-нировать, пока не кончу. При этом у молоденькой медсестры не скрываема ехидная улыбка. «Не забудьте как следует помыть руки с мылом», — напоминает она. Нет, я не могу сидеть в какой-то клетушке и дрочить. Пусть сами тут дрочат, если им это нравится, а я не буду.

Мне предлагают эротические журналы, со страниц которых крашенные девицы демонстрируют свои прелести, накачанные силиконом — гадость. С той же улыбкой мне предложили посмотреть кассету с совокуплением мужчины и женщины. Мужик так себе, а девица — меня от нее просто тошнит. Какой там к черту онанизм.

Все отчаялись, не знают, что со мной делать, как мне помочь. Посоветались с мамой, предлагают привести

меня с какой-нибудь девушкой, пусть она мне поможет. Вот идиоты, нервы мои уже на взводе, я близок к истерике, мама к отчаянью. И тут я не выдержал и говорю: «Либо дайте нормальную кассету, где мужчины и маль-чики, либо я завтра приду с парнем. Потому что я — гей!»

Люблю за то, что ненавижу.

ОТРАВЛЕННЫЕ ЛЮБОВЬЮ

Кинопрект

1.

Случилось так, будто бы Горин, бодро шагая по хорошо освещенной дороге, вдруг на всем ходу ударился в толстое невидимое стекло. Из глаз посыпались искры. Горин ощутил острую боль и потерял ориентировку в окружающем пространстве. Вмиг все то, что он четко видел впереди себя, покрылось паутиной крупных и мелких трещин. За паутиной ничего рассмотреть уже было нельзя.

Всего месяц пришлось Горину по не зависящим от него причинам отсутствовать в городе, где он жил. Имел любимую женщину, имел жену, вырастил двух детей и был абсолютно счастлив. И вдруг, при возвращении, от этого счастья отвалилась лучшая его часть. Молодая женщина, с которой Горин, встречаясь, прожил день в день целых четыре года, только что заявила ему по телефону: «Все кончено, Горин, я твердо решила с тобой расстаться. С меня хватит, больше я такой жизнью жить не хочу. Я не вижу для себя никакой перспективы, никакого будущего. Прошу тебя, не приходи, не звони и не ищи встречи со мной. Прощай и не

мешай мне устраивать свою жизнь».

Удар был настолько силен и неожидан, что Горин, прямо с вокзала придя домой, где его после месяца разлуки ждала жена, с которой он прожил без малого двадцать девять лет, и двое уже не маленьких детей, ни на что и ни на кого не реагируя, прошел к себе в кабинет, заперся в нем и впал в оцепенение. Только один раз сознание Горина вернулось в действительность, это когда взволнованные таким его поведением жена и дети, после бесплодных попыток достучаться, попытались выломать дверь. Рывкнув на них через закрытую дверь, Горин потребовал, чтобы его оставили в покое, иначе он за себя не отвечает. Посоветовавшись, домочадцы решили ждать. Ждали долго, прислушиваясь к каждому шороху за запертой дверью.

Первую бессонную ночь Горину лезло в голову только одно — отравиться. Не давала покоя мысль: теперь у него от счастья осталась всего лишь больная жена и дети, живущие своими интересами. Не давала покоя мысль о флакончике с цианидом, тщательно запрятанном у него в кабинете.

2.

У законной жены Горина после вторых родов начались большие, бесконечные проблемы по женской части — у нее удалили матку. Время спустя появились осложнения, какие-то образования, то ли полипы, то ли опухоли, их тоже периодически удаляли. Горин уже три года не живет с женой половой жизнью и совершенно от этого не страдает, ведь у него появилась молодая (на тридцать лет моложе него), красивая женщина. А болезненной жене Горина, которую он тоже по-своему любит и уважает, уже за пятьдесят. Внешне мужа она не ревнует, не ограничивает его свободы и ни в чем не упрекает. Хотя все прекрасно видит и понимает — муж влюблен как

мальчишка. Теперь для нее главное не личные амбиции и обиды, а сохранение семьи. Поэтому в бесконечных хлопотах и заботах по дому она на все закрывает глаза, переживая только глубоко внутри себя.

3.

Несмотря на раздирающие Горина гнев, обиду и ревность, флакончик с ядом остался нетронутым. Горин решил во что бы то ни было вернуть свою молодую подругу. Слишком много он в нее вложил, потратив годы, нервы и средства, чтобы так просто потерять ее, тем более — отдать другому. «Либо мне, либо никому», — решил Горин. Ведь он как хороший отец и наставник, обделяя вниманием родных детей, старался сделать из своей молодой подруги умную, сексуальную, начитанную, обладающую хорошим вкусом женщину — и сделал.

К утру, когда за окном забрезжил рассвет, Горин, перебрав в памяти все детали и подробности, как выяснилось, теперь уже безответной любви, наконец-то принял, как ему показалось, правильное решение. Умирать он раздумал, он решил за предательство любимую покарать. Отомстить неблагодарной за все то хорошее, что он для нее сделал. Горин вдруг с горечью понял: чем больше он вкладывал в нее, чем сильнее любил, тем чаще и больше она отвечала ему черной неблагодарностью. Просто любовь к ней ослепила его.

К полудню, выйдя из кабинета, Горин извинился перед притихшими домочадцами, сказав, что у него случился приступ почечных колик, и он, не желая их пугать, решил пересидеть приступ в кабинете. «Простите меня», — сказал он и по очереди расцеловал всех присутствующих.

4.

Спустя три дня Горин позвонил любимой. Спокойным голосом он сказал: «Алла, разреши мне хотя бы иногда звонить тебе, так просто, без всякого повода. Мне сейчас очень важно чувствовать, что мы с тобой по-прежнему друзья. И ты по-прежнему звони мне, просто поболтать, рассказать, как у тебя дела. Надеюсь, в этом ты мне не откажешь?» И это сработало. Алла и Горин стали перезваниваться, разговаривая друг с другом, как будто бы ничего не случилось.

Прошли дни, недели, и они встретились. Хо-дили, как прежде, в кино, в театр, обедали в ресторанах. Горин был мил, обходителен, нежен. Ни слова упрека в ее адрес. Постепенно Алла опять привязалась к Горину, он опять стал устраивать ее таким, какой он есть, и, в конце концов, они снова оказались в одной постели.

5.

Однако Горин был уже не тот, что раньше — в нем существовали теперь два разных человека. Один ненавидел Аллу, а другой по-прежнему любил. Теперь один из них часто беседовал с Аллой на темы, которые раньше не затрагивались никогда. «Я понимаю, — говорил один, любящий Горин, — как тебе хочется нормальной семьи, своего дома, детей. Понимаю и то, что хочется тебе более молодого, более красивого, более здорового, более богатого, чем я. И это нормально, я это прекрасно понимаю. Но пойми и согласиись, что от добра добра не ищут. Еще неизвестно, каким будет этот муж, какие будут дети, как сложится жизнь и отношения. Зато уже сейчас у тебя все хорошо, потому, что тебя любят, о тебе заботятся, и ты ничем не обделена. Надо просто понимать: человеку всегда будет чего-то не хватать, как хорошо бы он ни жил. Научись быть благодарной судьбе за то, что она дает, и все будет хорошо». «Какой ты у меня умный, благородный. Прости меня, я была

неправа, на меня просто затмение нашло», — и Алла обнимала Горина за шею. Горин на-слаждался, слушая то, что хотел слышать. Но другой человек, недавно поселившийся в темной части его души, зло нашептывал: «Ври больше, лицемерка. Просто я раньше не замечал, что ты не только неблагодарная, но и завистливая. Я объездил весь свет, был знаком с известными людьми, я — интересная личность. Я образован, хорошо воспитан, материально обеспечен, обладаю чувством юмора, а у тебя ничего этого нет. В конце концов, я умею любить преданно, беззаветно — а ты не умеешь даже этого. Зависть — вот откуда нелюбовь за любовь».

6.

Потом было еще много серьезных разговоров между Гориним и Аллой. Горин сумел убедить Аллу в своей правоте, которая сводилась к одному: лучшего мужчины для нее, чем он, Горин, нет и быть не может. В доказательство Горин подарил Алле кольцо с бриллиантом и объявил, что разводится с женой и уходит от нее навсегда. Теперь его домом будет дача, которую он оставил за собой. И он попросил Аллу в доказательство любви к нему уйти с работы (что я тебя не прокормлю, что ли?) и переехать жить к нему, к природе поближе. И она уволилась, хотя должность, которую занимала, была перспективна для служебного роста, и переехала жить за город, где они стали жить вдвоем, отгородившись высоким забором от внешнего мира и прежней жизни.

7.

Дачная жизнь для Аллы протекала медленно и скучно. Кирпичный домик с подсобным хозяйством стоял чуть в стороне от других строений. Ближайшей и единственной соседкой оказалась одинокая старуха, проживающая в покосившемся деревянном доме, оставшемся от стоявшей здесь когда-то деревни. Старуха упорно

отказывалась продавать свою избушку или менять на однокомнатную квартиру в городе. В округе все считали старуху колдуньей и ведьмой.

В ожидании, когда Горин вернется со службы, Алла выматывала себя заботами по хозяйству, читала или просиживала у телевизора. Она ни с кем не общалась, кроме соседской бабушки, сама не зная почему скрывая этот факт от Горина.

8.

Прошел год.

Какое-то время Горин еще наслаждался своей значимостью в жизни Аллы, своей востребованностью, своей победой над ее я. Он продолжал зомбировать ее, внушая, что теперь она абсолютно счастлива, и кроме него, ей в жизни больше никто не нужен.

Но чувство оскорбленного самолюбия стало преобладать, обиды бередили незаживающие раны. Чем сильнее Алла привязывалась к нему, тем чаще в Горине просыпался тот, второй Горин, который поселился в черной стороне его души. Добрый, ласковый, заботливый Горин постепенно умирал, а жаждущий мести доминировал над первым все больше и больше.

9.

Постепенно Горин стал раздражаться присутствием Аллы, ее ласками, вниманием, а время спустя он начал Аллу ненавидеть. Черный Горин нашептывал ему: «Она думает, ей так просто все сойдет с рук, нет, пусть ответит за те страдания, которые она причинила ему и его семье».

Внешне Горин старался ничем себя не выдавать,

боясь спугнуть Аллу и таким образом лишиться себя удовольствия насладиться мстостью. Ему хотелось ни словом, а делом унижить ее, растоптать, заставить корчиться от страданий. Ненавидя ее, он с доброжелательной улыбкой ждал момента, когда эту сладкую мстость он сможет осуществить. А пока Горин, стараясь не перегнуть палку, жестко и постоянно требовал от Аллы доказательств ее любви к нему.

Зная, что Алла не любит спиртное, он каждый вечер за ужином наливал ей джин с тоником. «Если любишь, пей до дна, — требовал он, — пьяная, ты мне больше нравишься. А теперь покури травки, это очень веселая травка». Алла, кашляя, затягивалась марихуаной и через силу пила джин. Сначала, чтобы угодить Горину, а потом, чтобы находиться в состоянии эйфории. Так постепенно Горин приобретал власть над Аллой.

Когда от джина и марихуаны Алла была в кайфе, Горин требовал, чтобы она на коленях просила у него прощения за тот злополучный разговор по телефону. И Алла просила: «Прости меня, Горин, дура я дура. Просто мне хотелось, чтобы ты меня приревновал, и вообще, мне хотелось как-то разнообразить наши отношения. Не скрою, мне было интересно, что ты пред-примешь, как себя поведешь? И вот видишь, нет худа без добра — мы вместе». После таких при-знаний Алла начинала истерически смеяться. В такие моменты Горин с ненавистью смотрел на нее и думал: «Врешь, ты хотела одного, чтобы я бро-сил жену и детей, ты хотела сделать им больно. Врешь, не получится. Я почти каждый день, хоть на час, но заезжаю к ним в гости».

10.

Помутненный ненавистью рассудок Горина требовал от него все больших изощренных унижений для Аллы. Однажды Горин привез в их

домик своего знакомого хирурга. Выпили, Горин предложил Алле марихуаны, доктор тоже не отказался. Позже гость расслабился и заявил, что у него с собой имеется морфий, и если кто желает попробовать, то не вопрос, пожалуйста. Горин настоял, чтобы Алла укололась.

Видя, как возбужденный доктор увивается возле раскрепощенной Аллы, Горин потребовал от нее секса с гостем. «Сделай это для меня, если любишь. Хочу полюбоваться тобой со стороны», — хитрил он. Алла уступила и на этот раз, ви-димо, алкоголь и наркотики полностью сковали ее разум.

Утром, когда Горин и доктор пили чай, со-бираясь уехать в город, Горин явно через силу делал вид, что удовлетворен ее покорностью и послушанием. Он был предельно вежлив и обхо-дителен.

Оставшись одна, Алла терзалась муками со-вести. Она признавала и давала себе отчет, что не заметила, как попала в зависимость от чужой воли, джина и наркотиков.

11.

«А теперь он еще и бьет меня», — жаловалась Алла старухе. «Знаю, доченька, знаю, дьявол вселился в него. Задумал злодей погубить тебя. Главное, не забывай заваривать с чаем ту травку, что я давала тебе. И каждый день давай ему пить. Скоро, очень скоро ты будешь свободна от его власти». «Я завариваю каждое утро, он пьет, но пока ничего не происходит». «Жди, дочка, не сразу дело делается. Травка эта заговоренная. Она уже многих злодеев от черных дел отвела», — старуха, как будто вспомнив что-то, хитро улыбнулась беззубым ртом и подумала: «Скоро помрет, греш-ник окаянный, потому как травка полностью раз-рушит его изнутри».

12.

Горин все чаще возвращался мыслями к цианиду, который он когда-то приготовил для себя. Однажды, в очередной раз напичкав Аллу джином и наркотиками, он, требуя доказательств ее любви к нему, заставил ее написать предсмертную записку, в которой она просит в ее смерти никого не винить. И взял с Аллы слово, что по первому его требованию она примет яд.

Когда записка была написана, Горин ждать не стал. Уже на следующий вечер он, сделав Алле укол морфия (который тот самый хирург теперь постоянно давал Горину специально для Аллочки), смешал джин с тоником и что-то капнул туда из флакончика. После чего заставил онемевшую от страха Аллу выпить содержимое бокала до дна.

С чувством ни с чем не сравнимого удовольствия Горин смотрел, как Алла дрожащими руками взяла бокал и сделала первый глоток. «Что, испугалась, дура? Это была всего лишь ва-лерьянка», — и Горин расхохотался впервые за последние два года.

13.

На какое-то время Горин успокоился. Наслаждаясь тем, что теперь не только ее тело, ее сущность полностью и целиком в его воле, но и сама ее жизнь. День и ночь он с нетерпением ждал момента, когда ему захочется воспользоваться своей, теперь уже безграничной властью.

И вот такой день настал.

14.

Ближе к вечеру, когда двое гастарбайтеров из Узбекистана уже заканчивали приваривать двери к новому гаражу, Горин, как всегда, заставил Аллу пить спиртное и курить марихуану. После он достал из дипломата шприц, наполненный какой-то жидкостью. «Эта новинка называется «джейф» — смесь эфедрина кое с чем. Не бойся, дорогая, тебе понравится. Ты взбодрись, и тебе захочется мужика, очень захочется, и ты его по-лучишь». Алла вяло пыталась возражать и сопротивляться, но Горин был непреклонен.

Со сладостным омерзением он снимал на видеокассету отвратительные сцены извращенного секса, в котором участвовали два гастарбайтера и когда-то так сильно любимая им женщина.

Ближе к полуночи, когда довольные, но слегка удивленные этими странными богатыми русскими, гастарбайтеры ушли, Горин вдруг плохо себя почувствовал, но решил, что именно сегодня он доведет свою месть до конца. Он даже решил, что и это он снимет на пленку. Подсознательно Горин утешал себя, что именно эта запись будет греть ему душу.

Горина мутило, голова болела, он взмок, поя-вилась острая боль в кишечнике. Превозмогая недомогание, Горин сказал: «Ну вот и настал день, когда ты сможешь доказать мне по-настоящему, что любишь меня». Пошатываясь, Горин смешал джин с тоником, достал из того же дипломата заветный флакон с цианидом и вылил содержимое в тот же стакан. Плохо соображающая от нар-котиков, измочаленная сексом, Алла смотрела на бледного как смерть Горина — это был взгляд человека, желающего умереть. «Если бы ты знал, Горин, как мне мерзко, — тихо сказала Алла. — Давай свой коктейль».

Держась одной рукой за живот, в другой держа стакан с ядом, Горин, пошатываясь, приближался к креслу, в котором сидела Алла. «Пей, — про-хрипел

Горин, протягивая ей бокал, из которого половина жидкости была уже на полу. — Пей, прошу тебя, пей».

В уголках рта Горина появилась кровавая пена, он захрипел. Алла взяла бокал из его ослабевшей руки и посмотрела Горину прямо в глаза. Не отрывая взгляда от его глаз, она медленно, глоток за глотком допила до дна остатки ядовитого коктейля. Пустой стакан выскользнул из ее руки и, упав, раскололся на две половинки.

НЕДОЗРЕЛКА

«Извините, можно с вами познакомиться?» Семнадцатилетняя девушка была польщена, на нее обратил внимание взрослый, солидный, красивый мужчина. «Конечно можно, меня зовут Катя, а вас?»

Мужчина пригласил Катю в самое дорогое кафе города, при шикарном пятизвездочном отеле. Катя пила шампанское, ела фрукты и все время расспрашивала: «А вы кто, а вы откуда, а чем вы занимаетесь?» Захмелев от шампанского, Катя в очередной раз спросила: «А где вы остановились?» «Здесь, в этом отеле» — ответил мужчина. «Ой, как интересно, а можно посмотреть?» «Конечно», — ответил мужчина.

Катю восхитил богатством убранства двух-местный номер с огромным полукруглым балконом. «Ой, как у вас здорово! — Катя включила музыку и стала танцевать. — А ванну можно посмотреть?» «Конечно», — ответил мужчина. Из ванной комнаты восторженная Катя вышла с мокрой головой, завернувшись в махровое полотенце. «А я не удержалась и приняла душ. Вы не против?» «Не против», — ответил сидящий на кожаном диване мужчина. «Ну, расскажите же еще что-нибудь о себе. Вы такой загадочный и такой несмелый». Катя, танцуя, с ходу запрыгнула мужчине на колени. Прикрывая краем полотенца оголившуюся Катину грудь, мужчина, и в

самом деле немного смутившись, сказал: «Ну что еще рассказать? Развелся, теперь холостяк. Ты меня извини, Катя, мне перед тобой очень неловко, но у меня к тебе просьба». «Просите, чего хотите», — ответила Катя и запрокинула голову в ожидании поцелуя. «Видишь ли, Катя, я вчера видел тебя с мамой, но подойти не решился. Понимаешь, она мне очень, очень понравилась. Будь другом, познакомь меня с ней».

НЕ СЕКСОМ ЕДИНЫМ

Женщин Косарев боготворил. Но сегодня Косарев в сторону женщин не смотрит. Ни модницы, ни красавицы сегодня его не интересовали. Его, Косарева, внимание сегодня привлекали хорошо одетые мужчины, сидящие в дорогих автомобилях. Косарев оценивающе присматривался к их внешнему виду и с явным интересом то шел, то ехал вслед за кем-то из них. Кто знает, может, он хотел познакомиться, а может, что-то еще.

Женщин в такие дни Косарев в упор ненавидел. Ни флирт, ни секс с ними в этот день ему были не нужны. Но именно для них, всегда желанных Косареву, сегодня нужны были богатые мужчины, которых он люто ненавидел. Сегодня Косарев планировал гоп-стоп.

ЗАПАХ ЖЕНЩИНЫ

Олег, как всегда, не рассчитал дозу спиртного и нажрался. В начале вечеринки Валерий говорил ему: «Не пей много, опять козленочком станешь!» Эта ирония из уст Валерия прозвучала потому, что у Олега была тенденция — на третьем джин-тонике или на третьей водке с соком вырубаться, сползая под стол или заваливаясь навзничь на диван и впадать в глубокий

обморок. В себя Олег приходил, как правило, к утру и ничего не помнил. При этом никогда не забывал поворчать на друга Валерку, что тот позволил ему опять нажраться.

На сегодняшней вечеринке у Олега новенькая хозяйка — молодая докторша, которая работает в поликлинике участковым. Как-то Олег, после очередной попойки, не смог пойти на работу и вызвал на дом врача, зная, что за небольшие деньги всегда можно сварганить себе больничный с диагнозом ОРЗ. Когда докторша пришла, Олег без особого труда сумел закадрить молодую незамужнюю. Тем более что сам он был не женат, обеспечен и имел свою квартиру. Со слов Олега, получив больничный, он сумел договориться с докторшей, что вечером она придет проведать больного. Вот так у них все и началось. «Одна беда, — жаловался Олег Валерию, — в постель док-торшу оказалось затащить совсем непросто. Может быть потому, что Олег у нее — второй мужчина. Она оказалась девушкой строгих правил, без дурных привычек и даже не позволяет в ее присутствии рассказывать сальные анекдоты. Так что развлекать докторшу намного сложнее, чем других женщин. Он же, Олег, все время забывал про свою норму и после третьего коктейля засыпал. Просыпался один, и каждый раз думал, что докторша больше не позвонит. Но, к счастью, она звонила и приходила еще и еще. Сегодня Олег пригласил лучшего друга Валерия, чтобы тот контролировал Олега за питьем, а заодно и позна-комился с новой девушкой Олега.

Внешне докторша из себя ничего особенного не представляла. Но Олегу нравилась ее манера строго одеваться, ее имидж неприступной женщины, который с детства ассоциировался у Олега с учительницами. Олег и Валерий — гуляки со стажем, контингент девушек у них, как правило, продавщицы, варьютки и те, с которыми

легко познакомиться в метро или на улице.

Валерий пришел, докторша была уже у Олега и приготовила что-то вкусненькое. Они позна-комились, и вечеринка началась.

Часам к двенадцати ночи Олег, как всегда, был готов — Валерин контроль не сработал. Свернувшись калачиком на ковре под столом, Олег мирно спал, а докторша и Валерий продолжали беседовать на разные темы. До сих пор не пригубившая ни грамма спиртного, докторша попросила Валерия сделать коктейль водка-сок и ей тоже. Выпив, она потянулась за сигаретой. «А я, пожалуй, выпью еще, налей мне водочки, но без сока. Привыкла к крепкому спирту за время практики в анатомичке», — то ли призналась, то ли оправдалась она. Подвыпившая докторша разоткровенничалась, имидж строгой и неприступной пропал. Она рассказала Валерию, как, будучи студенткой, год прожила с хирургом-наркоманом и чуть сама не стала наркоманкой. Как жила с лишенным практики гинекологом и была у него ассистенткой во время криминальных аборт, и как чуть не загремела вместе с ним в тюрьму, после того, как у несо-вершеннолетней случилось заражение крови.

Переодевшись в халат, докторша, положив на спящего Олега выпянутые ноги, всем своим видом показывала, что она хозяйка в доме, и что Валерий ей симпатичен. Уже прилично пьяный Валерий только и думал о том, как бы скорей уйти в другую комнату и лечь спать. Но докторша приняла это как предложение и сама взялась застелить ему постель. Валерий пьяными глазами смотрел, как она, сексуально изогнувшись, стелет ему и отмечал, что она уже без трусов и лифчика, а верхние пуговицы халата расстегнуты до пупка. «Ну, ложись, — сказала докторша, — а я еще посижу с тобой немного». «Не фигу себе», — подумал Валерий, когда докторша полезла к нему цело-ваться и с другими ласками.

В этот вечер Валерий сильно перебрал с ал-коголем — его даже мутило. Он елозил по докторше, и у него ничего

не получалось, может быть еще и потому, что она ему совсем не нравилась. Не добившись от Валерия ни страсти, ни мужской ласки, разочарованная докторша покинула его, и он заснул.

Утром докторши уже не было. Проведя какое-то время вместе, друзья разошлись, каждый по своим делам. Валерий, дабы не расстраивать Олега, не стал рассказывать ему о домогательствах докторши, тем более, что спьяну плохо что помнил. Но уже вечером он об этом пожалел. Позвонив Олегу, он услышал от него обидные слова и упреки. «Звонила докторша, — кричал в трубку Олег. — Она все мне рассказала. Как ты, специально напоив меня, пытался ее изнасиловать. Я нашел в ванной ее разорванный халат. Да ты просто маньяк, да еще подлец и скотина. Наконец-то ты проявил свою истинную сущность. Знать тебя больше не желаю!» «Тебе, брат, и вправду доктор нужен, только не баба-терапевт, а психиатр мужчина», — успел парировать Валерий. Повесив трубки, друзья искренне негодовали по отношению друг к другу. И никто первым другому так и не позвонил.

Среди общих знакомых поползли нехорошие слухи — неразлучные друзья теперь враги. Все их расспрашивали, интересовались, в чем дело. Оба какое-то время отмалчивались, но потом и того, и другого как прорвало. И Олег, и Валерий стали возмущенно рассказывать о том, какой в одном случае оказался негодяй один, и какой доверчивый дурак в другом. Часть друзей приняла сторону одного, часть другого, но авторитет был подорван и нашлись такие, кто перестал с бывшими друзьями общаться. «Какая грязь, какая гадость», — говорили они.

Прошло время. Олег с докторшей давно уже разошлись, испытывая друг к другу тщательно скрываемую неприязнь. Но однажды в эту неприятную историю вмешался его величество случай.

Общий знакомый Валерия и Олега — Серега волею судьбы тоже имел «счастье» познакомиться с докторшей. Влюбился и решил создать семью. На свадьбу, как и положено, он пригласил своих приятелей — и Олега, и Валерия. «Невеста у меня — чудо, — хвалился он и тому, и другому. — Она у меня будущий профессор медицины, сейчас учится в аспирантуре. Я таких порядочных и скромных девушек в жизни еще не встречал. Не пьет, не курит и, что главное, я у нее первый мужчина, а ведь ей уже двадцать семь». «Хоть кому-то повезло», — думали Олег и Валерий, поздравляя по телефону товарища и обещая непременно на свадьбе быть. Кстати, и тот, и другой должны быть свидетелями со стороны жениха.

Р. С. Через час после встречи во дворце бракосочетаний, трое молодых мужчин сидели за огромным столом, накрытым праздничными яствами. Места, предназначенные для гостей, родственников и знакомых, пустовали. «Ты меня прости, друг», — сказал Олег, обращаясь к Валерию, разливая водку по рюмкам. «И ты меня прости», — ответил Валерий, раскладывая закуски по тарелкам. «А я хочу сказать вам спасибо, ребята», — вмешался несостоявшийся жених Серега. — Большое спасибо за урок и за спасение. Теперь я еще долго не женюсь». Друзья чокнулись и выпили за женщин.

ПРЕДАННЫЙ ПЕС

Маленький, толстенький, лысенький Финкинштейн — газетный магнат. У него своя типография. Леха при нем телохранитель. Финкинштейн и Леха неразлучны, как сиамские близнецы — даже в сортире они вместе.

Финкинштейн любит не только власть и деньги, но и красивых девушек. Сегодня Финкинштейн, сойдя с яхты, под присмотром Лехи гуляет по набережной. Взгляд Финкинштейна привлекает женская парочка: длинноногая красавица блондинка и невзрачная

толстушка при ней. Не раздумывая, Финкинштейн бросился в атаку и пригласил девушек в ресторан. Толстуха, оттеснив Финкинштейна грудью от блондинки, заявила, что та без нее никуда не пойдет. «А я ее одну и не приглашал, — слукавил опытный Финкинштейн. — Только вместе с вами».

В ресторане Финкинштейн представил атлетически сложенного Леху, как своего лучшего друга. И тот сообразил, что должен отвлечь на себя толстушку. После ресторана было катание на яхте, а вечером — шумная дискотека. Леха очаровал не привыкшую к вниманию красивых парней толстушку. Он целовал ей руки, дарил цветы, источал комплименты и признался в любви с первого взгляда. Выбрав момент, когда толстушка сомлела от желания, Леха предложил ей с дискотеки сбежать и прокатиться на мерседесе. Толстуха с радостью согласилась, напрочь забыв про подругу, с которой, кстати, была едва-едва знакома.

Мерседес неся с огромной скоростью по ночной загородной трассе. Слегка захмелевший Леха на всю громкость включил блатной шансон и давил на педаль газа. Толстуха визжала от восторга — все было, как в американском кино. Отъехав от города километров за сто, Леха остановился у какого-то крепко спящего населенного пункта. «Ну все, приехали, вылезай», — сказал он толстухе и выключил музыку. «А у тебя что здесь, дача?» — спросила толстуха. «Дача, дача и свинарник тоже», — сострил Леха. Выйдя из машины и обойдя ее, он открыл дверь, за которой сидела толстушка. «Ну, ты чего, не поняла, что ли? Вылезай, я сказал». «Я боюсь, — захныкала толстушка и сжалась в комочек, — я сделаю все, что ты скажешь, только отвези меня назад». «Выметайся из машины, свинюка, — теряя терпение, заорал Леха. — У меня из-за тебя хозяин без присмотра остался».

ПОЦЕЛУЙ ЛУКАВОГО

В офисе фирмы, торгующей стальными дверями, раздался телефонный звонок. «Алло, Анжела? Здравствуй, это Евсеев, узнаешь? Ну, спасибо. Значит, ты по-прежнему в бухгалтерии, это тоже хорошо, а то не знал бы, где тебя искать, могла ведь и в Париж уехать. Я слышал, ты вышла замуж. Если не секрет, кто он? Менеджер по продажам из вашей фирмы — значит, вместе работаете, понятно. А дети есть? Девочка, ну поздравляю, рад за тебя. Я, собственно, по делу. Помнишь, два года назад, когда мы расстались, у тебя оставалась моя тетрадь со стихами. Я тогда безуспешно просил тебя набрать их на ком-пьютере. Наверняка у тебя для них так и не нашлось времени. А жаль, стихи посвящались тебе. Надеюсь, что тетрадь сохранилась. Очень хотелось бы ее забрать, если это тебя не затруднит. Ну, спасибо. Давай, я подъеду в кафе возле твоей работы, где мы с тобой чай гоняли. Итак, в пять часов, до встречи, пока, пока».

Надев белый костюм, повязав красный галстук, Евсеев приехал в хорошо знакомое кафе пораньше. Занял столик, на него нахлынули волнующие воспоминания о прошлой любви.

Ровно в пять, закончив работу, в кафе вошла Анжела. Прошло всего два года, но это была уже не та свежая, юная Анжела. В кафе вошла утомленная работой и семейным бытом, уже рожавшая женщина. «Привет, — смущенно улыбаясь, сказала она. — Я на минутку, только тетрадь отдать». «Ну, чаю-то выпей, я уже заказал».

В этот момент в кармане Евсеева зазвонил телефон. «Да, я в кафе, это рядом, жду». «Извини, — сказал Евсеев, укладывая телефон на место. — Это звонила моя невеста, недавно познакомились в Монте-Карло. Сейчас приедет за мной».

Наливая чай молчащей Анжеле, испытывающей

легкий дискомфорт оттого, что она не очень хорошо выглядит, Евсеев с едва уловимой иронией сказал: «Рад, очень рад тебя видеть молодой и цветущей. Рад, что у тебя все хорошо, что все твои мечты сбылись». В этот момент к кафе подъехал красный кабриолет, за рулем которого сидела красивая блондинка. «Спасибо», — только и успела ответить Анжела, как в кафе вошла та самая блондинка, явно профессиональная модель, и быстрым шагом, продефилировав, будто она на подиуме, подошла к столику, за которым сидели Евсеев и Анжела. Все присутствующие, не сговариваясь, обратили на нее свои взоры, восхищаясь гармоничной красотой и хорошим вкусом. Поцеловав Евсеева в щеку, она, не присаживаясь, с удивлением посмотрела на Анжелу. «И это и есть та женщина, которую ты так сильно любил? — искренне удивилась она. — Это ради нее ты готов был на все. Это ее ты лелеял, посвящал ей стихи, дарил подарки, кормил, одевал и ничего для нее не жалел? Это ее ты ревновал и не спал ночами? Ты, умный, образованный, красивый, добрый, сексуальный — лучший мужчина на свете! Ну, Евсеев, ты меня удивил, или я просто ничего не понимаю в женщинах и людях вообще».

Положив на плечо Евсеева руку, которую украшали удивительной работы браслет и кольца с бриллиантами, блондинка, потеряв интерес к Анжеле, сказала: «Поехали, дорогой, зная, как ты любишь балет, я купила для нас билеты». Евсеев был смущен и обескуражен: «Ну, зря ты так, Юлианна. Ну не всем же женщинам дано быть такими умными и благодарными, как ты». Евсеев встал. «Извини, Анжела, спасибо за тетрадь, рад был тебя увидеть». Юлианна взяла Евсеева под руку, и они удалились, оставив покрывшуюся лиловыми пятнами Анжелу сидеть перед так и не тронутой чашкой чая.

Отъехав от кафе два квартала, красный кабриолет остановился у метро. «Ну, спасибо вам, Юлианна, красиво сработали», — сказал Евсеев, отсчитав оговоренную

заранее сумму и вручив ее блондинке. «Не за что, если что, обращайтесь еще. Наша фирма выполняет любые заказы и предо-ставляет любые услуги».

У ЛАРЬКА

Выйдя из автомобиля, мужчина подошел к ларьку, стоящему у дороги. «Пачку «Мальборо», пожалуйста». Присмотревшись к покупателю, продавщица воскликнула: «Вы меня помните?» За стеклом — полная, с короткой стрижкой, ярко покрашенная женщина за сорок. «Простите, нет», — сказал мужчина и присмотрелся внимательней. «Ну как же, двадцать с небольшим лет тому назад вы за мной ухаживали. Помните, я еще училась на журналистку, а на каникулы приезжала к маме. Помните, вы со мной познакомились на пляже и очень хотели меня заинтересовать и понравиться. Приглашали гулять, водили в кафе и даже в гости к себе зазывали. Но я тогда гордая была — не пошла. Вспомнили?» Мужчина искренне удивился: «Так это вы? Ничего себе, так вас не узнать. Ну конечно, помню. Вы тогда были очень хороши собой и очень заносчивы. Могу признаться, тогда я влюбился в вас с первого взгляда. Но вы смотрели на меня свысока, считая меня бесперспективным недоучкой. Все грезили работать в Управлении дипломатическим корпусом или быть спецкором ТАСС, разъезжать по заграницам, интервью-ировать знаменитостей. Или даже стать известной писательницей».

«Ну, а вы как, чем занимаетесь? — перебила она его, явно не желая слушать того, чего с ней не случилось. «А я, как ни странно, писатель. Три романа, шесть сборников рассказов. Правда, больше известен на Западе, чем у нас. Вот только-только из Франции, где получил премию за оче-редной сборник. Простите, но мне пора». Взяв сигареты, мужчина попрощался и ушел.

«Ой, подождите, подождите», — неряшливо одетая толстушка выскочила из ларька и подошла к мерседесу, в котором сидел когда-то отвергнутый ею ухажер. Наклонившись к открытому окну, она плаксиво попросила: «А вы мне книжечку с авто-графом не подарите?»

ДУРА БАБА

«А вот Шпаковский говорит...» — она знала, что напоминания, а тем более ссылка на Шпаковского, с некоторых пор приводят любящего ее мужчину в ярость, но увы, это не останавливало ее. Она уже не могла остановиться и удержаться, так сильно ей нравилось вызывать в любящем ее мужчине ревность словами: «А вот Шпаковский считает, что это совсем не так» или «Шпаковский бы так не поступил». Однажды любящий мужчина не выдержал, побледнел, глаза его налились кровью. Он сжал кулаки и, впад в ярость, закричал: «Я уничтожу этого гада!» Женщина поняла, что перегнула палку и попыталась все исправить. «Прости меня, милый, я больше никогда не буду вспоминать про Шпаковского. Я люблю только тебя, мне больше никто не нужен. Я только с тобой, я только с тобой, я только твоя».

Но было уже поздно. Любящий мужчина вдруг потерял к женщине всяческий интерес. «Да пошла ты, куда подальше!» — было видно, что мысли его теперь далеко от любви. Ненависть, жажда мести полностью овладели его существом и сознанием. Теперь любовь к женщине стала ему не нужна, он разочаровался в ней и потерял к ней интерес. Его теперь мучила только одна мысль и желание — отомстить гаду Шпаковскому.

ОТКРОВЕННЫЙ РАЗГОВОР

За столом собралась теплая компания, состоящая из людей, хорошо знающих друг друга. Выпили, закусили, еще выпили, и завязался душевный, доверительный разговор. Кто-то из присутствующих, разоткровенничавшись, признался другим в какой-то своей слабости. Чтобы поддержать раскаявшегося, решили поиграть в игру — «честное признание». Каждый должен был признаться в каком-нибудь непристойном поступке, совершенном им когда-либо или открыть личную сокровенную тайну. Кто-то честно признался, что в детстве тырил у родителей мелочь по карманам. Кто-то — что подглядывал в женском сортире. Подвыпивший супруг признался жене, что однажды побывал в борделе. В ответ жена призналась, что имела сексуальный опыт с женским полом. Кто-то рассказал, как приворовывал кур в колхозе. Но шокировал своим признанием тот, от кого меньше всего ожидали — спортивного сложения, молчун, красавец, не-пьющий, некурящий, бывший десантник Самохвалов. Сейчас он — областной прокурор, большой человек. После долгого сопротивления, поддавшись на сильный прессинг, Самохвалов раскололся. В молодые годы он допустил два греха: один смертный, другой попроще. Воюя в Афганистане, он взял в плен моджахеда. Тот был легко ранен и, подняв руки, вышел сдаваться. Но Самохвалов, не желая возиться с пленным, в упор расстрелял его из автомата. Второй грех — это то, что в том же Афганистане Самохвалов покурил травку. От услышанного присутствующие были в шоке. Кто бы мог подумать, и это наш безгрешный прокурор: убил беззащитного человека под наркотическим кайфом. Самохвалов с интересом наблюдал за присутствующими, наслаждаясь произведенным на них впечатлением. А про себя думал — даже, если бы пытали каленым железом, главную свою тайну он бы все равно не открыл.

Дело в том, что Самохвалов был хорошо законспирированным гомосексуалистом.

КАЖДОМУ СВОЕ

За соседской стеной отчетливо слышались крики, содержание которых, в основном, состояло из взаимных упреков и нетрадиционной лексики. «Будь ты проклят, алкаш проклятый, — слышался визгливый женский голос. — Ты просрал нашу молодость, а потом бросил меня с двумя детьми и несколько лет шлялся неизвестно где». Затем раздался оглушительный звон бьющейся посуды.

В небольшой семье Рабиновичей, состоящей из Абрама Моисеевича, Сары Львовны, двух котят, пуделя по кличке Артамон и попугая, скандалов никогда не было. Сидя за круглым столом и попивая чай с клубничным вареньем, семейство Рабиновичей, включая животных, с интересом прислушивалось к соседской разборке. Когда мат затих, и шум от падающей мебели за стеной прекратился, в комнате Рабиновичей наступила гнетущая тишина. Сара Львовна отложила в сторону недоеденный кусок торта «Прага» и, сощуриив глаза, пристально посмотрела на Абрама. «Шо такое?» — удивленно спросил Абрам Моисеевич. «Как что, как что? Разве ты забыл, разве ты не помнишь, как двадцать пять лет тому назад ты тоже собирался бросит нас на произвол судьбы из-за какой-то тощей блондинки. Как сейчас помню, я тогда воспитывала Мурочку с двумя малыши котятками и спаниеля Плутона. Скажи мне, как ты мог такое замыслить?» Абрам Моисеевич, желая избежать конфликта, потянулся за еще одним куском «Праги» и скороговоркой сказал: «Кто старое помянет, тому глаз вон».

ПРИГЛАШЕНИЕ НА УЖИН

Представить себе трудно, как Михалеву надоела суета

сует для добывания хлеба насущного. В эту пятницу он вышел с работы с огромным желанием хотя бы до понедельника забыть о своем бизнесе и проблемах, связанных с ним. Выключив мобильный телефон, оставив автомобиль на стоянке, Михалев решил тряхнуть стариной и очаровать какую-нибудь прекрасную незнакомку. Недалеко от Большого театра он наконец-то увидел подходящую претендентку. «Вы только не подумайте ничего плохого, просто Вы мне так понравились, что я набрался смелости просить Вас ужинать со мной в «Метрополе».

Одетая с хорошим вкусом молодая женщина от удивления даже сняла солнцезащитные очки, чтобы получше рассмотреть Михалева. «А вы ничего не перепутали, мужчина? Вы за кого меня принимаете? Я что, дала вам какой-то повод или я похожа на даму полусвета?» «Нет-нет, — прижав руки к груди, искренне начал оправдываться Михалев. — Упаси Боже, как Вы могли такое подумать? Верите ли, я так устал от дел, от проблем на работе, так замотался. Просто хочется пообщаться с красивой женщиной. Клянусь, Вы мне ничем не будете обязаны, по-ужинав со мной. Наоборот, это я буду обязан Вам. Обещаю после ресторана отвезти Вас, куда прикажете. Ну, соглашайтесь, прошу Вас!». В знак примирения женщина опять одела очки. «Ладно, так уж и быть, раз уж вы такой настойчивый. Тем более что я тоже собиралась перекусить. Но у меня условие — счет мы оплатим напополам. Можете не сомневаться, я в состоянии заплатить за себя сама».

Ужин удался, Михалев и милая незнакомка нашли общие темы для разговора. Выпили шампанского и даже потанцевали. По всему было видно, подвыпившей даме галантный Михалев нравился все больше и больше. Когда официант принес счет, дама легким движением сумела перехватить его и, порывшись в сумочке, достала кошелек. «И не вздумайте возражать», — сказала она

Михалеву, вложив в счет половину указанной суммы.

Взаимно довольные собой, Михалев и не-знакомка вышли из ресторана лучшими друзьями. «Ну, а теперь, как и обещал, куда прикажете Вас отвезти?» — предложил Михалев. Но у подвыпившей дамы были уже другие соображения и планы. «А знаете что, — предложила она. — Вы мне тоже очень понравились, я требую продолжения банкета. Хотите пригласить меня к себе? А если нет, можете переночевать у меня». Улыбающееся лицо Михалева в мгновение ока побледнело и вытянулось. «Да вы что, да как вы могли такое подумать! Да за кого вы меня принимаете?»

Разгневанный, оскорбленный Михалев резко развернулся и, не попрощавшись, зашагал в другую сторону.

МОБИЛА

Василий опаздывал. Маршрутки, как назло, долго не было, а с неба лился мелкий, нудный дождь. Когда маршрутка прикатила, свободных сидячих мест не оказалось, пришлось стоять в тесноте, духоте. Пожилой водитель не был поклонником быстрой езды, да и зачем торопиться, коробочка-то полна. Не спеша собирая с людей плату, он так же не спеша давал сдачу. После чего машина трогалась с места и, пристроившись за еле ползущим троллейбусом, ползла следом, давая обгонять себя другим машинам. Василий нервничал, злился, даже вспотел. Вдруг в этом душном аду из его кармана послышалась трель соловья — это звонил мобильник. «Алё», — Василий приложил трубку к уху. «Ты где? Тебя уже все заждались. Если через десять минут тебя не будет, мы уезжаем без тебя», — женский голос дрожал от обиды и раздражения. «Да не виноватый я, — в сердцах оправдывался Василий. — Просто невезуха какая-то: то дождь, то

маршрутки не было, то в пробку попали. Да и водила попался — хуже не придумаешь, старпер какой-то. Ползет как черепаха, просто зла не хватает. В общем, жди, скоро буду». В маршрутке воцарилась гнетущая тишина. Было слышно, как дождь барабанит по крыше. Водитель, свернув на обочину, остановился. «Эй, парень, давай выходи, или я дальше не поеду. Я себя оскорблять не позволю, у меня свидетелей полный автобус». «Да вы что, шутите, что ли, я из-за вас опоздал уже». «Вылазь, говорю, я таких гавнюков возить не буду», — водитель был непоколебим.

Чертыхаясь, проклиная гада водителя, Василий вышел из маршрутки под проливной дождь и понял, что до места назначения он доберется очень нескоро.

КАРНАВАЛ

Публику небольшого приморского городка развлекал карнавал. На ходулях расхаживали ряженные, под ногами пугающихся обывателей взрывались петарды, клоуны дарили детям шары, лицедеи разыгрывали пантомимы. Каждый веселился как мог, только грустный мим в одеянии Пьеро пускал обильные слезы.

Патанин сидел на бордюре, чуть в стороне от общего веселья. Он без интереса смотрел на толпу, стоявшую полукругом и глазающую на театральное действие, которое проходило под волнующую душу музыку.

Вчера Патанин расстался с той, кого любил. Она, осознав, что Патанин не сможет дать ей больше, чем уже дал, не устояла перед соблазном и уехала по приглашению в США. Иллюзий по поводу ее возвращения Патанин не имел.

В толпе зевак взгляд Патанина привлекла стройная девичья фигурка. Выцветшее от частых стирок платье-

сарафан на бретельках. Волосы собраны в пучок, перевязанный обыкновенной бечевкой. На ногах с черными пятками стоптанные шлепанцы. Девушка стояла на цыпочках, в на-дежде через головы других получше рассмотреть представление. Хрупкая фигурка девушки вы-зывала в Патанине нежные чувства. Не отрывая от девушки взгляд, он гадал, какое у нее лицо. Гремела музыка.

Теперь жизнь Патанина опять приобрела смысл. Он не уехал из курортного городка, хотя дома, в столице, его ждали кое-какие дела. Па-танин влюбился в самую обыкновенную девчонку. Ее примитивность, дикость и непосредственность очаровывали его. Ему захотелось во что бы то ни стало покорить, обуздать эту дикую дев-чушку с грязными пятками.

Девушка — практически сирота. Живет с ба-бушкой в поселке, где нет даже магазина. По всему видно, девушка живет небогато — за копейки печатает в поселковом Совете какие-то бумаги, плюс бабушкина пенсия. Может быть, в Патанине проснулись отцовские чувства. С непреклонным упорством он не оставлял девушку в покое, каж-дый день попадаясь ей на глаза. Приручал он девчонку примитивно, даря ей конфеты, плю-шевых медвежат, зонтики, кофточки, туфли и прочую ерунду. Соблазнял походом на эстраду, на выставку, в зоопарк. Через две недели девушка к Патанину попривыкла. А через месяц в ее одно-образной жизни ей Патанина с его предложениями стало не хватать. Они подружились, сблизились. Спустя три месяца после их знакомства девушка заметно преобразилась внешне и внутренне. Ее стали интересовать вещи, которые раньше любо-пытства у нее не вызывали: театр, литература, живопись, классическая музыка. Настал день, и Патанин предложил девушке

пожить у него дома в столице. Ни разу не выезжавшая дальше соседнего городка, девушка согласилась.

Столичная жизнь бурлила: новые знакомства, новые взгляды, новое мироощущение. Кто-то из состоятельных знакомых Патанина предложил девушке работу в модельном агентстве. Так прошел год. Провинциальную девушку теперь не узнать, теперь она выглядит как фотомоделль, разъезжает по столице на собственном авто и собирается снимать квартиру в престижном районе. Патанин против, он не хочет отпускать ее ни на шаг. Без всякого удовольствия он волочит ее за собой на разные элитные тусовки, просмотры, выставки, концерты. Когда их совместной жизни исполнилось два года, Патанин предложил девушке зарегистрировать законный брак, но был шокирован ответом — оказывается, у любимой другие планы. Она хочет жить отдельно, быть независимой, увидеть мир и добиться в жизни чего-нибудь стоящего.

Из поселка пришла телеграмма — умерла ба-бушка. Но девушка Патанина по горло занята делами. Она просит, чтобы схоронить бабушку съездил он. Через три дня из курортного городка Патанин позвонил, чтобы доложить: бабушка похоронена достойно, с отпеванием в церкви. В ответ любимая сказала, что теперь ее на родине ничего не держит, что она выходит замуж за итальянца и завтра уезжает навсегда. Просит ее простить и благодарит его за все, что он для нее сделал.

Патанину не хотелось возвращаться в столицу, в пустую квартиру. Он бродил по городку, в котором проходил какой-то фестиваль. По улицам ходили ряженые, с визгом взрывались петарды, а на импровизированной сцене шло представление грустных клоунов. Патанин, не желая находиться в толпе, отошел в сторону и устроился на бордюре. Его взгляд привлекла фигурка девушки в

полинявшей кофточке, в коротких шортах, волосы заплетены в две косички. Де-вушка, обутая в заношенные босоножки, под-нималась на цыпочки, чтобы лучше рассмотреть происходящее на сцене — при этом были видны ее черные от грязи ступни и пятки. Патанин с интересом смотрел на девушку и пытался представить, какое у нее лицо. Гремела музыка.

Лучшая защита — нападение.

БЮСТГАЛЬТЕР

Молодые у себя в гнездышке делали гене-ральную уборку. Заодно меняли постельное белье. Когда из пододеяльника извлекли одеяло, на пол выпал бюстгальтер. «Твой?» — спросил молодой муж. «Нет, у меня такого отродясь не было». «А чей же?» «Откуда я знаю». «Понятно», — молодой муж нервно заходил по комнате, крутя бюст-гальтер в руке. «Какой же я дурак, — начал он, — какой наивный дурак. Я давно подозревал, но не хотел в это верить. Ты изменяешь мне с Тamarкой, я это чувствовал с самого начала, но у меня не было доказательств. Говоришь, готовитесь с подругой к экзаменам, а сами вот чем здесь занимаетесь за моей спиной. Ну, спасибо тебе, дорогая, за все то хорошее, что я для тебя сделал».

Молодая жена стояла посреди комнаты в полной растерянности. На ее глаза навернулись слезы. «Ты что, с ума сошел, что ли? Как ты мог такое подумать? Мне, кроме тебя, никто не нужен», — хныча, забубнила она. Молодой муж даже подумал, а не отхлестать ли суженую для убедительности, в его праведном гневе, бюст-гальтером. Но, глядя на ее растерянный вид, решил, что это будет перебор. Похоже, что они с Тamarкой и на этот

раз выйдут сухими из воды.

БУЙСТВО СТРАСТЕЙ

Большой, яркий диск луны низко висел над морем. Анжела позвонила ему в назначенный срок. «Ты придешь сегодня ко мне?» — спросил он. «Конечно, ну, может, задержусь минут на двадцать на работе». «Целую и жду», — он повесил трубку. Квартира к ее приходу была уже подготовлена. Стол ломился от вкусных продуктов, среди хрустальных бокалов горела свеча. Кровать застелена специально купленным для таких дней шелковым бельем. Так происходит уже второй год — раз в неделю она у него в гостях, в уютном гнездышке, где они устраивают праздник души и тела.

Времени прошло много, а ее нет и нет. Он позвонил ей на работу — там уже давно все ушли домой — никого. Что бы это значило? К десяти вечера он был сам не свой от ожидания, а в полночь его осенило — она его предала, изменила. Кто-то неожиданно перехватил ее, кто-то неизвестный, о существовании кого он с ужасом давно подозревал, но всегда гнал от себя эту мысль. Всю ночь он не спал, в голову лезло черт знает что. Когда мысли о ее циничном предательстве становились невыносимы, он подходил к дверному проему, над которым была приделана стальная перекладина. Цепляясь за нее, он до изнеможения подтягивался, периодически повторяя эти изматывающие упражнения до самого утра.

В десять утра раздался телефонный звонок: «Если ты не простишь меня, я умру», — это была она. «Конечно, прощу. Ты придешь? Я буду ждать, входная дверь будет не заперта».

К вечеру их уютное гнездышко опять было готово к любовному свиданию, свеча зажжена. В

назначенное время она пришла, ужасно боясь утомительных объяснений. В комнате был полумрак, пламя свечи горело ровно. Через свободное от занавесок окно светила яркая луна, освещая комнату. В дверном проеме виднелся четкий силуэт повесившегося на перекладине мужского тела.

ОЧАРОВАННЫЙ ПИЛИГРИМ

На окраине небольшого городка проживала семья Дорсулдов. Семья состояла из пяти человек: папаша Дорсулд, мамаша Дорсулд, старший сын Дорсулд, дочь Мариам и Дорсулд-младший. В семье Дорсулдов никогда не было материального достатка и мира. Было похоже, будто бы в небольшой обветшалый домик поместили совершенно несовместимых друг с другом людей. Домочадцы были нарочито грубы друг с другом, и каждый замкнулся в себе. Мужчины выращивали тюльпаны, мамаша Дорсулд стирала богатым людям белье, а дочь Мариам каждое утро разносила и то, и другое по городу.

Старший брат любил бездельничать и мечтал найти мешок с деньгами. «Если найду, — думал он, — в первую очередь куплю себе хорошего табака, чтобы не забивать в трубку пожухлую траву или опавшие листья».

Папаша Дорсулд любил выпить и часто на-ходилсЯ в плохом расположении духа. Особенно когда кроме воды нечем было промочить горло. Вот и сейчас он с ненавистью смотрел на штопаный-перештопанный, усеянный жирными пятнами фартук жены и думал, что где-то наверняка у старой ведьмы припрятана бутылочка сливовки.

Дорсулд-младший, мальчик злорадный и жадный, мечтал стать часовых дел мастером и где-нибудь

подальше от семьи открыть свою мастерскую. Но как это сделать, когда нет инструментов.

Однажды на улице к Мариам подошел молодой человек, о чем-то спросил, сказал, что он впервые в этом городе и хочет его осмотреть. Если Мариам не против, он готов сопровождать ее и нести тяжелую корзину с бельем и тюльпанами. Никогда молодые люди не оказывали Мариам такого внимания, ей стало лестно, и она согласилась.

За целый день Мариам и молодой человек исходили город из конца в конец. Молодой человек с любопытством расспрашивал Мариам о ее семье и очень интересовался подробностями. Кто из членов семьи что любит, чего хочет, о чем мечтает и у кого какой характер. Мариам рассказала молодому человеку все, кроме последней правды. Она умолчала о том, что в семье процветает грубость и неуважение друг к другу. В ее идиллическом рассказе фигурировали совсем другие персонажи и другие отношения. Конечно же, Мариам выдавала желаемое за действительное. Из ее рассказа следовало, что в семье Дорсулдов царит любовь, культура, уважение. По дороге молодой человек часто забегал то в лавку, то в магазин и делал какие-то покупки. Когда последнее белье было отдано хозяевам, молодой человек попросил разрешения проводить Мариам домой. Узнав, что Мариам копит деньги, чтобы купить себе платок, потому как ее плечи то страдают от жары, то мерзнут от холода, молодой человек в очередной раз забежал в магазин и упрятал покупку в свой объемистый рюкзак. Когда они подошли к дому, где жила Мариам, молодой человек неожиданно для нее напросился в гости. «Вы не представляете, как я хочу увидеть ваших прекрасных родителей и замечательных братьев. Мне не терпится засвидетельствовать им свое уважение и выразить восхищение родителям, что они сумели воспитать таких чудесных детей». Мариам залилась краской и попыталась

найти какие-нибудь аргументы против. Но молодой человек решительно взял ее за руку и сказал: «Ну, пойдемте же, Мариам, мне просто не терпится увидеть всех».

В доме Дорсулдов, как всегда, царил кавардак. В гостиной, за большим неубранным столом с замызганной скатертью, в ожидании хоть какой-то еды сидели представители мужского пола. Мамаша Дорсулд, чертыхаясь, пыталась жарить лепешки, они все время подгорали, потому что масло закончилось еще вчера. Папаша Дорсулд ворчал, что вечно в доме шаром покати, ни масла, ни наливки. Старший брат крутил в руках пустую трубку и отпускал недовольные реплики то в сторону отца, упрекая его в желании все пропить, то в сторону матери за неумение вести хозяйство. Младший Дорсулд злорадно хихикал, радуясь, что старшие опять сцепились. Он лыбился, пока не получил увесистый подзатыльник от старшего брата. В этот момент входная дверь распахнулась и на пороге появилась Мариам и неизвестный молодой человек. В комнате сразу воцарилась гробовая тишина. «Здравствуйте, — нарушил тишину молодой человек. — Мы с Мариам познакомились на улице, и она была так любезна, что пригласила меня на чашечку чая, чтобы познакомить меня с вами. Кстати о чае, миссис Дорсулд, я не знаю, каким сортом чая вы потчуете своих домочадцев? Но я на свой страх и риск купил вот этот», — и молодой человек извлек из рюкзака банку самого лучшего английского чая. Ничуть не смущаясь гробовой тишины, молодой человек прошел в комнату. Перешагнув через перевернутый кем-то табурет, он вручил мамаше Дорсулд банку с чаем, который ей приходилось видеть только на рекламных картинках. «И вот еще, — добавил молодой человек, — позвольте вам преподнести этот скромный подарок», — и молодой человек извлек из пакета красивый кружевной фартук. «Думаю, он вам будет очень к лицу». Отойдя от ошарашенной мамыши Дорсулд, у которой на этот раз

полностью сгорела лепешка, повернувшись к главе семейства, молодой человек торжественно сказал: «Мистер Дорсулд, от вашей дочери я слышал о вас так много хорошего, что для меня большая честь видеть перед собой такого замечательного джентльмена, как вы. Позвольте от всей души вручить вам поистине мужской подарок». И молодой человек достал из рюкзака бутылку хорошего шотландского виски. Ничего не понимающий мистер Дорсулд вытаращил на бутылку глаза и попытался что-то сказать, типа, благодарю вас, сэр. Но вместо этого только мычал. Оставив мычащего папашу, молодой человек подошел к оцепеневшему как истукан старшему брату. «Мариам рассказывала о вас, как о лучшем брате, какие только бывают — она гордится вами. В знак уважения позвольте подарить вам пачку отличного голландского табака». Старший брат, приняв подарок, так и не смог выйти из состояния ступора. Младший, с любопытством наблюдавший за происходящим, почувствовал, что все взгляды устремились теперь на него, и съежился от страха. «Юный друг, — обратился к нему молодой человек. — Мариам говорит, что вы — будущий гений в механике, и ваша семья возлагает на вас большие надежды. Я не сомневаюсь, что вы станете богатым и знаменитым. Надеюсь, мой скромный подарок поможет осуществлению ваших планов». Из рюкзака была извлечена коробочка с инструментами, о которых юный Дорсулд даже мечтать не мог. «Да, чуть не забыл, Мариам, — молодой человек обратился к так и оставшейся стоять на пороге комнаты Мариам. — Думаю, этот платок согреет вас в холод и спасет от жары. Хотя поверьте мне, такая замечательная девушка достойна гораздо большего. А теперь позвольте, миссис Дорсулд, помочь вам накрыть на стол».

С этой минуты все члены семьи как с цепи сорвались — каждый нашел для себя дело. Кто-то расставлял по местам мебель, стирая с нее пыль. Со стола была убрана

грязная посуда и старая скатерть. Стол накрыли новой белой, а посередине поставили банку с тюльпанами. Мариам быстро помыла чашки, младший вынес мусор, и каж-дый, как мог, привел себя в порядок. Миссис Дорсулд вместо замызганного старого фартука одела новый, изменившись при этом до неузна-ваемости. Откуда-то из неприкосновенных запа-сов на столе появилась розетка с вишневым ва-реньем, а младший Дорсулд выложил на стол несколько кусочков когда-то припрятанного им сахара. Мариам в новом платке расцвела и по-хорошела. Глава семьи откупорил бутылку, налив немного виски в стакан, он долго нюхал, пробовал на вкус и восторженно цокал языком. Старший брат долго набивал трубку, после закурил и комнату наполнил ароматный запах. Впервые за долгое время на лице его сияла улыбка. Он покачивал головой, как бы говоря: «вот это табак, вот это я понимаю». Младший был счастлив тем, что чай был сладкий как мед, а лепешки с вареньем такие вкусные, что хотелось облизать не очень чистые пальцы, но он старался вести себя при-лично. Все восхищались ароматом чая и любо-вались друг другом, впервые радуясь за себя и за своих родных.

Молодой человек восхищенными глазами по-смотрел на присутствующих и сказал: «Вот именно так я себе все и представлял. Как приятно видеть вокруг себя таких замечательных людей». Часы на стене пробили девять, и молодой человек заторопился. На прощанье он сказал, что никогда не забудет этого замечательного вечера. Сказал и так же поспешно удалился, как и пришел.

Домочадцы впервые не спешили разойтись по своим углам и еще долго сидели за столом, обсуждая появление незнакомца, выдвигая на этот счет разные версии.

Утром все вышли из своих закутков и в полной тишине собрались за столом. Каждый хотел убе-диться, что вчерашнее ему не приснилось. Но на чистом столе стояли

цветы, рядом — бутылка виски, лежала пачка голландского табака и ко-робочка с инструментом. На миссис Дорсулд новый фартук, а Мариам в новом платке. «Сейчас накор-млю вас кашей», — сказала миссис Дорсулд и неаккуратным движением опрокинула бутылку с виски. Та стукнулась о банку с цветами и банка раскололась, залил пачку с табаком и намочив ко-робочку с инструментом. «Чтоб ты сдохла, дура старая», — заорал на нее взбешенный мистер Дорсулд. «Чтоб поотсыхали у вас руки, маманя», — закричал старший брат, пытаясь спасти свой табак. «Нечего разбрасывать, где попало свои вещи», — оправдываясь, кричала миссис Дорсулд. «Чего разорались, мужланы», — визжала Мари-ам, пытаясь заступиться за мать. Младший Дор-сулд, прижав коробку с инструментом к груди, как всегда, ехидно улыбаясь, наблюдал, как гры-зутся взрослые.

ПРЕДАННЫЙ ЖЕНЩИНЕ

1. Преданный женщине

Пономарев, к своему блаженному удовольствию, открыто, не прячась от общества, играл с девушкой в любовь — он стеснялся, она краснела. Еще бы, девушка законной жене Пономарева годилась в дочери. Как папа с дочкой, ходил Пономарев с девушкой по городу, держа ее за ручку. Оба чувствовали, ловили на себе множество то недоуменных, то открыто враждебных взглядов. Но, как бы там ни было, Пономарев ни за какие муки, ни за какие блага не желал, чтобы эта связь прекратилась. Он даже перестал заниматься сексом с женой, не желая изменять любимой. Но девушка есть девушка. Ей не то чтобы стало с Пономаревым скучно или неинтересно — нет. Просто так уж устроена женская сущность: если появляется кто-

то новенький, трудно удержаться и упустить. Во-первых, интересно, во-вторых, потом жалеть будешь об упущенном. О плохом в такие минуты женский пол старается не думать.

2. Преданный женщиной

Однажды в контору, где работала девушка, зашел мужчина, такой же взрослый, как и Пономарев. Мужчина очень приятно пообщался с девушкой, умело делая комплименты. Оформил бумаги и ушел. А на следующий день явился опять с конфетами и цветами. После мужчина часто звонил, приходил, делал подарки и стал уже как бы своим. Он все время предлагал девушке прокатиться с ним за город, в заповедник, посетить знакомого лесника, покормить с рук оленей. Девушка кокетничала, говорила, что не может, не скрывала от мужчины, что у нее уже есть человек, с которым она постоянно встречается. Но обаятельный, веселый, добрый (как показалось девушке) мужчина был так настойчив: «Так ведь мы же без всяких дел, мы же просто подружески, покатаемся, развеемся и ничего больше. У меня у самого жена и двое детей».

Девушка уступила и впервые на свидание к Пономареву не пришла. А он ждал. Мужчина не обманул, был заповедник, лесник, шашлык, вино, олени и банька — где все и произошло. На следующий день по телефону (из-за недостатка опыта) девушка что-то неумело врала Пономареву. Но на свидание опять не пришла, уехав с новым знакомым на какую-то турбазу в горах. После турбазы и у девушки, и у мужчины интерес друг к другу немного ослаб. Его потянуло в семью, она соскучилась по Пономареву.

Наконец-то Пономарев со своей девушкой встретился. В разговоре на нее надавил, а она, хоть и пыталась врать и даже клясться ему в верности, в конечном итоге

раскололась, и Пономарев вытянул из нее всю нелюбезную правду.

Удар был настолько силен, что он даже не мог заняться с ней сексом. Брезгливость, обида, оскорбленное самолюбие так сильно придавили его, что он от любви сразу перешел к лютой ненависти.

3. Преданный мести

План отмщения у Пономарева созрел спонтанно.

«Если любишь меня, — сказал он девушке, — если не хочешь меня потерять, дай мне номер телефона этого мужика. Я хочу с ним пообщаться. Я просто хочу с ним договориться, чтобы он больше тебя никогда не беспокоил», — умело слукавил Пономарев.

К вечеру следующего дня Пономарев позвонил сопернику. От неожиданности тот был явно смущен и напуган, жалея и проклиная себя за то, что связался с такой дурой. Но Пономарев сумел на встрече настоять, гарантируя, что разборок не будет. Просто Пономарев обязательно должен с глазу на глаз сообщить мужчине кое-что важное.

Мужчина очень нервничал, готовясь к встрече, продолжая корить себя за допущенную слабость. За то, что клюнул на смазливую мордашку, признавая, что в основном девка-то и слова доброго не стоит, по крайней мере жене его и в подметки не годится. На всякий случай мужчина взял с собой пушку и друга-каратиста, вкратце рассказав ему о неудачном походе. Тот обещал быть начеку и наблюдать за встречей со стороны.

Встретились в людном месте — в кафе. Пономарев не стал ходить вокруг да около. Он достал из бумажника документы и несколько справок с результатами анализов. Все справки были заверены подписями, штампами и

печатами. В них черным по белому было написано, что Пономарев ВИЧ-инфицирован.

«Просто это мой долг, предупредить вас. Ведь, насколько мне известно, у вас хорошая жена и двое детей. А что касается нашей общей зна-комой, конечно, она все прекрасно знала и пони-мала, что делает. У меня с собой даже копия вы-писки из ее истории болезни, где говорится, что она, будучи ВИЧ-инфицированной, под страхом уголовной ответственности не будет вступать в половую связь с посторонними. А ведь вы, насколько мне известно, веселились с ней без ре-зинки. Вот такая вот штучка попалась нам с вами на жизненном пути. Я вам правду скажу, я ведь почему ее не убил, когда в свое время узнал, что у нее ВИЧ. Да потому, что когда у нас с ней начались отношения, она и вправду ничего не знала. Это позже уже, года через два после того, как ее заразили, в самом разгаре нашей любви, она сдавала кровь как донор — тут все и вы-яснилось, да уже поздно было. Ну, в общем, жить как-то надо, вот я и смирился.

А вас мне искренне жаль, я бы на вашем месте придушил эту суку. Но это уже вам решать, я свое дело сделал, предупредил вас, хотя, навер-ное, уже поздно. А теперь прощайте навсегда». Пономарев встал и ушел, оставив бледного как смерть мужчину, впавшего в оцепенение, сидеть за столом.

Выйдя из кафе, Пономарев сел в машину, вложил в рот сигарету, чиркнул зажигалкой, и липовые справки, которые он за деньги через знакомого венеролога сумел сделать за один день, загорелись и превратились в тлен.

Р. S. Ни свою неизвестно куда пропавшую девушку, ни мужчину, с кем она ему изменила, Пономарев больше никогда не видел.

ПРОПУСК НА СПЕЦПЛЯЖ

Напротив массивных и тщательно охраняемых ворот санатория закрытого типа, в небольшеньком палисадничке каждый день милостивая девушка выгуливала собачку. В ворота и из ворот постоянно въезжали и выезжали солидные лимузины, привозя и увозя сильных мира сего. Санаторий функционировал не для простых смертных, а только для лиц, приближенных сами понимаете к кому.

На простоволосой девушке — облегающее стройную фигурку, коротенькое ситцевое платьице. На лице никакой косметики, на длинной шее крупные ярко-красные бусы, которые выдавали в ней местную жительницу и привлекали внимание не меньше, чем стройные ножки. Конечно же, девушка не могла быть незамечена приезжающими мужчинами, особенно, если те прибывали соло — то есть без жен.

Как-то из очередного подъехавшего к воротам лимузина вышел водитель, облаченный в специ-альную униформу. Подойдя к девушке, он в знак приветствия поднес руку к козырьку и вручил ей визитную карточку: «Очень рекомендую Вам позвонить. Гарантирую, Вас ждут приятные сюр-призы». Этим же вечером, воспользовавшись предложением, девушка так и поступила. «Вы просили позвонить, вот я и звоню». Господин, приближенный к ..., назначил девушке свидание. Приехал за ней на спортивной машине и пригласил в лучший ресторан. Очаровавшись молодостью и красотой, господин сделал предложение провести с ним несколько незабываемых дней, пока он находится здесь. В обширную программу входили ежедневные прогулки на яхте, посещение местных бутиков и еще много, много всего — кроме предложения руки и сердца.

Девушка ни от чего предложенного отказываться не

стала и провела несколько дней не хуже, чем на французской Ривьере. Перед отъездом довольный девушкой господин спросил, есть ли у нее просьбы и пожелания. «Мне с Вами было так хорошо и интересно, — сказала она загадочному господину, приближенному к ... — И чтобы вспоминать эти несколько чудесных дней, я бы хотела иметь пропуск на двух человек на санаторный пляж, чтобы, приходя, вспоминать проведенные с вами дни». «Ну, для меня это — пустяк», — немного ревнуя, загадочный господин поинтересовался — почему на двоих? «Буду ходить на пляж с мамой, чтобы никто из мужчин не приставал».

Ответ очень понравился господину, и пропуск на двоих он сделал.

Р. С. «Володька, привет из Крыма, — звонила в Днепропетровск та самая девушка обожаемому парню. — Когда приедешь? Ведь каникулы уже начались. Да и пропуск на твой любимый пляж у меня уже в кармане». «Ну, ты — вол-шебница, и как тебе это только удастся?» — ради приличия спрашивал парень. «Как, как, а так же, как и в прошлом, и позапрошлом году. Уметь надо!»

У КОГО КРЫША КРУЧЕ

Два нувориша-бизнесмена, не предполагая о существовании друг друга, с женами и детьми приехали на отдых в Ялту. Все было хорошо, и тому, и другому отдыхалось прекрасно. Но случайно в бассейне они, пlying друг другу навстречу, столкнулись. И тут началось: «Ты что, козел, не видишь, куда плывешь, тебе что, бассейна мало?» — выплеснув раздражение, сказал один. «Это моя дорожка, петух ты гамбургский, я по ней каждый день плаваю», — ответил другой. «Ты что, ее купил, что ли?» «Если надо, я и тебя куплю с потрохами». Бизнесмены еще долго препирались на повышенных тонах, говоря друг другу непростительные мерзости —

пока их не растащили жены. «Порву козла», — дрожа от гнева, пообещал один. «Изничтожу петушару», — грозил другой.

По месту жительства оба бизнесмена платили дань так называемой «крыше». Просить помощи или защиты у своих грозных покровителей ни тому, ни другому пока не приходилось — вот случай и предоставился. Не откладывая в долгий ящик, оба позвонили в свои города с жалобой, что на них наехали.

Надо отдать должное крышующим и того, и другого: уже на следующий день к центральному входу гостиницы «Ялта» подъехали несколько черных BMW с днепропетровскими и запорожскими номерами.

Расселившись, братишки за обедом выслушали своих подопечных. «Ладно, разберемся», — уверили они уже пожалевших, что все это затеяли, бизнесменов. Для начала и тому, и другому пришлось оплатить поселение и обед проголодавшихся братишек. Вечером, в загородном ресторане, за счет пострадавших сторон, крышующие из разных городов забили друг другу стрелку, чтобы получше узнать, «кто есть кто».

Встретились, познакомились, любовно договорились, выпили за здоровье друг друга и разошлись. На следующий день популярно объяснили своим подопечным, что те были очень неправы, поскольку были побеспокоены очень крутые люди, и жизнь бизнесменов висела просто на волоске. Но, несмотря на щекотливое дело, братве удалось договориться. Теперь, чтобы уладить дело до конца, надо не только оплатить дорогу, постой в отеле и все прочие расходы, но и отстегнуть пострадавшей стороне крупную сумму отходного — иначе может пролиться кровь.

Делать нечего, и тот, и другой бизнесмен со словами благодарности заплатили, сколько казано было и, забрав домочадцев, покинули Ялту.

Р. С. В открытом бассейне при гостинице «Ялта», разделившись на две команды, днепро-петровские и запорожские подружившиеся братки, отдыхая от трудных дел, с азартом играли в водный волейбол.

ТОЛИК И ЭДИК

«Точно я вам говорю, пацаны — педик он. Сам своими глазами видел, как он покупал кассеты с гомосеками», — подвыпивший Эдик пытался убедить знакомых пацанов, знавших и его, и Толика в том, чего нет.

Суд признал Эдика невиновным, мотивируя тем, что тот защищал свою честь и достоинство.

Толик набил Эдику морду, даже не морду, а так, наподдал чуть-чуть. Эдик Толика кое в чем обманул (кинул на бабки) и, вдобавок, распускал о нем нехорошие слухи.

Побитый Эдик хныкал как девочка и напоминал обиженного мопса. Толик зверствовать не стал, так, поддал чуток для острастки — один удар в поддых и пинок в зад. Незлобивому Толику стало Эдика жалко. «Ладно, живи, гаденыш, а долг вернешь, когда сможешь», — примирительно сказал он и даже стряхнул пыль с пухленькой попки Эдика.

Через несколько дней Эдик сумел опять втереться Толику в доверие: «Да верну я тебе деньги, прямо сегодня и верну. А гадости, те, что о тебе кто-то там распустил — это не я, честное слово, не я. Давай спустимся в подвал, там у меня тайник с деньгами».

На суде Эдик говорил, что Толик силой и угрозами затащил его в подвал. «Там, в подвале, он меня домогался и склонял к развратным действиям», — утверждал Эдик.

Удар в шею острым предметом пришелся на сонную артерию. Толик истек кровью. Суд осудил Эдика условно — превышение самообороны.

«Ну что, убедились? Я же вам говорил, что он педик»,

— Эдик смело смотрел в глаза знакомым пацанам.

ДРУГ МОЙ — ВРАГ МОЙ

Слишком много в жизни Антонова появилось людей, даже поверхностное знакомство с которыми было ему нежелательно. Кто-то из этих знакомых не нравился внешне, кто-то характером, кто-то раздражал и действовал на нервы. Выход был найден. Если раньше Антонов долго терпел или всеми доступными способами избегал нежелательных контактов, то теперь вести себя по отношению к ним стал по-другому — он с ними нарочито ссорился. И надо признать — это у него хорошо получалось. За короткий отрезок времени ему удалось перессориться со всеми, с кем он пожелал. Сделав из друзей заклятых врагов, он продолжал между тем жить среди них.

Результат налицо. Антонову стало жить на-много лучше и спокойней. Теперь-то он точно знал каждого врага в лицо. А они, заделавшись его врагами, начали старательно избегать с ним встречи, а он этого только и ждал.

ШАРФ НА ТРОИХ

Евсеев неплохой, своеобразный писатель и стихи сочиняет хорошие. Издается редко, маленькими тиражами, потому как все расходы оплачивает сам. Сборников рассказов у него уже не два и не три — десять, а широкой известности нет. Но по этому поводу Евсеев не напрягается, ждет и надеется, что судьба когда-нибудь сведет его с теми, кто делает талантливых людей богатыми и знаменитыми. А если нет, то и не надо — Евсееву и так живется хорошо. Те, кто читает его сборники — в восторге, денег, худо-бедно, на жизнь хватает, но, главное, у Евсеева есть любовь. Он любит молодую красивую женщину, а она любит его, таким, каков он есть — без больших денег и вселенской славы.

Иногда рассказы Евсеева печатают в местной газете, которая принадлежит здешнему печатному магнату и известному в городе сердцееду Белохвостову. Белохвостов, в отличие от Евсеева, одарен другими талантами: делать деньги и разбивать женские сердца.

Дружбы между Евсеевым и Белохвостовым не случилось. Привыкший быть первым во всем, нарцисс Белохвостов в глубине души очень завистлив к чужим женщинам, богатству, талантам и успеху вообще. Он желает, чтобы окружающие восхищались только им и завидовали только ему. Потому Белохвостов женат на первой в городе красавице (победившей на конкурсе красоты), имеет самый красивый в городе дом и самую престижную машину. Одевается в лучших бутиках и имеет надменный вид, разговаривая с людьми снисходительным тоном.

Белохвостов тоже пытается написать что-нибудь стоящее и печатает написанное в своей газете, чем вызывает за своей спиной насмешки и дает пищу для пересудов злопыхателям. Может, и поэтому тоже, талантливый Евсеев, имеющий массу почитателей и почитательниц, не страдающий жаждой славы и богатства, раздражал его, как никто другой. Чем больше хвалебных слов Белохвостов слышал от других о книгах или отдельных рассказах Евсеева, тем больше проникался завистью и раздражением.

Однажды, когда Евсеев пришел в издательство, чтобы напечатать очередной рассказ, Белохвостов пригласил его в кабинет для частного разговора. В свойственной ему снисходительной манере он предложил Евсееву продать ему, Белохвостову, права на произведения Евсеева, озвучив при этом смехотворно низкую цену. «Спасибо, конечно, за предложение, но об этом и речи быть не может. Своим творчеством, жизнью и судьбой я предпочитаю распоряжаться сам». «Ну-ну», — пробубнил Белохвостов, не скрывая своего раздражения, и

добавил: «К сожалению, наше издательство больше не сможет печатать ваши рассказы». После чего мужчины, крайне недо-вольные друг другом, разошлись.

При встрече с любимой Евсеев сразу забывал обо всех неприятностях жизни и становился счастливым. Поэтому он не стал рассказывать Ангелине о неприятном разговоре с Блохвостовым. «Предлагаю пройтись по магазинам. Посмотрим, чем торгует страна, а после посидим в кафешке», — предложил он. «Я согласна», — ответила Ангелина и поцеловала Евсеева в губы. В одном из бутиков Ангелина долго не могла оторваться от понравившегося ей шарфа, который был эффектно наброшен на женский манекен. Но из-за непомерно высокой цены от покупки пришлось отказаться. «Не горюй, — утешил ее Евсеев. — Когда-нибудь мы разбогатеем, и я куплю тебе де-сять таких». «Ловлю на слове, и не забудь приба-вить норковую шубу», — смеясь, ответила Ангелина.

На следующий день Евсеев отнес в ломбард золотое кольцо и купил понравившийся Ангелине шарф. «Носи, любовь моя, — сказал он, глядя на сияющую от счастья Ангелину. — И знай, норковая шуба за мной».

Мстить Евсееву Белохвостов решил через жен-щину, желая нанести удар по самому для Евсеева святому месту — по его любви.

Выследив Ангелину на улице, Белохвостов подъехал к ней на своем шикарном авто. Выйдя из машины, Белохвостов, явно демонстрируя без-укоризненно сидящий на нем костюм, подошел к Ангелине. «День добрый, вы сегодня еще пре-красней, чем обычно, — сделал он комплимент удивленной его вниманием

Ангелине. — А этот шарф делает вас намного эффективней любой фотомодели». «Спасибо за комплимент, этот шарф мне подарил Евсеев», — с гордостью ответила Ангелина. Пропустив мимо ушей ее последние слова, Белохвостов продолжил: «А ведь я к вам по делу. Я всегда восхищался вашей красотой, и в связи с этим у меня появилось к вам деловое предложение. Я хочу украсить обложку своего журнал вашим фотопортретом и, если пожелаете, сделать большой настенный календарь, где вы будете демонстрировать последние модели купальников известных фирм. Такие предложения женщины получают только раз в жизни. Вы сразу станете знаменитой и заработаете кучу денег». От неожиданного предложения Ангелина явно растерялась, даже смутилась: «Да нет, календарь, наверное, отпадает, а на обложку, ну, я не знаю, мне надо посоветоваться с Евсеевым».

«Наоборот, не надо, — пользуясь растерянностью Ангелины, уверенным голосом продолжал Белохвостов. — Сделайте ему сюрприз. Представьте, как ему будет приятно видеть ваше фото во всех газетных киосках, да еще в шарфике, подаренном им. Сейчас мы сделаем пробные фото. Садитесь в машину, едем, нас с вами уже ждут на фото-студии». Ангелина и не заметила, как оказалась в машине Белохвостова. «Сейчас мы сделаем несколько пробных фото, — не давая Ангелине опомниться, говорил Белохвостов. — И попробуем сделать несколько фото для большого календаря. Это очень престижная и высокооплачиваемая работа — мечта любой женщины. И если пробные фото будут удачными, мы завтра же подпишем с вами договор».

В каком-то незнакомом Ангелине переулке машина остановилась. «Пойдемте, нас ждут», — Белохвостов перешел на тон, не терпящий возражений. По узкой лестнице они спустились в полуподвальное помещение, оборудованное под фотостудию. Их встретил

толстенький лысоватый коротышка с маленькими красными глазками. «Знакомьтесь, это наш лучший фотограф Илья». Толстенький мужчина засуетился возле Ангелины, усадив ее напротив зеркала. Закончив с макияжем, он сделал несколько портретных снимков. «А теперь пройдите за ширму, разделитесь и примерьте один из купальников, посмотрим, как это будет выглядеть», — елейным голосом предложил толстенький коротышка. «Я сегодня явно не готова, — засмузилась Ангелина. — Может быть, завтра?» «Нет, нет, пробы надо непременно сделать сегодня. Илюша у нас и без того чрезмерно за-гружен — от моделей отбоя нет», — Белохвостов с хлопком откупорил шампанское и разлил в два бокала. «Давайте выпьем за ваш успех, Ангелина. Шампанское поможет вам расслабиться. Пьем до дна, а после я уехал, чтобы не смущать вас, у меня важная встреча. А вы поработайте с Ильей, сколько надо, и он отвезет вас домой».

Телефон Ангелины не отвечал. «Странно, — думал Евсеев. — Где же она может быть?» Наконец телефон зазвонил, но вместо голоса Ангелины в трубке раздался незнакомый мужской: «В почтовом ящике вас ждет письмо с сюрпризом», — и трубку повесили.

Обеспокоенный Евсеев спустился по лестнице вниз, открыл почтовый ящик и взял увесистый конверт без опознавательных знаков. Вернувшись в комнату, он распечатал конверт и был ошарашен увиденным. На снимках была его Ангелина, голая, позирующая в непристойных позах, и почти на каждой фотографии присутствовал шарф, по-даренный им. Не верящий своим глазам Евсеев вздрогнул от еще одного телефонного звонка. Тот же елейный мужской голос сказал: «А сейчас твоя красotka с двумя мужиками снимается в порнухе у

себя дома. Спешу, а то опоздаешь», — и трубку опять бросили. Евсеев дрожащими руками сгреб фотографии со стола и, запихав их опять в конверт, выбежал из дома.

Дежурный по городу принял странное сообщение. Неизвестный телефонировал: «Приезжайте скорее по такому-то адресу. Судя по крикам, там кого-то убивают».

Оперативная группа прибыла по названному адресу. В маленькой уютной квартире на постели лежала красивая женщина, задушенная шарфом. Возле кровати на коленях стоял мужчина, держа покойную за руку. Мужчина был явно не в себе, находясь в шоковом состоянии. На вопросы отвечал невпопад. При обыске у него нашли конверт с эротическими фотографиями убитой. А в сумочке задушенной были обнаружены наркотики.

Первой и основной версией следствия стало убийство на почве ревности. Все другие версии за недостаточностью улик по ходу следствия отпали.

Белохвостову через подставных юридических лиц удалось склонить сидящего за решеткой Евсеева подписать-таки договор о передаче всех прав на его творчество. Таким образом, Евсеев смог оплатить своих адвокатов. В конце концов Евсеева, который психологически так и не смог до конца оправиться от удара и не сумел на суде доказать свою непричастность к убийству, осудили на шесть лет общего режима за убийство в состоянии аффекта. Газета Белохвостова первая напечатала сенсационную статью о ревнивом душителе и его подружке-наркоманке, которая втайне от доверчивого влюбленного вела двойной образ жизни.

Белохвостов, пожиная плоды чужого таланта, съездил в столицу и заключил очень выгодный для себя договор с большим издательством, опубликовав под своим именем книгу избранных рассказов, написанных Евсеевым. Охваченный звездной болезнью Белохвостов восхищался собой, когда вспоминал о придуманной и блестяще осуществленной им мести. У него до сих пор шли мурашки по телу при воспоминании о том, как он подсыпает в шампанское смущенной свалившимся на нее событием Ангелине сковывающий волю человека наркотик, как они с похотливым фото-графом раздевают потерявшую способность к сопротивлению Ангелину. Как глумятся над ней, фотографируя ее в непристойных позах. А когда на улице стемнело, они, уложив Ангелину на заднее сидение автомобиля Илюши, отвозят ее домой. Открывают найденным в ее сумочке ключом дверь, кладут ее на кровать и, взявшись за концы шарфа, душат. Подложив в ее сумочку наркотики, делают два звонка Евсееву и один в милицию — гениально! Белохвостов был горд собой.

Р. С. Некоторое время спустя, милицией, по делу изготовления и распространения детской порнографии был задержан подпольный фотограф Илюша (так его называли в определенных кругах). Следователь слегка надавил на педофила и он, расключившись, раскололся, признавшись во всех тяжких, рассказав и о деле Евсеева-Ангелины. Шестидесятилетний пухленький коротышка Илюша, обливаясь слезами, клялся, что он здесь совсем не при чем. Это негодяй Белохвостов заставил его участвовать в злодеянии, угрожая придушить и его тоже.

Евсеев был оправдан и освобожден. Он уехал из России в Крым. Говорят, его часто можно увидеть на ялтинской набережной. Он по-прежнему один, продолжая любить свою Ангелину. Как и раньше, пишет рассказы, теперь уже не показывая их никому, чтобы не

вызвать зависть у людей типа Белохвостова,
осужденного на двадцать пять лет.

СИНДРОМ НЕУДАЧНИКА
(отрывки из мужской жизни)

Многое, очень многое, если не все,

*можно трактовать по-разному,
начиная от наших поступков,
заканчивая Библией.*

ЧУДО ПЕРВОЕ: РОЖДЕНИЕ.

**Желая наслаждений, не забывай
о последствиях.**

«Подожди, подожди, Павлуша, у меня сейчас опасные дни. Поостынь, надень презерватив». Она попыталась отстранить его большое тело, при-давившее ее к постели. «Не бойся, я не в тебя», — он тяжело дышал, раскраснелся и не желал ждать.

После они лежали рядом. Он — удовлетво-ренный, опустошенный, она — переполнена волнением, беспокойством. «Ну, как же ты так, Павлуша? Ведь обещал не в меня». «Так получи-лось, извини», — он повернулся набок, зевнул.

В должное время месячные не начались, не пошли и три недели спустя. Она перепробовала практически все доступные ей народные методы и средства, чтобы избавиться от плода. Пытаясь вызвать выкидыш, она даже падала на живот. В местах ее обитания ни гинекологов, ни женских консультаций не было. Роды принимала бабка-повитуха. Она была почти уверена, что младенец родится мертвым. Младенец по фамилии Карташов полудохленьким и родился: маленький недоно-шенный, вялый, жизнь едва тлела в крошечном тельце.

***Все заслуги некоторых псевдоматерей перед
человечеством заключаются в том, что они могут
произвести на свет либо дурака, либо негодяя. Или
безмозглую девочку — в лучшем случае продавщицу, в
худшем проститутку.***

ЧУДО ВТОРОЕ: ВЫЖИЛ.

Страдания — ключ к жизни.

До четырех лет малыш все время находился на грани жизни и смерти, не переставая болеть, не пропуская мимо себя ни одной инфекции и детской болезни. В дальнейшем мальчик рос болезненным и хилым. В школе его называли дохляком.

Человек был бы гораздо лучше, если бы в течение жизни был достойно вознагражден и заслуженно наказан.

ЧТО ТРЕТЬЕ ПРОЖИЛ ДОЛГУЮ ЖИЗНЬ.

Где и от кого ждать опасности?

Везде и от всех.

Страдая от недостатка материнского внимания и ласки, маленький Карташов, играя с иконкой, просил: «Боженька, не бей мою маму за то, что она плохая». Крошке Карташову было тогда неизвестно одно неписаное правило человеческого бытия — чтобы человек научился радоваться, сначала он должен научиться страдать.

Ангел-хранитель:

Маленький Карташов еще не знал, участник он в этом мире или наблюдатель. Приступы необоснованного страха сменялись в его жизни безумно рискованными поступками или полным безразличием к собственной судьбе.

Пока Карташову везло.

Жизнь — это хорошо и плохо.

Формирование души:

Даже улицы в городе имели свою погоду: на набережной — ледяной ветер, в переулках тишь и благодать, а высоко в горах светит яркое солнце.

Бывают дни, когда вроде ничего. Бывают — сил нет.

Бывает, ненавидишь всех и все. Бывают приступы любви и блаженства. «И от чего это все зависит?» — ломал себе голову Карташов.

Женщины живут долго, а стареют рано.

Половое созревание:

Если девочка в тринадцать лет лишается девственности, так во сколько же ей как женщине умирать?

Юный Карташов дружил с девчонкой-подростком, вызывая зависть у всех педофилов в округе. Девочка была, как миниатюрная куколка: маленького роста, хрупкая телом, с ангельскими чертами лица и наивными глазами — хотя вела себя и рассуждала совсем не по-детски. Она возбуждала в подсознании особей мужского пола скрытые желания. Хотелось уволочь ее в темный уголок и поиграть в сексуальные игры. Именно этим девочка с Карташовым и занималась.

Все подвергается сомнению и испытаниям, даже священная плащаница уже не раз подвергалась испытанию огнем.

Познание жизни:

Сегодня от общения с людьми Карташов почувствовал себя выбитым из равновесия — обозленным. Так он познавал, какая мерзкая энергетика исходит от большей части народа.

Если во что-то верится с трудом, надо просто идти по факту.

Все живое — священно:

В суетном городе, кишашем машинами, жи-вотными и людьми, на широком подоконнике большого универмага на корточках сидел светло-русый юноша. Отрывая от батона по небольшому кусочку, он бросал хлеб под ноги

проходим. Голуби, не в силах устоять перед соблазном, слетали с крыши на тротуар. Рискуя быть растоптанными, они испуганно шарахались от ног идущих и, выбрав момент, опять бросались к за-ветному кусочку, чтобы клюнуть его. Карташов начинал понимать — нет, не все живое священо.

На планете Земля очень много людей, искренне убежденных в своей правоте.

Но все они неправы.

Первые выводы:

Здоровые люди энергичны, шумливы, навязчивы и очень опасны. Все от жизни ждут перемен, желая чего-то нового. Молодой, здоровый Кар-ташов смотрел на себя в зеркало и приходил к странному выводу: «Пожалуй, я больше сим-патизирую умирающим. Слабые, тихие, незащит-ные — они мне ближе и понятней, а мертвых я просто люблю».

***Почти все, что мы знаем,
это всего лишь версия.***

Реинкарнация:

«Если быть наблюдательным, то без труда можно заметить, что в мире людей все точно так, как в мире дикой природы, — отмечал Карташов. — Вот человек-паук. Он, как и собрат в природе, то сидит в засаде, то плетет паутину. А вот человек-муравей — трудоголик. А вот скорпион, он жалит себя и других. Весь животный мир живет в обличии людей. Падальщики, пиявки-кровососы, змеи — все это люди. И, конечно, хищники — они все живут в обличии людей. Также есть люди — ослы и овцы. Значит, мир людей живет по законам дикой природы», — пришел к выводу Карташов.

Если думать о людях лучше, чем они есть — разочарование неизбежно.

Отсутствие опыта:

Обязательно надо побрызгать тело дезодо-рантом, надо начать с подмышек и закончить но-гами. Личная гигиена очень важна, когда хочешь закадрить девушку.

«Вы разрешите с вами познакомиться,
а, может, я тот, кого вы ищете?»

А, может, вам этот день запомнится
на всю жизнь?»

Пока Карташов не знал, что почти всю жизнь он будет хотеть только тех женщин, которые нравились ему зрительно, но это будут совсем не те женщины, с которыми стоило бы иметь дело!

Тогда Карташову было еще неизвестно: женщины — это товар, как и все в материальном мире. Поэтому запахи и многое, многое другое для них второстепенно и особого значения не имеет — значение имеют только деньги.

Нас пугают перемены, и мы предпочитаем оставаться в привычном настоящем.

Тупость:

Две машины как магнитом притягивались друг к другу. Скрежет, удар, но пьяному Карташову опять повезло: так, незначительные царапины.

Судьба стучала Карташову в хрупкую дверь жизни, явно пытаясь о чем-то предупредить, выражая свое недовольство тем, что он не понимал ее намеки. Однако Карташов, ведомый чувст-венностью, переполняемый эмоциями, этих пре-дупреждений не замечал.

Мы импульсивны, непостоянны, эгоис-тичны. Нам с трудом удается любить даже своих близких.

Наивность:

Поймав на вокзале такси, Карташов назвал адрес. Проехав заснеженными дворами, машина остановилась у когда-то очень знакомого подъезда. Из нее вышел двадцатилетний Карташов. Под-нявшись на второй этаж, он остановился у двери под номером 6. Дверь долго не открывали, хотя за ней слышалась какая-то возня. Наконец, дверь открылась. Появилось серое лицо с большим приплюснутым носом, впавшими, небритыми щеками. Карташов, в новом длинном пальто, шляпе (хотелось выглядеть солидно), сразу попытался обнять открывшего: «Здравствуй, папа!» Однако взлохмаченный мужчина, не узнав сына, резко отстранился.

О, женщины: источник или исчадье?

Глупость:

В гостях у Карташова его девушка и лучший друг Серега. Карташов подумал: «Хорошо бы проверить и ее, и его». После засомневался, нужно ли? Не сумев пересилить себя, обратился к сидящей напротив девушке, на которую имел виды: «Может быть, примешь душ и наденешь халатик? Создашь для парней нормальную обстановку, чтобы они чувствовали, что среди них красивая, сексуальная девушка». Карташов надеялся, что она возмутится и скажет «нет». Без лишних слов она поднялась и отправилась в ванную. Между Карташовым и Серегой воцарилось гробовое молчание. Прошло время. Карташов решился и предложил: «Ну что, Серега, хочешь помыться вместе с ней? Иди, не бойся, я не против». Про себя Карташов надеялся, что Серега откажется. Но тот встал и пошел. Через минуту он прибежал бледный как смерть: «Она порезала себе вены!»»

Наши добродетели — такие же привычки, как и пороки.

Сумбур:

Всякой шлюшке хочется заполучить в распоряжение

желательно богатенького мужчину, обеспечив тем самым свое существование. Поэтому даже уличные проститутки перед клиентом изображают из себя не тех, кто они есть на самом деле. Любят разжалобить, разыграть страсть, прикинуться жертвой. Так же действуют и девственные недотроги. Поскольку цель и у тех, и у других одна и та же. В будущем Карташов не раз сталкивался с этим явлением.

Личность имеет много сторон, и одна сторона может обманывать другую.

Откровение:

Внешне девушка производила впечатление невинной. «Кого ты больше всего любишь? — спросил Карташов. «Не кого, а что. Люблю тратить деньги», — глаза девушки поменяли цвет с голубого на зеленый. «Наверное, ты умеешь хорошо зарабатывать?» «Я умею хорошо тратить», — ее глаза опять стали голубыми. «А твое любимое блюдо?» «Конечно, бифштекс с кровью, но можно и шашлык», — из-под ее пухлых губ появились острые зубки. «Ты, наверное, хорошо готовишь?» «Зачем тратить время и портить продукт, я могу съесть и сырое», — девушка оскалилась в улыбке и поправила массивный браслет на левой руке. Под браслетом скрывался яркий след от пореза на венах.

Если человек глуп как пробка — иногда это ему только на пользу.

Подражание:

Город — смесь дурных запахов. Мегаполис такой огромный, людей тьма, некому искренне руку пожать, открыто посмотреть в честные глаза, от души похлопать по плечу, поплакаться на груди и быть при этом понятым. В городе по случаю дождя образовались огромные автомо-бильные пробки, от этого было мерзко.

Настроение приподнял новый знакомый. Одет как клоун: ботинки на платформе, джинсы клеш, майка в цветную полоску, на голове панама, в проколотом ухе серьга — чистый клоун. Но, когда познако-мились и начали общаться, Карташов стал просить «клоуна» достать такой же прикид и для него.

Чем меньше иллюзий по поводу человеческой бескорыстности, тем больше шансов прожить жизнь без разочарований и потрясений.

Обворованный:

Замок на входной двери был вскрыт, но не сломан, квартира была обворована. Карташов подошел к большому трюмо и посмотрел на себя в зеркало: ботинки на платформе, джинсы клеш, майка в цветную полоску, на голове панама — чистый клоун. «Надо же, — подумал Карташов, — оказывается, бывают клоуны-дураки и бывают клоуны-злодеи».

Многие, поступая по совести, не допускают мысли, что их совесть может быть неправа.

Утомленные сексом:

Есть привычка — но ведь это не любовь. Есть общие интересы — но и это не любовь. Есть безысходность — это совсем не любовь. Бытует мнение, что любовь приходит с оргазмом. «Чушь собачья», — убедился Карташов.

Они молча лежали рядом, смотрели в потолок. Оба думали об одном и том же. Никто из них больше не сомневался в том, что они никогда больше не будут вместе. Потому что у девушки, лежащей с Карташовым, была сильна привычка иметь дело с мужчинами-тюфяками, которыми можно манипулировать, как захочешь. Столкнувшись с мужчиной, претендующим на главенство, такие, как она, предпочитали бежать. Ее

лозунгом было: кто со мной не согласен, тот мой враг.

Сон:

Он сразу не заметил родинку на ее ягодице. Родинка была прекрасна. Она смотрелась даже лучше, сексуальней, чем родинка на щеке. Ему страстно захотелось эту родинку поцеловать. Он, очарованный, потянулся к ней губами. Но девушка, лежа на животе, повернула голову и, ничего не сказав, щелчком сбросила с попки черное пятнышко.

Что впереди?

То знает только Бог.

Прожитый день, как правило, заканчивался полным крушением надежд и составлением новых планов на будущее. Проснувшись, Карташов часто начинал новый день с чистого листа.

Грех — разрушитель души.

Грешки:

Карташов грешен. К счастью, грешки его мало приносят горя окружающим. Они медленно разрушают его самого.

Выжив и покрепнув, Карташов вознамерился прожить счастливую жизнь. Для этого он решил по возможности не связывать себя никакими обязательствами ни в чем и ни с кем.

***Нельзя служить Богу и сатане
одновременно.***

Блуд:

Подмышки горели, жгло между ног. Карташов был возбужден до крайности. Перед глазами плыли белые круги, сердце колотилось. Карташов понимал и боялся —

ведь она шлюха с большой дороги. Там может быть сифилис или чего похуже. В ходу сквернословие, пороки и дурные привычки. Однако пышная грудь, выпирающий зад, пухлые губки. Он жаждал ее. Боязливо подойдя, Карташов сказал: «Хочу познакомиться». «У тебя хороший вкус, парниша», — ответила она и взяла Карташова под руку.

Под ее атласной кожей течет отравленная кровь.
(песня)

Запах вагины:

Губы Карташова произносили слова, которые ее уши давно мечтали услышать. Про себя же она думала: «Ах, если бы все эти слова ей говорил Вахтанг». Она слушала и млела от радости. Это были редкие приятные минуты в ее жизни.

Все греховное имеет плохие последствия.

Скверна:

Измученный выпитым, уставший от многодневных утех с девицей из русской глубинки, Карташов, не попрощавшись, вышел из злачного места и, проигнорировав предложения хищных таксистов, двинулся по проспекту в сторону дома. В голову запали кем-то сказанные слова: «человек смертен потому, что несовершенен. Человек умирает, чтобы освободить место более совершенным моделям биороботов».

Через восемь месяцев, за три с половиной тысячи километров от этого места, где-то в поселке на Алтае у местной девицы, с которой Карташов провел несколько дней в столице, родилась девочка.

Перемены могут поменять многое, но ничего не могут изменить.

Перемены:

Был в жизни Карташова период, когда он пытался политически прозреть. Как неукротимый борец

революции, Карташов прочел Герцена, Радищева. Ознакомился с работами Маркса, Ленина, а из работ Боткина узнал об анархии, увлекся и пришел к выводу: мир надо менять. Ибо не может и не должно одному человеку быть хорошо, если по его вине другому человеку плохо.

Карташов — не сынок благополучных роди-телей. Он не окончил частный колледж и не поступил в престижный вуз. Хотя он сам считает себя благополучным. Карташов, в свои неполные тридцать, ездит (благодаря своему уму и проворству) на хорошей машине. Живет в купленной для себя квартире, одевается в бутиках и не испытывает недостатка в женском внимании. Ка-залось бы, живи в свое удовольствие, не обращай внимания на социальное неравенство. Да нет, то ли за державу обидно, то ли от скуки, но Кар-ташов вступил в партию «Яблоко», потом в партию ЛДПР — разочаровался. Еще раз прочел Гитлера и записался в национал-социалисти-ческую партию. Позже возомнил себя эсером и проникся идеей террористической борьбы с властью имущими.

Иногда человек говорит одно, а подра-зумевает совсем другое.

Иллюзии:

На теле Карташова появилась татуировка: «Не страшусь бесславия, а страшусь бесправия!»

Из листовки, написанной Карташовым: *«Кор-рупция, чиновничий произвол, одурманивание народа достигли своего апогея и приобрели необратимый характер. России нужен славянский Усами Бен Ладен».* Карташов убеждал сотоварищей — мало листовки распространять и приковывать себя наручниками к дверным ручкам. Уничтожать надо всю заворовавшуюся сволочь и иже с ними. Надо расшатывать власть, которая им потрафляет. Уничтожить, как класс ничего не производящих спекулянтов, а также нарко-дилеров и уголовников всех

мастей. Олигархи тоже были объявлены Карташовым вне закона.

Ищи врагов своих среди друзей своих.

Отрезвление:

Все псы любят запах своего хозяина независимо от его чистоплотности. Кто-то из своих же на Карташова донес, и ревностные служители демократии, закрыв лица масками, похитив Карташова, били его так сильно, что чуть не убили.

Воспоминания:

Было дело, Карташову тоже пришлось послужить Родине. На деньги очередного мужа мама Карташова (чтобы сын не мешал семейному счастью) дала военному взятку. И тот сумел сделать так, чтобы болезненного Карташова призвали на два года в ряды военных строителей.

Два года на скудном пайке, в болотистых местах где-то в Белоруссии Карташов копал киркой и лопатой глубокие каналы. В результате заработал ревматизм и еще несколько хронических болезней. Вспоминая это тяжелое время, Карташов никак не мог разобраться: отбывал ли он срок на каторге или Родине служил?

Господь никогда не посылает нам испытания более того, чем мы можем вынести.

Обновление:

Выложив все, что знал и даже более, расписавшись в каких-то бумагах, отпущенный Карташов приобрел новое мировоззрение. Кар-ташов не умер, чтобы остаться жить как жил раньше, но уже другим человеком. «Нет худа без добра, — философствовал он. — Это даже интересно прожить за одну жизнь несколько. А переделывать мир

бесполезно, слишком мало в нем здравого смысла, — рассуждал теперь Карташов, — нельзя жить будущим за счет настоящего. И если наступило хорошее время для плохих, надо смириться и ждать, значит, настало плохое время для хороших». Предав своих, Карташов часто находил себе оправдание, говоря: «Трудно быть хорошим, живя среди плохих».

Быть или не быть? Вот в чем вопрос.

Будни:

Сейчас Карташов увлечен двумя вещами: зарабатыванием денег любыми путями и фило-софией. Для сильного человека, что счастье, что несчастье — все на пользу. А с проституткой-политикой и так все ясно. Мир, хотим мы этого или нет, будет другой. Теперь Карташов убежден: то, чего не смог сделать со славянами Чингиз-хан, Наполеон, Гитлер и прочие — сделает мировой империализм, а также продажные и бездарные правители, преступность, коррупция и псевдо-культура. Придя к таким неутешительным вы-водам, Карташов перестал печься о судьбе Родины и человечества в целом и переключился на дела и мысли более прозаические. Например, быть или не быть? А также хотелось еще и еще раз удостовериться, что женщина любит не за достоинства, а только тогда, когда имеет свой корыстный интерес.

Без женщин жить нельзя на свете, нет!

(оперетта)

Девушки:

Каждую ночь сто миллионов пар занимаются любовью. Сегодня Карташов в эти миллионы не попал.

Жизнь радовала, огорчала, удивляла разно-образием. В сумочке этой девушки Карташов обнаружил сигареты, зажигалку, завернутый в целлофан гашиш.

Презервативы, трихопол, студенческий билет, проездной на троллейбус, справку и рецепт из женской консультации, «тампакс», мелкие деньги и замызганный носовой платок. Положив все на место, Карташов подошел к двери ванной и спросил: «Ну что? Скоро ты там?» «На ложе своем ночью искала я того, кого любит душа моя. И не нашла», — загадочными стихами ответила девушка через закрытую дверь.

Сон:

Девушка ходит на четвереньках с высунутым языком. Поднимая ногу, она писает на стены. «От- чего это с тобой?» — спрашивает Карташов. «У меня была собачка пекинес, и я очень любила, чтобы она меня лизала. Вот, в наказание я теперь писаю на стены».

Спаси нас, Бог, на свете этом и не оставь на свете том.

Смерть:

Казалось, пророчество о всемирном потопе начинает сбываться. Дождь, не переставая, лил день и ночь, и весь следующий день. Карташов лежал на спине, скрестив руки на груди, и смотрел в потолок. Ему повезло со смертью отца — тот не мучился, и не надо ехать его хоронить — того уже закопали. Отец почил на другом конце света. «Наверное, смерть была бы страшна, — рассуждал Карташов, — если бы была всегда с человеком, а, придя, она остается позади, как и любая неприятность».

Если получать готовые ответы, то разу-чишься думать.

Долгожданная встреча:

Карташов который уже раз звонил девушке, приглашал. А она — то нет, то потом. И наконец-то, она едет к Карташову в гости. Он засуетился, начал

прибираться в квартире. Пропылесосил, протер пыль, убрал из прихожей завонявшиеся тапочки, накрыл на стол.

И вот она. Ей сразу не понравилось, что у Карташова сальная голова. Когда Карташов чмокал ее в щеку, из ноздри его носа торчал волос, и рубашка была не очень свежей. Девушка без всякого удовольствия попила кофе, пожевала фрукты и заторопилась домой. Проводив девушку, Карташов ломал голову, что ей было не так. Ведь он так старался.

Каждый день по проблеме.

Лозунги жизни:

Какое-то время Карташов пристрастился к курению травки. Ненадолго это увлечение внесло в его жизнь безразличие ко всему и всем.

«Мне от других любви не надо — мне своей любви для себя хватает».

«Мне страдать некогда — забот полон рот».

«Мне других жалеть некогда — меня бы кто пожалел».

«Мне каяться ни к чему — я ни в чем не виноват».

«Сожалеть глупо, что сделано, то сделано».

Часто мы гоняемся за тем, что есть везде и всюду.

Самодурство:

Из знойного Таиланда в заснеженную Россию Карташов прилетел загоревшим. Но болела воспаленная предстательная железа, из мочевого канала шли выделения, на головке члена появилась болячка. Карташова никак не оставляло досадное чувство, что он летел в Таиланд, собираясь кайф поймать, а поймал что-то совсем другое.

Тело само по себе не является источником греха, оно орудие греховных помыслов.

Доктор:

Ознакомившись с результатами анализов, Карташов спросил: «Так что? Теперь я умру?» «Ты умрешь, когда Бог найдет нужным. Часто умирают совершенно здоровые и молодые. А больные, казалось бы, обреченные, иной раз живут долго и могут пережить кого угодно. Не бойся, вылечим».

Сон:

Снежинки отрывались от неба и, набирая скорость, летели к земле. Каждая снежинка весила килограммов десять. Чем быстрее Карташов пытался бежать, чтобы избежать столкновения, тем медленней двигалось его тело.

Все мы скованы обязательствами.

Одиночество:

С утра Карташов встал по будильнику, долго мылся, чистился. Без всякого повода оделся понарядней. Вышел из дома, поймал такси и приехал в диспансер. Увидев длинную очередь, ушел. Присел в ближайшем кафе, пил сок, читал газету. После зашел в художественный салон. Долго ходил, разглядывая посредственные картины в шикарных рамках. После, выйдя на улицу, покоробился от обилия нищих и безвкусно одетых людей. Но в мочевом канале свербело, и он опять неохотно поплелся в диспансер.

Мы скованы сомнениями.

Философия:

Летел ли в тебя когда-нибудь камень?

Тонули ты когда-нибудь, глотая соленую воду?

Был ли на грани между жизнью и смертью?

Если да, и если ты до сих пор жив, значит, твой Ангел-хранитель тебя бережет. Если то, к чему ты сейчас стремишься и то, чего хочешь, не получается, не выходит — значит, так надо. Потому что тебя берегут для чего-то другого.

Карташов часто спорил сам с собою и часто противоречил сам себе, потому что прочел в одном из философских трактатов: «Закончив думать, усомнись в том, о чем думаешь. Закончив говорить, усомнись в том, что говорил. Сделав, усомнись в том, что сделал». Карташов опять увлекся чтением философских книг, но это не приносило ему утешения.

Усомнись в том, чего страстно желаешь.

Перепады:

Она спала, Карташов сидел рядом, смотрел и проникался любовью к ней. Проснувшись, объект любви начал источать эмоции и слова. В процессе общения любовь таяла в его душе, как снежинка, упавшая на ладонь. Постепенно в Карташове посыпались чувства совсем другого рода. «Вот ведь крыса», — подумал он.

***Думай не о том, что делать,
а о том, какой ты.***

Рационализм:

Внешне Анна очень похожа на Курковича. Куркович и Карташов друзья, а Анна и Карташов любовники. Когда Карташов целует ее в губы, то всегда испытывает странное чувство, будто бы это Куркович. Было дело, Карташов даже попросил Курковича отрастить усы или бороду, однако Куркович наотрез отказался. Карташов так привык к этому сходству, что, в конце концов, поймал себя на мысли, что случись, и ему будет все равно с кем из них заниматься любовью.

Наш мир — это очень зыбкая субстанция.

Потребность острых ощущений:

В горах прошел дождь. Река несла мутные потоки в чистые, глубокие морские воды, превращая их в коричневую жижу.

Выпроводив очередную секс-игрушку, Карташов целый день пролежал без сил, хотя его ждали кое-какие дела. «Если так и дальше пойдет, то из-за отсутствия сил я не смогу зарабатывать на жизнь. Наверное, пора жениться».

Люди предпочитают жить иллюзиями. Не надо ничего искать, все можно выдумать.

Романтизм:

Карташову вдруг очень захотелось иметь красивую, желанную и преданную подругу, хотя практика показывала — таких в природе не бывает.

Карташову и в голову не приходило, что для того, чтобы получить законное право изощренно издеваться над другим человеком, достаточно жениться или выйти замуж. О таких правах и законах Карташов пока не ведал.

Проявления любви:

Один в любви прямолинеен и честен,

Другой ленив и лицемерен.

Третий бесшабашен, без царя в голове.

Четвертый думающий.

Пятый благодарен.

«Интересно, а какой в любви я?» — думал Карташов.

Не в наших правилах учиться на ошибках.

Отсутствие дальновидности:

Большинство людей не умеют или не желают

учитывать чужой жизненный опыт, обрекая тем самым себя испытать все трудности на себе лично. Не был исключением из этого правила и Карташов. Хотя достаточно часто ему приходилось наблюдать, как сильные личности становятся игрушкой в слабых женских руках.

Спорно все, даже то, что бесспорно.

Иллюзии:

Карташова подкупало, что молодая красивая женщина к нему более чем благосклонна. И, похоже, готова на все, лишь бы оставаться с ним подольше. В этот счастливый период у Карташова не хватило ума спросить себя: кто она? что она? Есть у нее недуги или нежелательные пороки? Не заразит ли она его СПИДом, гепатитом, туберкулезом? Не искалечит ли она ему жизнь? Ведь если это произойдет — тогда он об этом, конечно, узнает, но будет поздно.

«Я поцелуюми покрою уста, и руки, и чело». (романс)

Сомнения:

Много ли она ест, чего любит, чего нет? Нуждается ли она в деньгах или богата? Нельзя же жениться на первой встречной. Но, с другой стороны, так можно подозревать всех и во всем. Целой жизни не хватит, чтобы о человеке узнать все. Как быть, как поступить? Ведь она ему нравится. «Ах, была, не была, свинья не съест», — провстречавшись с полюбившейся три недели, Карташов женился.

***Брак заключается не на небесах,
а в ЗАГСах.***

Женат:

За несколько минут до совокупления она засунула глубоко в вагину специальную свечу-капсулу. Когда капсула растворилась, внутри нее зажгло, защипало,

словно там зажегся костер. «Теперь можно», — она ласково прильнула к Кар-ташову.

После оргазма Карташов думал о своих сперматозоидах: какая незавидная участь и страшная погибель ждет их, а жалко, живые ведь!

Путь наш во мраке.

Будни:

Бывают в жизни периоды, которые никак нельзя назвать лучшими. Но и они проходят, их тоже надо прожить. Будет поспешно считать такие дни худшими, ибо неисповедимы пути Господни.

В браке Карташов был несчастлив.

«Дан приказ, ему на запад, ей в другую сторону...» (песня)

Капризы:

«Ненавижу потных мужиков», — с брезгливостью, раздраженно сказала она, сбросив его с себя и, отстранившись от его взмокшего тела, повернулась на бок.

Для того чтобы научиться быть благо-дарным, человеку нужно время, чтобы осознать и выстрадать это понятие.

Семейное счастье:

Жена часто применяла шаблон примитивной самозащиты, заявляя о нежелании слушать нравоучения в свой адрес. Однако Карташов пробовал спокойно разъяснить, что нельзя, живя вдвоем, делать и говорить то, чего тебе хочется, если это травмирует и наносит вред другому — поскольку зло обязательно вернется. «Чушь собачья», — отвечала жена.

Не плюй в колодец.

Возврат обиды:

На этот раз секс получился замечательный. Они оба взмокли и елозили друг по другу как два слизняка. В этот раз его мокрое тело ее совсем не смущало. Наоборот, она прижимала его к себе, крепко обняв за шею, не желая выпускать его увядший пенис из своей дырочки. Он, задыхающийся и уставший, недовольно дернулся и с раздражением сказал: «Отпусти, не люблю я потных баб и ненавижу, когда меня душат, и так дышать нечем».

Человек откладывает все хорошее на потом, чтобы сейчас не меняться.

Такой любви я не хочу:

Когда-то в детстве Карташов был лишен мате-ринской любви. Мать много работала, уставала, он ее практически не видел. Её работа отнимала у него мать.

Сейчас, когда он пытается любить женщину, она тоже ссылается на работу, которая отнимает у нее всю энергию, силу и время. Поэтому ей сейчас просто физически не до любви. «Бла-женство придет, когда пройдут заботы», — думала она. Чувства Карташова к жене затихали, чахли. Все произошло как в детстве: от обиды и одиночества он замкнулся в себе, искал утешения в чем-то другом и так же, как когда-то отвык от матери, отвык и от любимой. Чувства его еле тлели и вскоре угасли совсем. В глубине души он все еще надеялся, что жена заметит его холодность, испугается и начнет что-то делать для их сближения. Но, увы, ее интересовал карьерный рост, она сгорала на работе.

Брак распался.

Письмо к жене:

«Я хотел ребенка от тебя, но в то же время не от такой, какая ты есть на данном этапе: противоречивая, не проявляющая в любви никакой

инициативы. За все время наших отношений ты ни разу не сказала — «я хочу тебя». Ни разу не попыталась поговорить по душам. Короче, ты не сумела быть умницей».

Мысли:

«Если те женщины, которыми мы хотим гордиться и кем хотим быть любимы, не соответствуют нашим требованиям и представлениям, то редко кто может вызывать в нас такую злобу и ненависть, как те, которых мы недавно так сильно любили». — «Неплохая и справедливая мысль-лишка», — подумал Карташов.

Сон:

Карташов медленно складывал в рюкзак увесистые камни, на которых были написаны чьи-то имена. Уложив, он с большим усилием влез в лямки и, напрягаясь, сделал несколько шагов по пирсу. Горизонт горел от заката солнца. Карташов камнем упал в воду и ушел на дно. Он увидел миллионы пузырьков и себя среди огромных валунов, поросших шевелящимися от течения водорослями. Ноги и руки его судорожно гребли к свету, но рюкзак с тяжелым грузом тянул его вниз.

Бедности не бывает.

Есть лень и незнание себя.

Падение:

Еще недавно Карташову приходилось постоянно пользоваться одеколонами, подаренными бывшей женой. Запах некоторых ему не очень нравился. Сейчас ему на это наплевать. Проходящего мимо Карташова обывателя уже не радовал запах французского парфюма. А многие вонючие, убогие сограждане, одетые в нестиранные одежды, перестали злобно раздражаться, глядя

на когда-то хорошо и чисто одетого Кар-ташова, сидящего в кафе у моря и пьющего чай, потому как на время Карташов уподобился им.

Часто люди ищут счастья, нарочито это счастье отвергая.

Алкоголизм:

Карташов запил горькую. Отдавая предпочтение именно этому занятию, он говорил: «Я пью не оттого, что я слабый, а оттого, что уменьяешь душа».

Его часто тянуло в шумную душную пивнушку, где его ждали желающие выпить с ним, подсевшие на стакан блондинки и брюнетки. Общаясь с ними, Карташов усвоил: «Если женщина не получит свою порцию обмана, то ни любви, ни романа с ней не получится».

Лучшее средство борьбы со злом —искоренять зло в себе самом.

Короткие связи:

«Ко мне залетела красавица птица,

Крылья прозрачны, вся серебрится.

Птица-красавица долго жужжала,

Взмах мухобойки, и пятнышком стала», — часто напевал подвыпивший Карташов. Скорей ради спортивного интереса, он запудрил мозги одной дурочке, прожив с ней какое-то время. Это было плохо мыслящее юное создание, погрязшее в собственной глупости и пороках. Вместо того чтобы слушать желающих ей добра, вникать, подчиняться и быть благодарной за предлагаемую ей помощь, девушка исходила только из своих безбашенных соображений. По всему телу пирсинговые проколы, вместо бровей тату, по контуру ресниц и губ тоже. Имея доброе сердце и смазливую мордашку, она так и осталась без поддержки извне и, скорей всего, погибла в под-воротнях современного мира.

Расставаясь с ней, Карташов констатировал: многие

девушки-неудачницы во всем виноваты сами, они бы с ума сошли, если бы знали, от чего они отказались, чего лишились в жизни из-за своего самодурства.

«А ведь с этой смазливой девчонкой можно было прожить целую жизнь», — сожалел Карташов.

***Обрети истину — и счастье
придет само собой.***

Быт алкаша:

Иногда, ненадолго выходя из запоев, Карташов любил почитать. В поисках смысла жизни и личного счастья он отдавал предпочтение книгам по эзотерике, хотя в соседней пивнушке его по-прежнему ждали, как носителя своеобразного счастья любители поиграть в карты на деньги, а также представительницы прекрасного пола, ждущие угощения и сытого, чем Бог послал, женского счастья.

***Каждая новая женщина будет приходить и уходить —
короткая как оргазм.***

Женщины:

Посещая пивнушку, Карташов сделал не-сколько нехитрых выводов. Некрасивых женщин можно хотеть, они могут даже нравиться — нужно всего лишь одурманить себя алкоголем. Тем же способом можно понравиться смазливой женщине, если почаще подливать ей в стакан. И еще один вывод: все женщины — б... Но все женщины без исключения считают себя исключением. Часто, выслушивая с умным видом какую-нибудь кокотку, Карташов мучился мыслью: бреет ли она лобок и ноги?

Сон:

Перед лицом Карташова появилась красивая женская задница. Задница приблизилась к его

лицу, и он затажно целовался враскоряк с вожденной дырочкой.

Любой, кто опирается на рассудок, в большей или меньшей степени психически ненормален.

Псевдо взаимность:

В основном женщины поступали с Карташовым так же, как и он с ними. Проведя с ним веселый вечер и бурную ночь, они не желали больше иметь с ним дело, предпочитая поискать нового, более интересного претендента для обладания их прелестьями.

«Это все от надвигающегося безденежья», — сетовал Карташов, не желая признавать, что к тому же он уже далеко не мальчик, с внешностью на любителя и не Бог весть какой любовник.

Выучи десять заповедей, живи по ним и будь счастлив.

Мужчины:

«Мой образ жизни далеко не всем позволительная роскошь», — в глубине души радовался за себя Карташов, но партнер по бизнесу его тихо ненавидел за мотовство и пьянство. В ответ Карташов партнера открыто презирал — за чревоугодие и жадность.

Но существовало одно немаловажное обстоятельство: все дело было в том, что именно от их совместной деятельности зависело материальное благосостояние Карташова. «Если так и дальше пойдет, все закончится плохо, потому что жизнь — это не божественная сказка», — пессимистично рассуждал Карташов.

Сон:

На черный кладбищенский крест присела ворона и, глядя на Карташова, каркнула. «Черт», — воскликнул он и схватился за сердце. Лицо его исказила гримаса, глаза вылезли из орбит, рот невероятно широко раскрылся, а

язык вылез так сильно, что свисал с подбородка. С кончика языка капала бело-красная пена. Неведомо как, но в этот момент Карташову дано было узнать, что за свою жизнь слово «черт» он произнес в 666-й раз.

Любое сумасшествие от безумия рассудка.

Страдания:

Посреди ночи Карташов проснулся и открыл глаза. Перед ним стоял настоящий демон. «Чур меня, чур», — заорал испуганный Карташов и даже попробовал перекреститься. «Все, приехали, с пьянством надо завязывать», — решил он.

Какая польза человеку в том, если он при-обретет весь мир, но при этом душу свою потеряет.

Похмелье:

Нагретый за день лучами солнца бордюр грел измученную воспалениями, алкоголем, стрессами и обострением хронического простатита пред-стательную железу. Карташову порядком надоела вроде бы спокойная, но в то же время разгульная жизнь с хронической нехваткой денег. К тому же он был напуган приступами белой горячки. От такой жизни Карташов начал страдать.

Грешен тот, в ком равновесие нарушено.

Странник:

Рядом, на том же бордюре, сидел мужчина со странной внешностью бродячего дервиша, но с удивительно пронзительным взглядом. «Зря страдаешь», — сказал мужчина, обращаясь к

Карташову, как к старому другу. — Тебе пове-зло, ты обманул судьбу. Будучи даровитым, ты не прославился и не нажил большого богатства, чем избавил себя от бремени денег и славы, кото-рое сделало несчастными и погубило очень многих из тех, кто стремился к власти, славе и обожанию. Ты бы тоже не справился и давно бы уже погиб».

Важно не то, что ты делаешь, а какой ты.

Гостеприимство:

Когда Карташов узнал, что странный человек бродит по свету без денег и вещей, желая познать истину, Карташов, к удивлению для себя, пред-ложил дервишу пожить у него. Странный человек любезно согласился.

Наши мятущиеся умы и души только и ищут, к какому бы авторитету им приту-литься.

Мытарство:

Накормив странного гостя и показав ему диван, на котором тот может спать, Карташов начал задавать страннику разные вопросы, которые накопились за годы жизни. «Стоит ли встречаться с женщиной, если она тебя не любит?» «Если ты не достиг того, что с женщинами вообще лучше не встречаться, то стоит, если ты любишь ее». «А как избегать неприятностей?» «Иной раз избежать опасности очень легко, просто не надо идти ей навстречу». «А Бог, есть ли Бог?» — интересовался Карташов. «Чтобы это понять, надо немного дистанцироваться от религии, потому что любая религия имеет право на существование как версия — не более. Поскольку стоит только религии быть гегемоном над умом человеческим, как от Бога в ней остается мало. Тут же получается инквизиция, религиозные войны, подавление инакомыслия и фанатизм. А Бог и без религии дает каждому из нас почувствовать, есть Он или нет. Для меня есть один очень важный аргумент в пользу того, что Он есть. Если бы Богом не был придуман

человек, кто бы тогда знал, что есть Бог?»

Ищите Бога в себе и везде.

Учитель:

Карташов восхищался странником, а тот его поучал. «Грех — это не только уже совершенный поступок или сказанное слово, отнюдь. Грешные мысли — вот главный грех. Ибо от них, от грешных мыслей, все наши беды. На политические вопросы странник отвечал неохотно, однозначно и категорично: «России нужен второй Иван Грозный, потому как хотя бы раз в пять лет всех без исключения политиков в России надо вешать, а проворовавшихся чиновников-взяточников прилюдно сажать на кол с конфискацией имущества».

Иногда странник признавал: «Сейчас я многого не знаю и не понимаю. Надеюсь, что пойму после смерти. Смерти не бойся, смерть — это еще одно познание».

Важно то, что выходит из нашей души, а не то, что туда попадает.

Наставник:

Карташов часто жаловался страннику на свои невзгоды.

«Чушь собачья, — отвечал тот. — Укроти желания, успокой мысли. Нельзя, невозможно греться под ласковыми лучами солнца, когда оно зашло за горизонт — надо ждать рассвета. В жизни каждого из нас действует такая же цикличность».

Не важно, какой ты,

важно, как ты поступаешь.

Не сотвори себе кумира:

Всю зиму странник прожил у Карташова, ни разу не выйдя на улицу. Неожиданно для себя бросивший пить Карташов понял, что ни на один вопрос он так и не

получил ответа — все спорно. Присутствие дервиша стало его тяготить. Для Карташова стало открытием, что любить и уважать можно только того, кого плохо знаешь. Понял это и странник, исчезнув из жизни Карташова так же неожиданно, как и появился.

Не изнуряй себя чужими мнениями.

Новая вежа:

«Кажется, я похоронил еще одну часть своего существования», — подумал Карташов. Вроде все наладилось, все успокоилось в жизни Карташова. На небе светила луна, пели цикады, цвела сирень, источая тонкий возбуждающий аромат. Однако из соседних кустиков нет-нет, да и улавливался запахок свежего человеческого дерьма.

Сон:

Очнулся Карташов на том свете. «Я хочу умереть», — сказал он Ангелам. «Ты уже умер», — уточнили стоящие у ворот. «Нет, я хочу умереть без Ада и Рая, чтобы ничего не было. Ничего не чувствовать, не видеть, не радоваться, не страдать. Хочу, чтобы умерла моя душа». Ангелы призадумались: «Ну и задачку ты нам задал, — и развели крыльями, — извини, но такого в природе не бывает».

***Бракосочетание является
всего лишь обрядом.***

Цинизм:

Ей хотелось выглядеть в его глазах наивной и романтической. Но он, как ему казалось, видел ее насквозь. Она желала казаться доверчивой и послушной, но ему казалось, что он видит ее хитрую сущность. Она желала большой чистой любви. А он видел только плохую игру, притворство и лицемерие.

Карташов принципиально не желал регистрироваться во второй раз. Но, чтобы молодая женщина, с которой он жил как с женой, не обиделась, он обвенчался с ней в церкви.

Голод — потребность тела, любовь — потребность сердца.

Марыся:

Карташов нервничал, покусывая верхнюю губу — очередное дело у него не пошло, не заладилось. Еда, приготовленная Марысей, казалась без-вкусной, пресной. Карташов угрюмо молчал, чувствительная Марыся тоже. После ужина она, присев рядом, сказала: «Вот мы, ты и я, живы и здоровы, и слава Богу. Что случись, у тебя есть я, а у меня — ты. Давай, я помою тебе ноги теплой водичкой, и будем ложиться спать». Этой ночью Карташов был порывист и страстен, а Марыся ласкова и нежна. Только много лет спустя, когда Карташов потерял ее, ему открылся смысл простого человеческого счастья.

***Лучше погрешить в бездействии,
чем в агрессии.***

Депрессия:

«Мир огромен и прекрасен, а я в нем — дерьмо. Какой настоящий мужчина станет мириться с этим. Выходит, что я — не настоящий мужчина». На какое-то время Карташов смирился с этим и продолжал жить, то делая деньги, то увлекаясь легкими наркотиками.

Жизнь есть добро и зло, и ее надо принимать как единое целое.

Жизнь:

Люди всегда делились на тех, кто изо всех сил, подавляя в себе дурные и вредные привычки, пытаются

продлить свою жизнь как можно дольше, и на тех, кому глубоко на это наплевать. Карташов был где-то посередине. Он не относился ни к тем, ни к другим.

Последние годы, после отъезда Марыси, Карташов жил неспешно, в одиночестве, как бы в оправдание своей прошлой сумбурной жизни. Жил скромно, тихо, ни во что скандальное не влезая. Казалось бы, время его прошло. Но нет-нет, да встречался кто-нибудь на его жизненном пути, кто пытался будить в нем заснувшие страсти. Однако Карташов быстро успокаивался и говорил тому, кто пытался его расшевелить: «Все, что ты говоришь, в нашем случае выглядит так: неугомонная птица предлагает пресмыкающемуся лететь с ней в заоблачные дали. Это невозможно, каждому — свое».

Сон:

Карташов держал в руках свой собственный череп (доказательством того были две железные коронки на каждой стороне нижней челюсти и одна пластмассовая на осколке переднего зуба) и приговаривал: «Бедный, бедный Карташов!»

Выбор одного означает отрицание другого.

Будни:

Карташов проснулся с тяжелой головой. Умылся, оделся, попил чаю и собрался выйти из квартиры. Входная дверь не открывалась. Удивленный Карташов поднажал плечом — дверь с трудом поддавалась. На лестничной клетке раздался страшный грохот. Карташов открыл дверь, оказалось, его дверь была приперта массивной крышкой гроба — умер дедушка из соседней квартиры. «Хорошее начало для хорошего дня», — с грустью подумал Карташов.

Ложь живет, пока ее считают правдой.

Окружающие люди:

В душе Карташов даже радовался, что женщины, в последние годы встречающиеся ему по жизни, не давали никакой возможности влюбить их в себя. Похоже, что Карташов отвечал им тем же. Хотя, в присутствии женщин желая казаться щедрым, Карташов всегда подавал нищим. Однако в компании знакомых, богатых мужчин Карташов, как правило, был просителем. Большинство его знакомых считали Карташова неудачником и скрягой.

***Не прячьтесь от правды
в собственной шкуре.***

Все проходяще:

Да, было время, когда Карташов любил поиграть в казино, любил вкусно и сытно покушать. На его столе были соленья, копчености, заливное. Но после, время спустя, Карташов начал страдать от гастрита и мучился геморроем. Каши и творог — вот что он предпочитал на сегодняшний день.

Если пытаться не замечать в себе плохое, куда оно денется?

Первый звоночек:

Жиденькие волосы начали сесть и покидать голову после сорока. Первое время Карташов страдал, тратясь на различные средства от облысения. После плюнул и стал жить таким, какой есть.

В жизни человеческой все суета сует, если нет любви.

Звонок за звонком:

Карташов существовал, дни радовали, огорчали. Знакомые, друзья, нежности, секс, встречи, знакомства,

расставания. В принципе, жизнью Карташов был доволен. День был и прошел, впе-реди еще вечер и ночь.

***Сюрприз приятный, неприятный?
Все спорно.***

Инициатива:

Сегодня она приехала без звонка, хотя на се-годня секс с ней запланирован не был. Позвонила и сказала, что стоит внизу. Такое у них с Кар-ташовым впервые. Весь вечер она достает его своим желанием и спрашивает — доволен ли он? Карташов отвечает: «Конечно, — но думает, — сколь я зол, столь и несправедлив». Как оказалось, ему больше нравится, когда она, его очередная пассия, холодна, когда не проявляет в близости никакой инициативы. Оказывается, ему нравится, когда он в роли просителя страдает от ее равно-душия и холодности. «Кто бы мог подумать? — размышлял Карташов. — А ведь я обвинял ее в холодности, в отсутствии страсти, хотел видеть ее неутомимой. И вот, пожалуйста, как только она проявила инициативу, я не только не радуюсь, я еще, как оказалось, и злюсь».

Каждый человек в отпущенное ему время начинает разваливаться по частям, как авто-мобиль, пробежавший все гарантийные сроки.

Закат:

Возраст давал знать о себе по всем параметрам. Карташов желал тишины и здорового образа жизни. День Карташов провел на городском пляже, похожем на муравейник, где полуголые мужчины, что-то предлагая, кричали в рупоры. В парке на каждом столбе были прикручены, привинчены, приварены громкоговорители, из которых гремела музыка духовых оркестров. Вечером

Карташов сделал экскурсию по кафе и барам, желая попить чайку. Но хозяева для привлечения клиентов делали музыку очень громкой. Добравшись до своей кровати, Карташов попытался почитать, но со двора доносились голоса и песни. Соседская мо-лодежь, живущая этажом выше, танцевала рок-н-ролл. Карташов чувствовал себя чужим на этом празднике жизни. Он лег на спину, надел наушники и включил с недавних пор полюбившуюся ему кассету, на одной стороне которой звучали пти-чьи голоса, на другой слышался шум прибора.

Вьнь бревно из своего глаза.

Синдром старости:

Как правило, с возрастом люди становятся безгрешны в своих глазах и нетерпимы к чужим порокам. Особенно, когда возможность грешить (блудить в частности) снижается по состоянию здоровья. Отгрешил и теперь вместо того, чтобы каяться, можно судить других. Однако верни им молодость, здоровье, дай им опять возможность удариться во все тяжкие — все повторится, мо-жет быть, с еще большей силой и страстью. Но такие заумные мысли в голову Карташову не шли. Карташов продолжал по любому поводу ворчать на молодежь, особенно на молодежь женского пола, например, за отсутствие у них (у девушек) патриотизма.

Умом Россию не понять, особенно ее жен-скую половину.

Педофилия:

Самая некрасивая малолетка желанней и кра-сивей самой красивой женщины в возрасте — был убежден Карташов последнее время. Девочки, которые еще сидели без дела, беспокойно стреляли глазками, вычисляя клиента в толпе спящих возле «Макдональдса» мужчин. Среди клиентов был и Карташов. Многих девчонок не так сильно мучила жажда наживы, как не давал покоя комплекс неполноценности.

Неужели другие девчонки нравятся больше, чем она? Основную конкуренцию таким, как Карташов, составляли турецкоподанные, расплачиваясь с девчонками колечками и браслетами из низкопробного золота. Поэтому девочки в первую очередь предпочитали идти с турками, чем наносили обиду отечественным педофилам. К тому же было обидно и раздражало, что, обслуживая клиентов, выполняя любые прихоти, девочки даже не удосуживались снимать со своих тонких щек православные крестики.

Не родись красивым...

Внешний вид:

Когда-то в молодости Карташов, желая выглядеть солидней, носил очки без диоптрий, шляпу и даже приобрел красивую трость.

Теперь, чтобы выглядеть помоложе, он не надевал очки на подслеповатые глаза, ходил без трости, хотя колени очень болели, а на голове носил модную морскую кепочку.

Завидя Карташова, многие девчонки думали: этого старичка еще можно потрясти. Да и улов может быть немалый, можно решить квартирный вопрос, особенно, если старый пердун влюбится и женится.

Воспоминания:

Если от широкой улицы немного пройти дворами и, увидев невысокий кирпичный забор с воротами, войти в них, то в любое время года можно ощутить ту ауру, которая царит за воротами старого парка. Впечатление такое, как будто бы попал в другой мир. Тишина, непролазный кустарник, среди которого возвышаются очень высокие кипарисы.

Когда-то юный, девственный Карташов пришел в этот парк со своей тринадцатилетней подружкой. Они забрались в самую гущу зарослей, распулав

желтопузиков. Пробовали целоваться — Карташов залез к ней под кофту и шарил там в поисках сос-ков. Под жаждущими наслаждений потрескивала засохшая трава. Белые джинсы на заду и коленях приобрели бурозеленый оттенок. Снять с девочки джинсы, плотно облегающие ее бедра, было непросто. Освободив от штанины только одну ее ногу, юный Карташов в нетерпении взялся стягивать с девочки трусы, которые предупреждающе трещали, обещая вот-вот порваться. Она усту-пила, и Карташов, даже толком не прикоснувшись к уже не девственным гениталиям, обильно излил в промежность семенную жидкость. Интерес сразу пропал. Стало мокро, липко, противно. С этого момента Карташов невзлюбил неопытных малолеток, мечтая о взрослой, зрелой женщине.

Бес в ребро.

Старость и юность:

Духота угнетала: любой, даже здоровый человек чувствовал бы себя не в своей тарелке, а дождь все не начинался. Суставы на ногах ужасно болели, давление упало до критической точки, и Карташов, вместо того, чтобы идти по делам, практически упал на ближайшую от «Мак-дональдса» скамейку. Время спустя, Карташов увидел перед собой юное создание. Сразу пришло облегчение, от желания заполучить ее.

Все наши желания должны лежать в духовной плоскости. Но, увь!

Опять малолетка:

Они, смазливые девчушки, потому так капризны, что наверняка знают — спрос на них всегда высок. Оттуда и такое зазнайство, особенно в первые минуты знакомства. Поэтому Карташов чаще всего врал. Обещал невесть что

или прикидывался, выдавая себя не за того, кто он есть. Некоторых молоденьких девочек он уверял, что ему некому оставить большое наследство. Но эта пятнадцатилетняя девушка сама предложила ему познакомиться с ней поближе.

***Личность — это не интеллект.
Это духовность!***

Метеоризм:

Карташов ходил по квартире из угла в угол, то заходил в ванную, то забредал на кухню. Со стороны ни за что не догадаться, что он искал место, где можно смачно пукнуть. Ему очень хотелось, но страх того, что останется запах, за-ставлял его терпеть. С минуты на минуту к нему должна прийти девочка.

Сон:

Страшная морщинистая старуха похотливо поблескивала маленькими слезящимися глазками. Зацепив костлявой рукой край лохмотьев, кото-рые когда-то были юбкой, она стала медленно поднимать их. Из-под лохмотьев появилась очаро-вательная женская ножка. Чем выше поднимались лохмотья, тем прекрасней открывался вид на чистое, манящее, юное женское тело. Когда рубище через голову было сброшено, перед Карташовым стояла неземной красоты девушка, с длинными золотистыми волосами до пояса и огромными голубыми глазами.

***За все надо платить!
Перенасыщенность:***

Уставшие глаза утомленного излишествами мужчины каждый день продолжали взирать на все сильней и сильней дряхлеющий оригинал, отра-жаемый в зеркале. В понедельник Карташов остался дома. Рискуя быть

уволненным, на работу он не пошел. Сердце щемило, глаза были красные, яркий свет раздражал. Налицо приступ мелан-холии, грозящий перейти в глубокую депрессию. От долгого лежания на спине Карташова стали беспокоить колики в затылке. Он встал и начал бесцельно рыться в шкафу. На глаза попалась кассета, которую Карташов не смотрел уж несколько лет. Вставив ее в видеомагнитофон, он плюхнулся в кресло напротив телевизора. На экране замелькали голые тела его и несовершеннолетней девочки, которая приходила к Карташову более полугода — пока не узнали ее родители. Тогда шантажируемый Карташов, чтобы не сесть в тюрьму за растление, выплатил родителям девочки крупную сумму, оставшись без сбережений.

Воспоминания:

Небольшой садик порос толстыми виноградными стволами. Наверху образовалась крыша из широких виноградных листьев. Летом эта крыша давала тень, а осенью прибитые дождем к земле листья создавали сплошной мягкий ковер.

В саду для подрастающего Карташова, чтобы он не мешал маминому счастью, из фанеры был построен домик с крышей, покрытой толем. Недавно мама Карташова вышла замуж за азербайджанца, и в двух небольших комнатах основного дома стало тесно. За символическим забором, сделанным из натянутой железной сетки, территория соседей. У них сад побольше и домиков два. В сезон, когда изгородь буйно покрыта плющом, эти домики сдают курортникам.

По вечерам, когда пение цикад щекочет уши, Карташов влезает на крышу своего сарайчика. Прильнув к биноклю, он рассматривает жизнь отдыхающих, поселившихся у соседей. В бинокль отчетливо видно, что происходит в одном из сарайчиков. Карташов видит женщину лет тридцати. Женщина мажет тело,

обгоревшее днем на море, кислым молоком. Потом растирает другую женщину, много старше — видимо, мать. Карташов уже не слышит цикад, ему мешает прерывистое дыхание и стук собственного сердца. Карташову почти пятнадцать, а настоящего секса (по-взрослому) у него еще так и не было.

Следующий день был не пляжный, а где-то к полудню Карташов был разбужен стуком в стенку. Женский голос, извиняясь, просил достать с его крыши волан от бадминтона. Карташов вскочил с кровати и, не обуваясь, в одних трусах, вышел наружу. За оградой, раздвинув руками зелень, стояла вчерашняя женщина, которая всю ночь снилась ему. Карташов смутился, поскольку трусы выдавали, что он возбужден, по утрам всегда так. Он нырнул опять в сарай и лихорадочно натянул на себя джинсы. Волан Карташов искал долго, женщина подсказывала ему, где лучше искать, после подключилась сама. Так они познакомились.

Вечером Карташов угощал новую соседку молодым домашним вином и учился целоваться в губы. Эта женщина с мамой прожили в соседнем сарае еще три дня и три ночи. Все три ночи Юля, с которой Карташов был на вы, до первых петухов проводила у Карташова в сарае, пытаясь научить его всему тому, что знала сама. Так Карташов узнал, что может дать в постели взрослая женщина.

Ничто не вечно в таком виде, как есть, но все вечно видоизменяется.

Выводы:

Пошел дождь, он шумно стучал по карнизам, навязывая какие-то мысли, отвлекая от эротических событий на телеэкране.

Карташов, еще раз убедившись, что постельные страсти с несовершеннолетними теперь его не волнуют, встал, выключил телевизор, и уже ни на что не отвлекаясь, стал слушать шум дождя, сделав между

тем вывод, что сегодняшняя малолетка дает фору многим женщинам, чей сексуальный путь уже подходит к закату.

Все кончается, и печали, и радости.

Закат:

Страстишки безвозвратно уходили. Оставались лишь обиды, сожаления и след на половом органе от сифилисной язвы. Годы пролетали, и на смену сексуальным желанием приходили новые, например, вкусно поесть, отчего живот становился мягкий как холодец.

Всегда найдутся причины печалиться. Но в любом случае найдутся причины и удов-летворяться.

Огорчения:

Зеркальная витрина была установлена на месте, где постоянно ходят граждане. Редкий прохожий мог удержаться, чтобы не посмотреть на свое отражение. Увидев себя в зеркале, граждане замедляли шаг, а то и останавливались вовсе. Юноша с прыщавым лицом посмотрел на себя и дал стрекача. Девушка поправила стрелочки на черных чулках. Хромой попытался идти ровнее, сутулый выпрямился. Бабушка поправила платочек, а мальчишка показал себе язык. Посмотрел на свое отражение и Карташов: солидный, хорошо одетый мужчина лет пятидесяти пяти с грустными, потухшими от одиночества глазами.

Не имея смирения, покоя не жди.

Борьба с одиночеством:

Прозрачная вазочка для цветов — чтобы разнообразить интерьер. Карташов запустил туда золотую рыбку, а сверху вставил букетик под-снежников —

красиво. Через два дня цветочки завяли, рыбка сдохла.

Карташов вылил все это в унитаз и не расстроился. Жизнь придумает что-нибудь еще — надежда умирает последней.

Желающие иметь больше, чем имеют, под-вергаются многим вредным беспокойствам.

Как лучше?

Какое-то время Карташова, желающего хоть какой-нибудь близости, мучили сомнения. Если выходить по вечерам, когда стемнело, то в сумраке знакомиться с женским полом рискованно, можно загримированную страшилку принять за симпатяшку — тем более что зрение у него уже не ахти.

Однако, с другой стороны, у темноты есть свои преимущества. В сумерках не видно ни его краше-ных волос, ни морщин — короче, он может сойти за мужчину средних лет, особенно, если одеться в спортивное. Да, есть над чем подумать.

Только осознание своей неполноценности избавит вас от пагубного самолюбия.

Линда: последний роман

«Может, и правда, женщины умны глупостью», — думал Карташов, познакомившись с Линдой. Высокая крупная женщина поражала Карташова своей раскованностью и откровенностью. Раньше это оттолкнуло бы его, но сейчас он принимал это положительно — даже как редкий дар в наше лицемерное время.

***Правда хороша только тогда,
когда она нравится***

Откровения:

«Ребята, те, кто не на игле, в наших краях в основном пьющие, — рассказывала о себе Линда. — Мой муж очень любил выпить, но мы жили дружно, даже второго ребеночка хотели завести. Но спиртное мне запретили врачи, нельзя было из-за печени. Мы стали ссориться, из-за этого я потеряла любимого человека. Но теперь я опять выпить люблю. У тебя в доме есть что-нибудь? Наливай, Карташов».

Самообман не перестает быть самообманом, как бы человек не старался себя обмануть.

Страхи:

Боясь, что опять не будет эрекции, Карташов пил женьшень, пантокрин и прятал под подушкой таблетку Виагры. В ожидании прихода Линды ходил из угла в угол, нервничал, курил, даже выпивал для смелости.

Когда Линда приходила, Карташов обнимал ее и для начала ласкал руками. Поцелуй в шею, в мочку уха, языком по соску, в грудь, в живот, язык в пупок. А вот и плохо выбритый лобок. Карташов, стараясь понравиться, активно работал языком. Линда глубоко дышала, стонала и бор-мотала что-то по-эстонски. Писун Карташова при этом, вместо того, чтобы набухнуть, стать твердым и идти напролом, беспомощно повисал, съеживался и становился еще меньше, чем обычно.

Сиюминутные переживания часто являются фактором для жизненно важных решений.

Последние страсти:

В приливе нежности Линда наваливалась на Карташова с левой стороны, уткнувшись носом в его шею. От ее дыхания было щекотно и неприятно. От тяжести ее тела у Карташова начинались сердечные колики. Поудобней устроившись, Линда бессознательно ковыряла пальцем его плечо. Вскоре плечо начинало зудеть

и общее состояние Карташова ухудшалось еще больше. «Нет, — думал Карташов, — бабы, это уже не для меня».

***Смысл жизни часто определяют
возможности.***

Хватание за соломинку:

Борьба со старостью проходила для Карташова непросто. Он старательно делал зарядку, бегал по утрам. В ответ артериальное давление то низко падало, то высоко поднималось. Ноги подкашивались от слабости. Он мазал лицо увлажняющими кремами, но морщин появлялось все больше, кожа на шее провисала. Ни мази от радикулита, ни перцовые пластыри не снимали боль с поясницы. Несмотря на диеты и прием слабительных, желудок работал плохо. Периодически давал о себе знать геморрой, вылезая из заднего прохода зудящей болячкой. Не помогала даже сырая картошка, которую по совету Линды Карташов засовывал себе в задний проход. Зрение падало, волосы на голове редели, несмотря на то, что он опять начал тратиться на покупку самых дорогих средств от облысения.

Письмо Карташову:

«Ты не доверяешь мне даже ключ от своей квартиры. Ну что же, я тоже хочу быть неза-висимой, казаться интересной. Но мне, в отличие от тебя, потугов делать не надо, нога подо мной длинная, юбка короткая. Распущу волосы, вот я и интересная для мужчин, которые смотрят, хотят и приглашают. Я ухожу и хочу, чтобы ты знал — я достойна большего. Линда».

Доверять женщине, значит, провоциро-вать ее на предательство.

Воспоминания: первая любовь.

В шестнадцать Карташов влюбился в девушку из соседнего дома. Она была на пять лет старше. Когда девушка получила от влюбленного записку с признанием, она сама подошла к нему и спро-сила: «Ты сегодня из школы во сколько придешь?» «В шесть часов, а что?» «Дай мне ключ от твоего домика, в шесть я буду тебя там ждать».

Идя в школу, Карташов никак не мог по-верить своему счастью. Он едва смог высидеть первый урок — все мысли были о ней. Прибежав домой намного раньше, он потянул дверь сарайчика на себя, она была заперта. Но за дверью ясно слышались стоны. Карташов прильнул к окну и увидел свою любовь, убажжа-ющую какого-то мужика на его, Карташова, постели.

Каждый хочет считать себя правым, ибо кто прав, тот не виноват.

Все проходяще:

Теперь Карташов легко расставался с людьми. Они брали от него, что могли и шли своим путем. Правда, кое-что оставляли и Карташову, напри-мер, гадкие воспоминания.

Сон:

Сорвавшись с крыши, Карташов уцепился за край карниза и был счастлив, что уцелел. Но по тому же карнизу, по направлению к нему ползла большая змея. Карташов испугался и в ужасе разжал руки. Испуганный уж испугался не меньше и повернул назад.

***Жизнь штука сложная,
потому что полна выбора.***

Всему свое время:

Проснувшись в поту среди ночи, Карташов подумал: «Женщины оставляют меня, их хватает ровно настолько, пока не рассеивается иллюзия легкой добычи. Ну и черт с ними! Среди них не было ни одной, о чьем уходе я бы пожалел, а тем более страдал».

И вдруг до Карташова наконец-то дошло — он всю жизнь спал с женщинами, которых хотел, но, видимо, это были совсем не те женщины, которые были ему нужны.

Воспоминания:

Пожалуй, исключением была лишь Марыся — они прожили вместе шесть лет, потому что она единственная умела быть умницей. Карташов не любил ее и часто изменял. Но она, удивительно терпеливая, все понимающая и все прощающая, была, пожалуй, тем человеком, кто любил Карташова по-настоящему.

Когда у Марыси обнаружили в запущенной форме рак молочной железы, она не стала обременять Карташова проблемами. Тихо собрав вещи, она уехала к маме в другой город, где ее неудачно прооперировали, удалив грудь. Карташов получил от нее письмо, в котором она ни на что не жаловалась, ни в чем его не упрекала. Просто просила, чтобы он больше ей не писал.

***Чтобы найти Бога, нужно быть достойным его поиска.
На полпути к Богу:***

(Суеверия) Единственный купол старинной церквушки венчал большой позолоченный крест. Запрокинув голову, Карташов устремил свой взгляд вверх. Неведомая сила остановила его, и он, как

вкопанный, остался стоять у ворот храма. На самом кончике креста сидела большая черная птица. Она тоже смотрела на Карташова. Когда их взгляды встретились, птица раскинула большие черные крылья и громко каркнула.

Карташов воспринял это как дурной знак, внушив себе, что помощи и защиты, которую он хотел поискать в храме, он не получит.

Иной раз надо приложить немало усилий, чтобы оторваться от одного удовольствия и перейти к другому. Радости и огорчения:

Когда одиночество стало невыносимым, Карташов завел собаку. Покакав, собачонка, как правило, очень радовалась. Су-чила лапками, лаяла и виляла хвостом.

Сегодня Карташов, страдающий от запоров, выйдя из туалета, был доволен собой. Ему, как и псине, захотелось от радости повилить хвостиком. Он надел на собачонку поводок и пошел на набережную — по-стариковски посидеть на скамеечке.

Свободу может получить лишь тот, кто был рабом. К прошлому возврата нет:

На набережной к Карташову подседа женщина бальзаковского возраста. Явно желая завести знакомство, она сначала заговорила о собачке. После недолгой беседы, выяснив, что Карташов одинокий пенсионер, она предложила: «А что мы с вами на вы да на вы. Давайте перейдем на ты, так проще и удобней». Карташов помрачнел и, не боясь показаться грубым, желая

прекратить знакомство, ответил: «Насколько я знаю, вы, женщины, часто очень спешите познакомиться с мужчиной, перейти с ним на ты. Так вот, я, в отличие от вас, никогда не спешу переходить с женщинами на ты». Когда обиженная дама ушла, Карташов вдруг вспомнил, как он, уже в возрасте, кадрил молоденьких девчушек и часто получал от ворот поворот. «У вас красивые глаза», — сказал он одной из них. В ответ она сделала такое выражение лица, будто бы он наступил ей на сломанную ногу.

В конечном итоге у каждого впереди только смерть.

Неутешительные выводы:

Как это не грустно, беззаботные годы пробежали очень быстро. Что будет дальше — неизвестно. Хотя Карташов уже знал — жизнь, это не сказка и всегда заканчивается плохо. Грустные мысли и воспоминания все чаще и чаще посещали Карташова. Наконец-то он понял, почему ему так плохо, он так и не приобрел в жизни ощущение счастья и понимания смысла, для чего родился. Он с грустью ощущал, что смерть не за горами. Вспомнились, но не утешили, слова бродячего дер-виша: «Родиться надо уже для того, чтобы, умерев, узнать и сравнить — как там, после смерти».

***Если нет будущего, остается одно —
оглядываться в прошлое.***

Последнее воспоминание:

За деньги отчима мать Карташова договорилась с военкомом, и не совсем здорового Карташова забрали в армию (чтобы не мешал маминому счастью). После двух лет отсутствия Карташов вернулся к разбитому корыту. Матери уже год как не было в живых, она якобы скончалась от инфаркта. В доме и в его сарайчике проживала многочисленная азербайджанская семья. Карташову дали понять — ему лучше куда-нибудь исчезнуть. Взяв с Карташова расписку, ему одолжили

немного денег. Карташов догадывался, что его маму скорей всего отравили и, если что, убьют и его. Купив шляпу и пальто, Карташов поехал на Север, искать приюта у отца, но тот встретил его неласково.

Двадцатилетний Карташов уже тогда начал понимать, почему русские так плохо живут: «Евреи любят своих, армяне любят своих, татары любят своих, азербайджанцы любят своих — русские всегда своих ненавидят».

В зрелые годы Карташов редко вспоминал о родителях. Прожив первую часть жизни практически сиротой при живых родителях, Карташов считал, что только выиграл.

Слишком поздно до нас доходит, что жизнь — это дар Божий.

Финал:

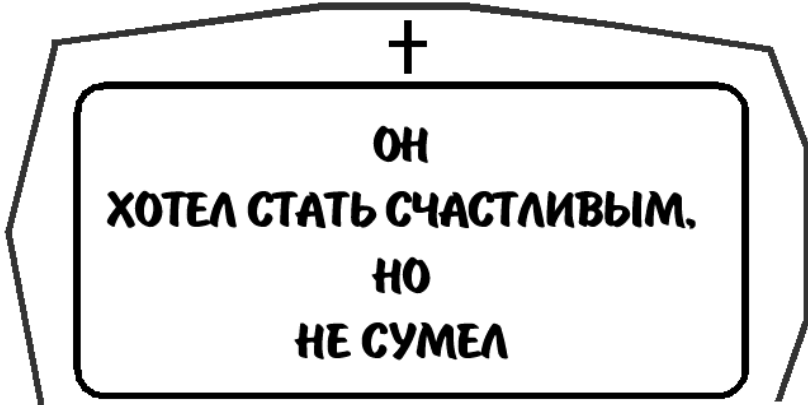
Карташов заболел. Машина скорой доставила его в больницу. «Из праха пришел — в прах обратишься — хорошенькая перспектива», — подумал Карташов. Лежа на больничной койке, Карташов достал из-под подушки зеркало и внимательно рассмотрел то, что от него осталось. В голове мелькнула странная мысль: «В этот мир я вошел в недоумении, и в недоумении из него уйду».

Все кончается смертью.

Exitus letalis:

Ослабевшая рука Карташова потянулась к тумбочке с лекарством. Он мучительно вспоминал, каплю из какой мензурки надо еще добавить в стакан, но вместо нужного капнул совсем не то. «Умирать надо вовремя», — утешал себя Карташов. Засыпая, он подумал: «Умереть даже интересно, поскольку можно узнать, уничтожит нас смерть, закабалив адом или раем, или отпустит на волю».

Желуди падали с высокого пожелтевшего дуба, с шумом прорываясь через сухую умершую листву. Упав на землю, они скатывались к скромному надгробному камню со странной эпитафией:

ОТ АВТОРА

Может быть, Карташов еще не умер? Даже наверняка он еще живет среди нас. Наверняка у каждого из нас есть свой знакомый Карташов.

***Лучшее средство борьбы со злом
—
искоренять зло в самом себе.***